

Марсель Прево

(Членъ Французской Академіи)

ОКОЛО ЛЮБВИ

Авторизованный переводъ Н. Я. Тасина.

Иллюстраціи съ акварелей Форэ, Кузена, М. и Ж. Абейъ и др.

Digitized by the Internet Archive
in 2015

<https://archive.org/details/okololiubvi00prev>

ОКОЛО ЛЮБВИ

ПОЛНАЯ БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Марсель Прево

(Членъ Французской Академіи)

ОКОЛО ЛЮБВИ

Русское Книгоиздательство въ Парижѣ
9, rue de l'Éperon, Paris (VI)

Марсель Прево

Марсель Прево, которому теперь уже подъ пятьдесятъ, праздновалъ недавно двадцатипятилѣтній юбилей своей литературной дѣятельности.

На неблагоклонность къ нему судьбы онъ не можетъ пожаловаться: съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности онъ обратилъ на себя вниманіе изяществомъ письма и особой, свойственной ему одному, удивительно выпуклой манерой обрисовки характеровъ и положеній.

Всякое новое произведеніе его жадно подхватывается публикой и перѣдко выдерживаетъ десятки изданій. Его талантъ признала и «Академія Безсмертныхъ», которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ вѣчала его своими лаврами.

Помимо большого таланта, тайна успѣха Марсея Прево кроется въ томъ, что онъ отсѣживалъ себѣ исключительную область, которая съ самого начала существованія человѣчества сильнѣе всего волнуетъ людей, возбуждаетъ въ нихъ острое, ненасытное любопытство. Это — область любви, отношеній между мужчиной и женщиной. Особенное вниманіе онъ удѣляетъ психологіи женской души. Во всѣхъ безъ исключенія произведеніяхъ его женщина играетъ главную, доминирующую роль. Правда, это большей частью французская женщина, легкомысленная, съ птичьимъ мозгомъ и крайне узкимъ кругозоромъ.

Но не разъ Прево дѣлалъ попытки вывести въ своихъ произведеніяхъ женщину и другого типа — сильную, независимую, живущую не одной только любовью, (напр. его *Vièrges Fortes*); увы, эти попытки ему не удавались, и онъ вернулся къ своимъ излюбленнымъ и въ тонкости изученнымъ героинямъ: кокеткамъ, флиртующимъ напропалую молоденькимъ дѣвушкамъ, ищущимъ приключеній вдовушкамъ, испившимъ чашу любви до дна, по все еще жадно тянущимся къ ней женщинамъ «опаснаго возраста».

Въ предлагаемой читателю книгѣ мы собрали наиболѣе характерные для Прево рассказы, которые, въ общемъ, составляютъ цѣлую галлерю женскихъ типовъ, несложную, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне интересную психологію которыхъ Марсель Прево освѣщаетъ со свойственнымъ ему умѣниемъ и знаніемъ.

Н. Т.

Куколка

I

Есть люди, съ которыми вѣчно что-нибудь случается; глядя на постоянную смѣну хорошаго и дурного въ ихъ жизни, можно было бы подумать, что судьба съ особымъ интересомъ занимается ими. Другихъ она, наоборотъ, совершенно забываетъ, подобно тому, какъ учителя казенныхъ учебныхъ заведеній забываютъ многочисленныхъ учениковъ своихъ, которыхъ имъ только очень рѣдко случается вызывать. У такихъ, забытыхъ судьбой людей, дни слѣдуютъ одни за другимъ, какъ въ календарѣ — методично, однообразно, отличаясь только числами. Ихъ молодость является естественнымъ продолженіемъ ихъ дѣтства и шагъ за шагомъ, безъ скачковъ и пертурбацій, переходитъ въ старость, которая, въ свою очередь, ровной, плоской дорогой доводитъ ихъ до могилы.

Вопреки распространенному мнѣнію, жизнь такихъ людей проходитъ быстро и какъ-то незамѣтно: за отсутствіемъ яркихъ этаповъ не оглянешься, какъ она приходитъ къ концу. „Однако, какъ быстро летитъ время!“ — то и дѣло говорятъ забытые судьбой люди, когда день смѣняется ночью.

— Какъ быстро летитъ время! — изодня въ день думалъ Жюль Бурдуа, усаживаясь по обыкновенію около двухъ часовъ дня передъ мраморнымъ столикомъ тихой кофейни. На столикѣ уже стояла, пока еще пустая, чашка и лежала и его любимая газета „Figaro“.

— Какъ быстро летитъ время! — Прошло уже 24 часа съ тѣхъ поръ, какъ онъ всталъ изъ-за того же мраморнаго столика своей излюбленной кофейни, расположенной на бульварѣ Вожираръ, недалеко отъ вокзала Монпарнасъ. 24 часа, 48 часовъ, недѣли, мѣсяцы — все это такъ быстро летѣло, оставляя въ памяти Жюля Бурдуа все тѣ

же картины: спокойную кофейню, мраморный столикъ, „Figaro“ и т. п. мелочи. Впрочемъ, въ зависимости отъ времени года и погоды, кой-какія детали мѣнялись: когда было холодно, Жюль Бурдуа сидѣлъ внутри кофейни, а въ хорошую погоду — на открытомъ воздухѣ. Но за одинацать съ лишнимъ лѣтъ (ему тогда было 35, а теперь пошелъ уже сорокъ седьмой), онъ такъ былъ вѣренъ своей кофейнѣ, что если сложить пропущенные имъ дни, врядъ-ли получилось бы три мѣсяца. Онъ очень неохотно покидалъ Парижъ, даже въ лѣтнія жары. Одинъ только разъ за все время онъ провѣлъ нѣсколько недѣль на водахъ, чтобы полѣчить свой ревматизмъ.

— Какъ быстро лѣтитъ время! — думалъ Жюль Бурдуа. — До національнаго праздника 14 іюля осталось всего какихъ-нибудь десять дней... Поѣхать мнѣ въ этомъ году на воды?

Предаваясь этимъ размысленіямъ, Жюль Бурдуа потягивалъ за мраморнымъ столикомъ свою любимую сигару и маленькими глотками отивалъ ароматный, специально для него приготовленный кофе. Въ этотъ часъ онъ былъ единственнымъ посѣтителемъ скромной, чистенькой кофейни. Единственный гарсонъ со скучающимъ видомъ полудремалъ, опершись спиной о чугунную колонну, во внутреннемъ помѣщеніи; за кассой сидѣла хозяйка, немолодая уже, довольно тучная особа. Солнце ярко свѣтило, и было душно. Бульваръ, съ его тощими каштановыми деревьями, на которыхъ уже пожелтѣли листья, съ длинными, сѣрыми заборами, за которыми тянулись пустыри, казался уголкомъ Сахары. Скучная тѣнь легла по той сторонѣ, гдѣ находилась кофейня, но несмотря на это, несмотря на навѣсъ и на то, что тротуаръ часто поливали, здѣсь было такъ душно, что дышать нечѣмъ было. Кругомъ все было пустынно — ни шума, ни дви-

женія; только по близости отъ Монпарнаскаго вокзала ѣздили взадъ и впередъ фіакры и ломовыя дроги.

Жюль Бурдуа, повидимому, все же чувствовалъ себя прекрасно; онъ любилъ этотъ пустынный бульваръ съ его безлюдіемъ, любилъ эту кофейню, — быть можетъ, именно потому, что въ этотъ часъ онъ бывалъ ея единственнымъ посѣтителемъ; онъ какъ будто бы даже ничего не имѣлъ противъ душающей жары. Завсегдатаи кофейни, мелкіе желѣзнодорожныя и заводскіе служащіе, въ этотъ часъ были заняты, и только одинъ Жюль Бурдуа, пообѣдавъ въ своемъ излюбленномъ ресторанѣ у Лавеню, занималъ свой столикъ: здѣсь было такъ тихо, спокойно!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько движеній лѣвой рукой: ревматическихъ болей какъ будто нѣтъ. Вотъ бы славно, еслибы ему въ этомъ году не пришлось ѣхать на воды!

Потомъ онъ принялся за газету, съ удовольствіемъ думая о томъ, что его здововье въ общемъ довольно удовлетворительно. Жюль Бурдуа очень дорожилъ своимъ здоровьемъ и гордился тѣмъ, что въ 50 почти лѣтъ такъ еще сохранился. Еслибы не давашія себя время отъ времени чувствовать ревматическія боли, онъ былъ бы совсѣмъ еще молодцомъ. На внѣшность свою онъ тоже пожаловаться не могъ. Его скудные, съ просѣдью, волосы на головѣ были острижены ежикомъ, окаймляя низкій лобъ; изъ подъ густыхъ рѣсницъ смотрѣли добрые, голубые глаза; красивый ротъ, съ тонкими сѣдоватыми усами на верхней губѣ, придавалъ ему молодежавый видъ. Носилъ онъ просторный пиджакъ изъ чернаго альпага, безукоризненно-бѣлые брюки и такой же жилетъ, изъ подъ котораго выглядывалъ изящный, свѣтлый, съ крупными горошинами, галстукъ. Соломенная шляпа съ черной лентой и желтые бонинки дополняли его туалетъ. Все же ему давали лѣтъ 45, что его очень огорчало; за то его часто принимали за отставнаго офицера, и это льстило его самолюбію.

Пробѣжавъ глазами руководящія статьи, Бурдуа положилъ газету, чтобы не очень утомляться: всякое напряженіе мѣшаетъ пищеваренію.

Бульваръ понемногу сталъ оживать. Жара спадала, и женщины стали выходить изъ домовъ, въ свободныхъ домашнихъ туалетахъ, небрежно причесанныя; съ какой-нибудь работой въ рукахъ, онѣ садились у воротъ и принимались болтать между собой. По сосѣдству съ кофейней играли въ мячъ три дѣвочки, которыя, подбросивъ мячъ, прежде чѣмъ поймать его, кружились на мѣстѣ и хлопали въ ладоши. Изъ ближайшаго кабачка вышелъ какой-то совершенно пьяный человекъ, съ такимъ краснымъ лицомъ, что Бурдуа испугался, какъ бы онъ не упалъ тутъ же, на улицѣ; но страхи его оказались напрасны: пьяный, держась руками за деревья и скамейки, благополучно добрался до угла и скоро исчезъ изъ виду. Потомъ прибывшій на Монпарнасскій вокзалъ поѣздъ на нѣкоторое время наполнилъ улицу шумомъ фіакровъ, на которыхъ, среди багажа, сидѣли запыленные, обливающиеся потомъ пассажиры. Затѣмъ откуда-то появилась, въ синей юбкѣ и бѣлой, перехваченной чернымъ поясомъ блузкѣ, какая-то дѣвушка; очутившись по близости отъ Бурдуа, она замедлила шагъ и улыбнулась ему просящей улыбкой. Но Бурдуа холодно отвернулся: онъ не любилъ такого рода приключеній. Эти женщины всегда казались ему источникомъ всевозможныхъ опасностей для его спокойствія, здоровья и кошелька. Дѣвушка поняла, что съ него взятки гладки, и прошла мимо.

Въ ту же минуту изъ-за ближайшаго угла показался красный автомобиль; Бурдуа увидѣлъ высунувшуюся изъ-за его дверцы мужскую голову въ панамѣ; шофферъ замедлил ходъ и съ недоумѣніемъ сталъ оглядываться; послѣ нѣ котораго колебанія онъ направился прямо къ кофейнѣ и остановился у терассы, на которой сидѣлъ Бурдуа. Человекъ, которому на видъ можно было дать лѣтъ сорокъ, тотчасъ же выскочилъ изъ автомобиля. Онъ былъ въ свѣтлосѣромъ костюмѣ, въ свѣтлыхъ перчаткахъ; въ рукахъ у него была изящная трость съ серебряннымъ набалдашникомъ.

Скромный видъ кофейни, повидимому, удивилъ его; но взглянувъ на сидѣвшаго за мраморнымъ столикомъ единственнаго посѣтителя ея, онъ успокоился: Жюль Бурдуа

былъ очень приличенъ. Прибывшій, властно стукнулъ по мраморному столику, и къ нему сѣбно подбѣжалъ гарсонъ.

— Содовой воды съ сахаромъ и лимономъ! И кусочекъ льду! — приказалъ тотъ.

— Слушаю-съ!

Но отойдя нѣсколько шаговъ, гарсонъ вернулся и почтительно доложилъ:

— Содовой воды у насъ нѣтъ-съ.

— Вотъ тебѣ и на! Въ такомъ случаѣ, дайте мнѣ простой воды... только, если возможно, безъ микробовъ!

— У насъ есть, если вамъ угодно, сельтерская вода...

— Ладно! Давайте ее сюда, — только поскорѣй!

И посетитель, усѣвшись, за столикъ, снялъ свою панаму и сталъ вытирать платкомъ потъ со лба. Бурдуа замѣтилъ, что онъ совершенно лысъ. Впрочемъ, какое ему до этого дѣло. Бросивъ украдкой еще одинъ взглядъ на сосѣда, онъ опять углубился въ свою газету, которой, кстати, совершенно закрылъ себя отъ нескромныхъ взоровъ. Онъ, вообще, не любилъ новыхъ лицъ и боялся какихъ бы то ни было знакомствъ; вдобавокъ, этотъ господинъ, панаму котораго стоила по меньшей мѣрѣ 200 франковъ и который разбѣжалъ въ дорогомъ автомобилѣ, почему-то вызывалъ въ немъ чувство досады.

— Пыль въ глаза пускаетъ! — чуть не со злобой думалъ онъ. — Хвастаетъ бриллиантовой булавкой въ галстукъ и модными ботинками... И Жюль Бурдуа рѣшительно погрузился въ чтеніе статьи о возможной забастовкѣ рабочихъ газовой компаніи. Сосѣдъ явно пытался завязать съ нимъ разговоръ: онъ велухъ говорилъ, что поданный ему лимонъ никуда не годится, жаловался на жару, дѣлалъ выговоры гарсону; потомъ онъ предложилъ шофферу выпить что-нибудь.

— Не стѣсняйтесь, другъ мой, берите что хотите: я за васъ плачу! — говорилъ онъ чуть не на весь бульваръ.

— Отвратительныя манеры! — думалъ подъ прикрытіемъ „Figaro“ Бурдуа. — Онъ хорошо одѣтъ, но очень плохо воспитанъ...

Бурдуа на первомъ планѣ ставилъ хоро-

шее воспитаніе. Самъ онъ былъ человѣкъ очень корректный, съ изысканными манерами: недаромъ онъ прослужилъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ чиновникомъ одного очень серьезнаго вѣдомства. — Когда я былъ на государственной службѣ, — часто говаривалъ онъ, — директоръ департамента очень цѣнилъ мою корректность и обращался со мной, какъ съ равнымъ...

Вотъ почему онъ съ самаго начала строго отнесся къ усѣвшемуся неподалеку отъ него господину въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ. — Какой-нибудь авантюристъ, выскочка, — во всякомъ случаѣ, одинъ изъ тѣхъ господъ, которыхъ очень и очень надо опасаться, — опредѣлилъ его про себя нашъ герой. — Можетъ быть, даже какой-нибудь преступникъ, вродѣ Иранцини или Галле! — продолжалъ онъ злобствовать. Но само собой разумѣется, и виду не подавалъ, что въ головѣ его бродятъ такія мысли, и продолжалъ читать о забастовкѣ газовыхъ рабочихъ. „Вчера вечеромъ, — читалъ онъ, — состоялось въ залѣ Ваграмъ собраніе рабочаго синдиката. Около двухъ тысячъ человѣкъ сошлось сюда, чтобы выразить свою солидарность.“...

Но Бурдуа такъ и не суждено было узнать, о какой солидарности шла рѣчь. Какъ разъ въ эту минуту показался изъ-за угла фіакръ съ опущеннымъ верхомъ, и остановился рядомъ съ автомобилемъ. Изъ фіакра легко выпрыгнула молоденькая, хорошенькая блондинка, кокетливо одѣтая въ миленькое черное платье съ такимъ же жакетомъ. Въ рукахъ у нея были двѣ картонки, въ которыхъ дѣвушка изъ магазиновъ обыкновенно развозятъ заказчицамъ шляпы. Съ перваго взгляда можно было безошибочно опредѣлить, что это работница.

Господинъ въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ съ протянутыми руками поднялся ей навстрѣчу.

— Наконецъ-то! — воскликнулъ онъ. — А я, моя дорогая, былъ уже въ отчаяніи.

— Мнѣ не такъ-то легко было вырваться! — съ улыбкой отвѣтила дѣвушка. — Я насилу дождалась, пока мадамъ окончила эти вотъ шляпы, которыя мнѣ надо отвезти заказчицамъ... Я такъ хочу пить! Это вкусно, то, что вы пьете?

Она сѣла рядомъ съ нимъ. Черезъ ми-

нута гарсонъ подалъ и ей сельтерской съ лимономъ и сахаромъ. Парочка, близко придвинувъ стулья, начала вполголоса бесѣду. Бурдуа, который снова дѣлалъ видъ, что читаетъ газету, все же внимательно прислушивался и улавливалъ кой-какіе обрывки фразъ.

— . . . Я свободна до завтрашняго утра . . . сказала, что буду ночевать въ Аньерѣ, у невѣстки . . .

— . . . мы будемъ обѣдать на Елисейскихъ Поляхъ . . . шикарный ресторанъ . . . тамъ свой челоуѣкъ . . .

— Съ шампанскимъ? — весело и на этотъ разъ громко воскликнула дѣвушка. — Вотъ это славно! Только вотъ эти шляпы . . . Ихъ необходимо сдать до четырехъ часовъ . . .

— Ну, еще пять минутъ посиди! Успѣешь . . .

— Онъ говорить ей ты! — подумалъ Бурдуа. — „Это возмутительно! . . . Такая молоденькая дѣвушка . . . Ей навѣрное не больше семнадцати лѣтъ . . . Какой сатиръ“! . . .

Онъ былъ въ такомъ негодованіи, что готовъ былъ крикнуть полицейскаго и потребовать отъ него, чтобы тотъ арестовалъ гнуснаго искusstителя. Онъ теперь даже почти не скрывалъ, что наблюдаетъ за ними и что возмущенъ до глубины души.

Между тѣмъ, господинъ въ свѣтло-сѣромъ, чувствуя себя предметомъ вниманія со стороны Бурдуа, не только не обнаруживалъ смущенія, но, наоборотъ, становился съ каждой минутой смѣлѣе и развязнѣе. Онъ взялъ руку дѣвушки и сталъ ее цѣловать.

Она не протестовала и съ видимымъ удовольствіемъ оглядывала эlegantный костюмъ своего кавалера.

— Вы прекрасно одѣты! сказала она.

— Что за „вы“? Говори мнѣ, пожалуйста, „ты“!

Съ шампанскимъ? Вотъ это славно!

Она наскоро допила содержимое своего стакана и встала. Онъ тоже всталъ.

— До свиданія!

Онъ взялъ ея руку въ свою и пошелъ съ ней къ фіакру.

Кучеръ, который за это время завязалъ знакомство съ шофферомъ автомобиля, сѣлъ на козлы. Дѣвушка осмотрѣлась и, убѣдившись, что по близости никого нѣтъ, прошептала:

— Поцѣлуй меня!

Бурдуа слышалъ это. Въ ту же минуту онъ увидѣлъ, какъ они поцѣловались, не стѣсняясь ни кучера и шоффера, ни гарсона и хозяйки кофейни, которые стояли въ

— Ты очень изященъ въ этомъ костюмѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ? И ты любишь меня, моя маленькая Зонъ?

Зонъ съ лукавымъ видомъ отрицательно покачала головой, но въ то-же время сложеными какъ бы для поцѣлуя губами сказала „да“

— Ну, будетъ! Мнѣ надо идти! Который часъ?

— Двадцать шесть минутъ четвертаго! — отвѣтилъ онъ, взглянувъ на часы.

— Вѣгу! Итакъ, до вечера!

— Да, въ четверть девятаго, передъ рестораномъ.

дверяхъ. Поцѣлуй былъ долгій, сочный. Наконецъ дѣвушка сѣла въ фіакръ и, высунувъ изъ-подъ его опущеннаго верха свою бѣлокурую головку, крикнула кучеру адресъ.

Кавалеръ ея съ минуту провожалъ взглядомъ карету, которая подняла за собою густое облако пыли, потомъ вернулся, чтобы расплатиться.

— И что въ немъ хорошаго! — съ злымъ чувствомъ говорилъ себѣ Бурдуа. — Истасканная физиономія, маленькіе, свинные глазки, да къ тому-же еще лысый! . . .

Его строгіе глаза встрѣтились съ глазами сосѣда. Тотъ, держа между двумя пальцами серебряный пятифранковикъ, остановился, словно чѣмъ-то пораженный. Бурдуа тоже былъ смущенъ какимъ-то отдаленнымъ воспоминаніемъ. Но сосѣдъ не далъ ему времени для размышленій и съ широкой улыбкой направился прямо къ нему.

— Жюль Бурдуа, не правда-ли? спросилъ онъ.

— Да . . .

— Ты меня не узнаешь?

— Простите, но мнѣ кажется . . .

— Вспомни-ка лицей въ Лиможѣ, кофе съ молокомъ и съ абсентомъ!

— Житракъ? Луи Житракъ?

И они сердечно пожали другъ другу руки. Бурдуа сразу смягчился. Онъ вспомнилъ этого Житрака, худшаго во всемъ классѣ ученика, веселаго, не унывающего, легкомысленнаго врага, который все же пользовался общей любовью. Онъ вѣчно рассказывалъ про какія-то удивительныя приключенія свои съ женщинами, затѣвалъ дикія пари, сочинялъ, выдумывалъ и, вообще, былъ большимъ затѣйникомъ. Теперь, глядя на него, Бурдуа сразу забылъ и про его кричащій костюмъ, на который онъ минуту тому назадъ смотрѣлъ съ такой злобой и про его возмутительное обращеніе съ молодой дѣвушкой.

— Чертъ возьми, Житракъ! — восклицалъ онъ. — Кто бы могъ думать! . . . присядь, выпьемъ чего-нибудь на радостяхъ! Чего ты хочешь? Пива?

— Нѣтъ, я предпочитаю какой-нибудь ликеръ. Твой коньякъ хорошъ?

— Великолѣпнѣй! Вотъ увидишь . . . Эмиль, еще рюмочку!

Они усѣлись и съ минуту смотрѣли другъ на друга.

— Нельзя сказать, чтобы ты похудѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались! — съ улыбкой сказалъ Житракъ. — Это твоя жена такъ ухаживаетъ за тобой?

— Я не женатъ! — возразилъ Бурдуа, почему-то покраснѣвъ. — Ну, а ты какъ? Навѣрное, разбогатѣлъ?

— Нѣтъ, и не думалъ. Такъ, зарабатываю понемногу . . .

— Чѣмъ ты занимаешься? Въ лицей ты мечталъ о сценѣ . . .

— Дѣла давно минувшихъ дней! Я по торговой части пошелъ. Сначала я былъ представителемъ одной крупной виноторговой фирмы изъ Бордо, но дѣла шли неважно, и я нашелъ другое дѣло. Теперь я развѣзжаю съ перьями для дамскихъ шляпъ . . . Чертъ возьми, твой коньякъ, дѣйствительно великолѣпнѣй!

— Не правда-ли? — обрадовался Бурдуа. — Надо тебѣ сказать, старина, что въ этой маленькой кофейнѣ меня очень цѣнятъ и всесекки за мной ухаживаютъ; никому кромѣ меня здѣсь такого коньяка не подадутъ . . . Обѣдаю я у Лавеню, около вокзала . . . Прекрасный ресторанъ!

— Знаю! Но скажи мнѣ, чѣмъ же ты занимаешься?

— Я служилъ чиновникомъ, въ акцизѣ. Служилось мнѣ очень недурно, и въ 35 лѣтъ я былъ уже назначенъ контролеромъ въ Мансъ . . . Но потомъ я вдругъ получилъ наслѣдство отъ дяди, со стороны матери . . . Хорошее наслѣдство . . . Ну, я и бросилъ службу и переселился въ Парижъ, потому что только въ Парижѣ можно жить съ полнымъ комфортомъ . . .

— И ты ничего не дѣлаешь?

— Говорятъ же тебѣ, что я вышелъ въ отставку. Я имѣю девять тысячъ ежегоднаго дохода, — директорское жалованье! Притомъ, требованія у меня очень скромныя, и мнѣ этихъ денегъ вполне достаточно. Да и зачѣмъ бы я служилъ? Чтобы заработать еще какихъ-нибудь три тысячи въ годъ? Ну нѣтъ, слуга покорный! . . . Только не думай, что я веду глупую жизнь сытаго мѣщанина! Далеко нѣтъ! Я читаю, часто бываю въ театрѣ, хожу по музеямъ, недавно

вотъ былъ на автомобильной выставкѣ, — вообще, стараюсь не отставать отъ вѣка... По вечерамъ я встрѣчаюсь въ ресторанѣ съ нѣсколькими пріятелями... Такъ жизнь и проходитъ и, между нами, проходитъ слишкомъ быстро...

— А кто занимается твоимъ хозяйствомъ?

— Есть у меня служанка, землячка моя, по имени Филомена... Она очень заботится обо мнѣ... Я живу здѣсь недалеко, на улицѣ Монпарнасъ... У меня миленькая квартирка.

— Да, ты мудрецъ! — сказалъ Житракъ, вѣлѣвъ подать себѣ еще рюмку. — Впрочемъ, съ девятью тысячами въ годъ не трудно быть мудрецомъ... Такъ-то, гнусный буржуа, тунеядецъ ты этакій!

И онъ дружески похлопалъ его по колѣнкѣ. Потомъ, близко придвинувъ къ нему лицо и глядя ему въ глаза, спросилъ:

— Ну, а по части женскаго пола, какъ ты устраиваешься?

Бурдуа смутился и отвелъ глаза: онъ былъ очень стыдливъ.

— О, насчетъ женщинъ!... Обыкновенно... какъ всѣ...

— Ужъ не хочешь-ли ты убѣдить меня, что въ твоей холостой жизни женщины не играютъ никакой роли? Такъ я тебѣ и повѣрилъ? Навѣрное, прилипъ къ какой-нибудь юбкѣ! Вотъ, напримѣръ, эта твоя Филомена...

Бурдуа взглянулъ на него своими наивными голубыми глазами.

— Филомена? Но ей пятьдесятъ три года! Нѣтъ, увѣряю тебя, ты ошибаешься...

Житракъ презрительно пожалъ плечами, и Бурду почувствовалъ потребность оправдаться въ чемъ-то.

— Собственно, одно время я думалъ жениться! Это было въ Мансѣ. Я встрѣтилъ одну дѣвушку, которая пришлась мнѣ по душѣ. Она не была ни богата, ни хороша, но, ты понимаешь, она мнѣ нравилась... Бѣда была только въ томъ, что она, хотя и соглашалась выйти за меня, любила другого, — одного молодого чиновника изъ департамента косвенныхъ налоговъ. Конечно, ставъ моей женой, она бы меня не обманывала, такъ какъ это была безусловно

честная дѣвушка, но все же... ты понимаешь? Ну, вотъ я и остался холостякомъ...

Онъ остановился. Житракъ внимательно смотрѣлъ на него. Бурдуа понялъ, что тотъ читаетъ въ его душѣ какъ въ открытой книгѣ, видитъ его насквозь, съ его непобѣдимой робостью передъ женщинами и, въ то же время, съ нѣжнымъ, жаждущимъ женской привязанности, сердцемъ.

Бурдуа стало неловко подъ пытливымъ взглядомъ пріятеля, и онъ рѣшилъ взять реваншъ.

— За то ты, старина, — заговорилъ онъ, — кажется, далеко не принадлежишь къ аскетамъ?

— Хороша штучка, не правда-ли? — вмѣсто отвѣта спросилъ Житракъ, лукаво подмигивая въ ту сторону, куда скрылась бывшая съ нимъ дѣвушка. — И потѣшная какая! Все ее занимаетъ... Свѣженькая, аппетитная и, главное, нетронутая еще!..

— Еще бы! Въ ея годы это было бы чудовищно! Вообще, она совсѣмъ еще ребенокъ...

Въ эти послѣднія слова онъ вложилъ укоръ; но теперь онъ далеко не испытывалъ того добродѣтельнаго негодованія, какимъ было полно его сердце прежде, когда онъ еще не зналъ, что коварный соблазнитель — его старый школьный товарищъ.

Житракъ весело размѣялся.

— Славный ребенокъ! Да ей семнадцать лѣтъ, мой милый, а парижскія модисточки могутъ завязывать романы начиная съ тринадцати. Семнадцать лѣтъ въ Парижѣ, да еще въ модной мастерской, — Господи, да такая дѣвочка заткнетъ за поясъ любую тридцатипятилѣтнюю провинціалку! Вотъ эта самая Зонъ, когда я впервые встрѣтился съ ней у ея хозяйки на прошлой недѣлѣ...

— Какъ, только на прошлой недѣлѣ! И вы ужъ назначаете другъ другу свиданія?

— Но пойми, я не могу затягивать этихъ исторій: послѣ завтра я уѣзжаю по дѣламъ въ Брюссель, оттуда въ Берлинъ, Вѣну и Будапештъ; вернусь я только въ началѣ сентября. Какъ видишь, мнѣ каждая минута дорога! Въ прошлый четвергъ эта блондиночка открыла мнѣ дверь, когда я пришелъ къ ея хозяйкѣ; вижу — смазли-

венькая дѣвушка! Ну, натурально, я на минуту остановился съ ней, сказалъ ей парочку двусмысленностей, — смѣется. Прихожу на другой день, подношу для перваго знакомства какой-то пустячокъ — кольцо въ двадцать франковъ — и съ мѣста въ карьеръ иду въ атаку: дескать, буду ждать васъ сегодня вечеромъ при выходѣ изъ

урвать нѣсколько свободныхъ минутъ только вечеромъ или ночью и такъ какъ я послѣ завтра уѣзжаю на цѣлыхъ полтора мѣсяца. Она чуть-чуть надуваетъ губки, но видя, что я серьезно намѣренъ „отказаться отъ удовольствія“, скоро сдается; она назначаетъ мнѣ это вотъ свиданіе, пообщавъ въ то же время, устроить такъ, чтобы имѣть возможность провести со мной и вечеръ. Ну, и вотъ... теперь не я за ней, а она за мной бѣгаетъ: это она по собственной инициативѣ придумала сказать дома, что будетъ ночевать у невѣстки въ Анверѣ...

Бурдуа слушалъ пріятеля съ жаднымъ вниманіемъ, въ которомъ было и чувственное волненіе стараго холостяка, и возмущеніе человѣка со строгими принципами.

— Она будетъ ночевать въ Анверѣ? — спросилъ онъ, добываясь подробностей. — Значитъ, ты послѣ ужина отвезешь ее къ ея невѣсткѣ?

Житракъ вмѣсто отвѣта только свиснулъ.

— Какъ! — воскликнулъ Бурдуа. — Значитъ, она общалась пробывать съ тобой всю ночь до утра!

— Ничего она мнѣ не общала, глупецъ ты этакій! Да я ни о чемъ и не просилъ ее; но неужели ты не понимаешь, что послѣ ужина съ шампанскимъ въ Елисейскихъ Поляхъ... Ну, и наивенъ же ты! Можно было бы подумать, что ты вчера только изъ Манса.

Бурдуа промолчалъ. Ему вдругъ стало жарко, и онъ снялъ шляпу, положивъ ее на сосѣдній стулъ. Тѣнь, между тѣмъ, стала значительно больше и покрывала уже половину бульвара, по которому тамъ и сямъ показывалась гуляющая публика. Подувалъ легкій вѣтерокъ.

— Становится не такъ душно! — сказалъ Бурдуа послѣ короткаго молчанія.

— Да, на небѣ появились тучки. Какъ бы дожда не было!

— Это было бы очень хорошо!

Они снова замолчали и стали слѣдить за тѣмъ, какъ пустынный недавно бульваръ начиналъ понемногу оживляться. Житракъ вынулъ серебрянный портсигаръ съ модными, довольно безвкусными украшениями и протянулъ его Бурдуа; когда тотъ отказался,

Нѣтъ, не здѣсь: здѣсь, меня всѣ увидятъ! мастерской. — „Нѣтъ, не здѣсь, — говорить она, — здѣсь меня увидятъ“. И назначаетъ на тотъ же вечеръ, въ половинѣ седьмого, свиданіе въ другомъ мѣстѣ. Ну, встрѣтились, гдѣ было условлено; я позволилъ себѣ кой-какія вольности... такъ, не очень... Потомъ прошу о свиданіи гдѣ-нибудь въ закрытомъ помѣщеніи, — не хочеть! Ей хотѣлось бы совершить загородную прогулку, побывать въ театрѣ, покататься въ автомобилѣ. Терпѣть не могу всѣхъ этихъ промежуточныхъ станцій, — я люблю идти прямо къ цѣли. Поэтому, я отвѣчаю ей, что къ моему величайшему сожалѣнію, мнѣ придется отказаться отъ удовольствія видѣться съ ней, такъ какъ могу

онъ самъ закурилъ и внимательно сталъ пускать кольца дыма.

— А когда ты уѣдешь въ Брюссель, какъ же это будетъ? — нерѣшительно, подыскивая выраженія, спросилъ Бурдуа.

— Что именно?

— Какъ ты думаешь поступить съ этой дѣвушкой?

— Никакъ! Она вернется въ свою мастерскую — и дѣлу конецъ! Если у меня будетъ желаніе, я встрѣчусь съ ней по возвращеніи въ Парижъ. Впрочемъ, я готовъ побиться объ закладъ, что къ тому времени она и думать обо мнѣ забудетъ... не безпокойся, у меня будетъ преемникъ, если не преемники!

— Неужели ты допускаешь такую возможность?

— Ну, и младенецъ же ты, ей Богу! Повидимому, ты въ Мансѣ имѣлъ дѣло только со святыми женщинами... нѣтъ, милый, смѣю тебя увѣрить, что мастерицы модныхъ магазиновъ совершенно не претендуютъ на премію за добродѣтель. Я очень мало знаю эту самую Зонъ, Терезу-тожъ, если не считать того, что отецъ ея бухгалтеръ и что она работаетъ въ магазинѣ съ четырнадцати лѣтъ; но обладая такой мордочкой... успокойся, у нея имѣется уже достаточный любовный опытъ! Ты не знаешь, наивный ты человѣкъ, что такое парижская модная мастерская: вѣдь тамъ идутъ разговоры, которыхъ даже мы въ лицѣ не вели. Да, повѣрь, эти невинные ангелы по этой части дадутъ сто очковъ впередъ любому лицеисту! Женщины вообще порочнѣ мужчинъ; притомъ, въ этихъ мастерскихъ всегда есть дѣвушки съ большимъ опытомъ, и онѣ то просвѣщаютъ остальныхъ, между тѣмъ, какъ мы, съ лицей, были только теоретиками. О, въ модныхъ мастерскихъ дѣвченки проходятъ [хорошую школу! Моя Зонъ многому могла бы тебя научить!..

— Это ужасно! — пробормоталъ Бурдуа. — Но вѣдь есть же между ними честныя дѣвушки... Онѣ выходятъ замужъ, — пусть за своихъ прежнихъ любовниковъ, но все же... Между тѣмъ, ты вѣдь не женишься на этой Зонъ? Притомъ, какъ бы онѣ ни были развратны, онѣ все же умѣ-

ютъ, я думаю, во время остановиться. И вдругъ, вообрази себѣ, ты явишься для нея первымъ, который ее серьезно соблазнить?

— Что жъ, я бы только поздравилъ себя съ удачей!

Бурдуа былъ пораженъ такимъ цинизмомъ.

— Но вѣдь это такая отвѣтственность!

— Ахъ ты, чинуша! Ты, кажется, собираешься протоколъ составлять?

— Чинуша я или нѣтъ, но мнѣ думается, что соблазнить семнадцатилѣтнюю дѣвочку и потомъ спокойно укатить себѣ въ Брюссель, думая о ней столько же, сколько о брошенномъ окуркѣ сигары, это... это...

— Гнусно, хочешь ты сказать!

— Да, гнусно!

Бурдуа испугался было такого рѣзкаго слова, но Житракъ спокойно заговорилъ:

— А я тебѣ скажу, что соблазнилъ Зонъ, я ей окажу этимъ услугу. Да, мой милый, услугу! Потому что раньше или позже, она непременно падетъ; ужъ на этотъ счетъ вѣрь моей опытности: слава Богу, насмотрѣлся я на нихъ! Да, она падетъ, по съ какимъ-нибудь грубымъ лавочникомъ, который сдѣлаетъ ей ребенка и броситъ на произволъ судьбы, или съ франгомъ изъ породы сутенеровъ, который потомъ будетъ торговать ею и жить на ея счетъ. Во всякомъ случаѣ, она будетъ несчастна, унижена и оскорблена. Даже если соблазнитель ея женится на ней, она тотчасъ же послѣ свадьбы увидитъ, что мужъ ея — грубое животное, потому что, между нами, порядочный человѣкъ на такой не женится. Кончится тѣмъ, что она заведетъ себѣ любовника или даже любовниковъ, а потомъ, чего добраго, дойдетъ до проституціи. Но со мной... со мной другое дѣло. Я на подлость не способенъ. Я веду съ ними игру въ открытую, не обѣщаю жениться на нихъ, да онѣ и не добиваются этого: онѣ обыкновенно слишкомъ молоды, чтобы такъ скоро отказаться отъ своей свободы. Эта вотъ, напримѣръ, Зонъ, прекрасно понимаетъ, что со мной дѣло идетъ только о мимолетной интрижкѣ; но она въ то же время знаетъ, что [со мной ей нечего бояться послѣдствій и что, вдобавокъ, она

вполнѣ можетъ разсчитывать на мое покровительство . . .

— О какомъ такомъ покровительствѣ говоришь ты?

— Очень просто, я для нихъ человѣкъ полезный. У меня большія связи во всѣхъ модныхъ магазинахъ Европы; изъ Петербурга, Вѣны, Рима — отовсюду ко мнѣ обращаются съ просьбами порекомендовать какую-нибудь хорошую парижскую мастерицу, которая могла бы руководить мастерской. Благодаря этому, мнѣ удалось устроить не одну свою бывшую любовницу и, повѣрь, онѣ питаютъ ко мнѣ самыя лучшія чувства. Еслибъ ты видѣлъ, съ какой радостью онѣ встрѣчаютъ меня, когда мнѣ случается видѣть ихъ гдѣ-нибудь за границей! Притомъ, я щедръ по отношенію къ женщинамъ: вѣдь онѣ составляютъ главное содержаніе моей жизни; безъ женщинъ была бы такая тоска! И я трачу на нихъ значительную часть своего заработка, а зарабатываю я очень не дурно . . . Нѣтъ, дружище, совѣтъ моя вполнѣ спокойна. По моему, я не только не поступаю гнушно, но, право же, могъ бы поспорить въ порядочности и джентльманствѣ со многими добродѣтельными господами. У меня своя мораль — современная, практическая мораль, которая считается съ дѣйствительностью и не витаетъ въ заоблачныхъ сферахъ. Я живу, наслаждаюсь жизнью, люблю женщинъ — и широкой рукой оплачиваю свои удовольствія. Ахъ, мой милый Бурдуа, нѣтъ въ мірѣ ничего, кромѣ женщины! Всѣ остальные удовольствія такъ жалки, ничтожны, если сравнить ихъ съ радостями, которыя доставляетъ намъ женщина. Въ ней столько неожиданнаго, измѣнчиваго! Это такая тонкая, изящная игра! То счастливая улыбка, то надутые губки, очаровательное кокетство, тысячи маленькихъ шалостей и капризовъ . . . И во всемъ этомъ такое разнообразіе! Сегодня завязываешь интрижку въ Парижѣ, завтра дѣлаешься героемъ любовной авантюры въ Брюсселѣ, черезъ недѣлю какая-нибудь душечка устраиваетъ тебѣ сцену ревности въ Берлинѣ, а черезъ двѣ недѣли ты ужъ въ объятіяхъ юной красотицы гдѣ-нибудь въ Будапештѣ. Вотъ она, жизнь! И только такъ и слѣдуетъ жить! . . .

Житракъ, повидимому, очень довольный собой, снова закурилъ папиросу. Бурдуа слушалъ его съ глубокимъ интересомъ и удивлялся его краснорѣчію.

— Однако, языкъ у тебя подвѣшенъ не дурно! Недаромъ ты когда-то мечталъ быть актеромъ.

— Въ сущности, театръ меня никогда серьезно не привлекалъ . . . Скорѣе хотѣлось быть адвокатомъ или журналистомъ. Но, положи руку на сердце, я долженъ сказать, что доволенъ тѣмъ, какъ сложилась моя жизнь.

— Еще бы ты не былъ доволенъ!

И Бурдуа, пока Житракъ методично пускалъ кольца дыма, погрузился въ размышленія. Какъ и на всѣхъ робкихъ, нерѣшительныхъ людей, живое, горячее слово всегда производило на него сильное впечатленіе. Теорія, которую развилъ передъ нимъ Житракъ, шла въ разрѣзъ со всѣми его представленіями и принципами, но въ логичности онъ отказать ей не могъ. „Въ сущности, если вникнуть хорошенько, въ его словахъ много вѣрнаго!“ — думалъ онъ. Но главное было въ томъ, что рѣчи Житрака волновали его, пробуждали рой спавшихъ до того желаній, рисовали его воображенію заманчивыя картины любви и счастья. Ему хотѣлось еще и еще слушать такія рѣчи, и онъ спросилъ:

— И много было у тебя такихъ связей?

— Да, порядкомъ!

— И все такія же хорошенькія, какъ эта Зонь?

— Многія были куда красивѣе! У Зонь только волосы хорошіе и рожца такая плутовская.

— И все молоденькія? Не старше этой?

— Были и моложе!

Житракъ улыбнулся: онъ понималъ душевное состояніе своего пріятеля и продолжалъ слушать этого, на половину уже искушеннаго Антонія.

— Видишь-ли, другъ мой, я не люблю зрѣлыхъ женщинъ. На первомъ планѣ для меня свѣжесть! Любовь, молодость, весна — все это должно идти рука объ руку.

— Да, но . . . для насъ съ тобой, мнѣ кажется, весна жизни давно уже миновала.

Житракъ сдѣлалъ движеніе досады, словно отгоняя отъ себя непріятную мысль.

— Говоря о свѣжести, я имѣлъ въ виду женщинъ, а что касается мужчинъ... Обладая темпераментомъ, будучи джентльменомъ и имѣя деньги, мужчина всегда молодъ.

Бурдуа это послѣднее утвержденіе пришлось по душѣ. Вообще, весь этотъ разговоръ пріятно волновалъ его, и онъ жаждалъ продлить удовольствіе, подобно тому, какъ какая-нибудь добродѣтельная дѣвушка, добравшись до нескромной книги, съ всевозрастающимъ интересомъ переворачиваетъ страницу за страницей.

— Значитъ, ты думаешь, что Зонъ любитъ тебя какъ такового, а не за деньги, или за покровительство, которое ты можешь ей оказать?

— Много она думаетъ о деньгахъ и покровительствѣ!.. Впрочемъ, я и не говорю, что она безъ ума отъ меня: еслибъ это было такъ, я бы уже сбѣжалъ отъ нея въ Брюссель. Нѣтъ, я просто нравлюсь ей. Ты видѣлъ, какъ она меня поцѣловала? Я насплу оторвался отъ нея. Сегодня вечеромъ, послѣ нѣсколькихъ стакановъ шампанскаго, не я къ ней, а она ко мнѣ будетъ липнуть. За это ужъ я тебѣ ручаюсь. О, я уже изучилъ ее.

— Это непостижимо! — пробормоталъ Бурдуа.

— Почему собственно?

— Да, Господи, въ наши годы... Мнѣ казалось, что всѣ эти дѣвушки смотрятъ на насъ... ну, какъ на отцовъ!

— Однако, это начинается надоѣдать: ты все говоришь о нашей старости. Да какая это, къ черту, старость въ 45-46 лѣтъ?

— Но и не молодость!

— Значитъ, ты не вѣришь тому, что я тебѣ рассказываю?

Бурдуа сдѣлалъ протестующій жестъ.

— Сознайся, — наставлялъ тотъ, — ты принимаешь меня за вралю и хвастуна?

— Да нѣтъ же, увѣряю тебя!

— Не увѣрай, я это чувствую. Слушай

же, Оома невѣрный: что ты думаешь дѣлать сегодня вечеромъ?

— Сегодня?... Ничего... какъ обыкновенно... Я обѣдаю у Лавеню, потомъ до десяти играю на биллиардѣ.

— Но ты не связанъ никакимъ приглашеніемъ, или общаніемъ?

— Нѣтъ!

— Ну, и прекрасно: въ такомъ случаѣ, я тебя приглашаю. Пріѣзжай сегодня въ 8 часовъ на Елисейскія Поля, обѣдать со мной и съ Зонъ.

Бурдуа покраснѣлъ, какъ институтка.

— Но... я васъ навѣрное стѣсню...

— Нисколько! Мнѣ — да и Зонъ, я

Неужели это твой собственный?

увѣрень — это ничего, кромѣ удовольствія не доставитъ. Вѣдь мы съ ней почти не знакомы, и въ первый разъ очутиться съ глазу на глазъ почти всегда немножечко неловко. Ты разсѣешь эту неловкость. Ей ты понравишься, въ этомъ я не сомнѣваюсь;

а для тебя, дикаря, это будетъ полезный урокъ. Успокойся, мы будемъ вести себя очень прилично. Повторяю, для тебя это будетъ очень поучительно: передъ тобой будетъ типичный экземпляръ парижской моднисточки. . . Это придастъ тебѣ смѣлости и, быть можетъ, ты иначе начнешь смотрѣть на вещи. . . Значить, рѣшено? Ну, соглашайся же, потому что мнѣ некогда ждать: мнѣ нужно еще побывать въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Онъ поднялся и хотѣлъ позвать гарсона, чтобы расплатиться, но Бурдуа остано- вилъ его.

— Нѣтъ ужъ извины: здѣсь я угощаю.

— Пусть будетъ по твоему! Итакъ, въ 8 часовъ на Елисейскихъ Поляхъ, въ ресторапѣ Лорана. Попросишь, чтобы тебя пропустили въ мой кабинетъ.

— Хорошо, я согласенъ! — сказали Бурдуа, пожимаая пріятели руку. — Вообще, я очень радъ, что встрѣтился съ тобой.

Онъ проводилъ Житрака до автомобиля.

— Неужели это твой собственный?

— Нѣтъ, я его нанимаю на цѣлый день, когда бываю въ Парижѣ. Здѣсь это необходимо, чтобы внушить къ себѣ уваженіе. Въ Лондонѣ, наоборотъ, на это косо смотреть. Что городъ, то поровъ!

— Да, — со вздохомъ сказалъ Бурдуа, — въ общемъ, жалѣть тебя не приходится.

Житракъ, между тѣмъ, сказалъ шоферу адресъ одного изъ богатѣйшихъ модныхъ магазиновъ и сѣлъ въ автомобиль.

— Пріѣзжай во фракъ и бѣломъ галстукѣ! — крикнулъ онъ пріятели, когда автомобиль уже тронулся съ мѣста.

II

На другой день послѣ этой знаменательной для Бурдуа встрѣчи, онъ ужъ не сдѣлалъ въ урочный часъ за мраморнымъ столикомъ своей излюбленной кофейни. Не видѣли его и въ ресторапѣ Лавено. Завтракалъ онъ въ этотъ день дома, въ своей квартирѣ на улицѣ Монпарнасъ. Проснувшись около половины двѣнадцатаго дня, съ тяжелой головой и тяжелымъ желудкомъ, съ неприятнымъ осадкомъ во рту, онъ прика-

заль Филоменѣ приготовить ему чаю и сварить яйцо въ смятку.

Филомена, высокая, худая женщина 53 лѣтъ, сохранившая, несмотря на 15 лѣтъ жизни въ Парижѣ, виѣшность и манеры крестьянки, сочла нужнымъ сказать:

— Вамъ вредно возвращаться въ такой поздній часъ, какъ вчера! Впрочемъ, надо же вамъ время отъ времени встряхнуться!

Онъ не удостоилъ ее даже отвѣта, выждалъ пока она установила на маленькомъ столикѣ у окна его легкій завтракъ, одѣлъ халатъ и тогда только сказалъ:

— Оставьте мена, Филомена. Когда вы мнѣ нужны будете, я позволю.

Окно выходило на спокойную уллицу со скромными домами и лавками провинціального типа. Всю ночь и подъ утро шелъ дождь, и небо все еще было покрыто тучами; уллица и тротуары еще не совсѣмъ просохли. Бурдуа смотрѣлъ на уллицу, на прохожихъ, на проѣзжавшіе экипажи; потомъ онъ перевелъ глаза на окружающую его обстановку, на темные обои, на массивную дубовую мебель; наконецъ, онъ взглянулъ на самого себя въ висѣвшее тутъ-же на стѣнѣ овальное зеркало. И по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ, все пазойливѣе лѣзла ему въ голову мысль, которая родилась у него еще наканунѣ, въ этотъ роковой для него вечеръ: „Все, что меня окружаетъ изо дня въ день, такъ жалко, тоскливо, и самъ я веду жизнь моллюска!“

Сѣвъ яйцо, онъ закурилъ сигару и, усѣвшись въ унаслѣдованное отъ покойнаго дяди обитое краснымъ бархатомъ кресло, сталъ думать. Думалъ онъ, какъ вообще дѣлаютъ это люди, не привыкшіе къ серьезнымъ размышленіямъ, воспоминаніямъ и образами, къ которымъ изрѣдка примѣшивались обрывки мыслей и желаній. Этотъ старый холостякъ, ведшій цѣломудренную жизнь и робѣвшій передъ женщинами, съ особымъ, сладострастнымъ удовольствіемъ вспоминалъ все, что происходило наканунѣ ночью. О, это была памятная для него ночь, такъ не похожая на всѣ предыдущія!

Вспоминается ему модный ресторапъ на Елисейскихъ Поляхъ, яркіе туалеты женщинъ, скрытыя въ зеленн электрическія лампочки. . . Отдѣльный кабинетъ съ бѣлыми, съ позоло-

той, стѣнами и открытымъ въ густой садъ окномъ. . . Три дорогихъ прибора, цвѣты на столѣ, шампанское въ серебрянномъ ведрѣ. . . Житракъ и Бурдуа, оба во фракѣхъ съ бѣлыми галстуками. Зонъ, въ кружевномъ платьѣ, съ огромной, удивительно красивой шляпой, меньше всего похожа на магазинную дѣвушку и имѣетъ видъ очень приличной свѣтской дамы.

Вспоминается Бурдуа церемонія представленія; „Г. Бурдуа, бывшій директоръ канцеляріи акцизнаго вѣдомства. . . Моя пріятельница Мадемуазель Тереза“. . . Потомъ первыя минуты смущенія, размышленія надъ меню обѣда. . . Тонкіе ликеры и пѣнистое вино скоро развязали языки. Сначала заговорилъ Житракъ, который никогда, впрочемъ, долго не могъ молчать; Тереза тоже скоро стала прежней маленькой Зонъ, ученицей модной мастерской, и, повидимому, и не думала разыгрывать важную барыню. Она была мила, непосредственна, немножечко фривольна, чуть-чуть легкомысленна; рассказывала всякія пикантныя исторіи, театромъ дѣйствій которыхъ была мастерская, со смѣхомъ говорила о выслѣженныхъ ученицами любовныхъ свиданіяхъ ея хозяйки съ какимъ-то важнымъ чиновникомъ, о капризахъ и грубости заказчицъ; за десертомъ она призналась, что была влюблена въ какого-то скульптора, а потомъ въ офицера. „Но тебя я больше люблю!“ сочла она нужнымъ успокоить Житрака, протянувъ къ нему губы для поцѣлуя. — „Не беспокойся, они отъ меня ничего не добились!“ прибавила она.

И Бурдуа ясно помнить, что эти слова поразили его въ самое сердце; онъ долго не могъ придти въ себя. „Неужели, — думалъ онъ, — это прелестное существо еще никому не принадлежало, и Житракъ, этотъ истасканный жуиръ, первый сорветъ этотъ роскошный цвѣтокъ, чтобы на завтра забыть про него?“. „Какъ онъ завидывалъ въ эту минуту своему пріятелю! До боли, до ненависти. Онъ презиралъ самого себя со своей глупой честностью, со всѣми своими дурацкими принципами, по милости которыхъ онъ прожилъ до 57 лѣтъ, не испытавъ прелести любящихъ объятій милаго молодого существа, не извѣдавъ счастья цѣловать глаза,

губы, душистые волосы, свѣжія, бархатныя щечки! Ни одна дѣвушка никогда не тянулась къ нему, не смотрѣла на него влажными, блестящими глазами, какъ тянется и смотритъ на Житрака маленькая Зонъ. . .

Ему было такъ тяжело на душѣ отъ этихъ мыслей, что онъ сталъ наливать себѣ рюмку за рюмкой, словно желая потопить въ винѣ послѣдніе остатки своей проклятой робости и стыдливости, которая до сихъ поръ мѣшала ему жить полной жизнью. По мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, волненіе его выростало, и онъ испытывалъ сильную потребность подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими переживаниями. И онъ сталъ говорить этому комми-вояжеру и его случайной подругѣ изъ моднаго магазина, о своей неудачно сложившейся жизни, о тоскѣ и холодѣ своего одинокаго существованія; онъ говорилъ о томъ, какъ онъ страдалъ, когда много лѣтъ тому назадъ получилъ въ Мансѣ отказъ отъ дѣвушки, которую любилъ; она тоже была такъ молода, свѣжа! . . . Эта неудача на всю жизнь обезкуражила его: онъ потерялъ вѣру въ себя, въ счастье, въ любовь. . .

Еще нѣсколько бокаловъ шампанскаго, — и Жюль Бурдуа чувствуетъ себя совсѣмъ другимъ человекомъ. Онъ смотритъ на вольничашую передъ нимъ парочку, которая пьетъ изъ одного стакана, то и дѣло цѣлуясь, и какъ будто стряхиваетъ съ себя все прошлое. Прощай робость, нерѣшительность, колебанія! Онъ не хуже Житрака и, подобно ему, хочетъ наслаждаться жизнью! И онъ во всеуслышаніе объявляетъ объ этомъ: пусть всѣ знаютъ! Онъ и не думать скрывать. . . „Потому что. . . вы понимаете!“ . . .

Тереза и Житракъ, сами нѣсколько подвыпившіе, поощряютъ его постепенное уклоненіе со стези добродѣтели, чокаятся съ нимъ и скоро доводятъ его до температуры кипѣнія. — Нѣтъ, отнынѣ Жюль Бурдуа въ умѣнн жить не уступитъ Житраку, — въ этомъ они могутъ быть увѣрены!

— Слышишь, старина! Кричитъ онъ, высоко подымая бокалъ съ шипучей влагой. — Я тебѣ покажу, на что я способенъ! Да здравствуетъ молодость, весна. . . и красоты!

— Bravo! поощряет его Тереза.

— Ты знаешь, — говорит ей Житракъ, — у этого папашки двадцать тысяч годового дохода.

— О, съ такими деньгами онъ сколько угодно достанетъ красотокъ! восклицаетъ дѣвушка. — Этотъ товаръ не Богъ вѣсть какъ дорогъ... особенно въ Парижѣ!

— Хорошо-же, чертъ возьми! распалается Бурдуа, всакивая съ мѣста. — Найдите мнѣ какого-нибудь амурчика, и увидите, я въ грязь лицомъ не ударю.

— Да сколько вамъ угодно, папаша!

— И въ самомъ дѣлѣ, милая, — говоритъ Житракъ. — Найди ему какую-нибудь хорошую дѣвушку! Ты этимъ сдѣлаешь доброе дѣло.

— Такую, какъ вы сами! требуетъ Бурдуа. — Молоденькую, свѣжую блондиночку...

Тереза, опершись локтемъ на плечо Житрака, принимается размышлять вслухъ.

— Блондинку... право, не знаю... Маргарита Люзолъ поступила въ кафе-шантанъ... Ивонна? Нѣтъ, эта не подходитъ... Пойдите-ка, дайте подумать!... Вотъ если бы вы согласились познакомиться съ одной брюнеточкой... Она такая-престь! Знаешь, Луи, это та самая, которая въ твой послѣдній прїѣздъ къ намъ отворила тебѣ дверь... Маленькая такая, прекрасно сложенная, съ голубыми глазами и вьющимися черными волосами...

— Да, да, вспоминаю. Она дѣйствительно очень мила, но послушай, ей вѣдь не больше пятнадцати лѣтъ.

— Ошибаешься, она старше меня! Ей скоро восемнадцать исполнится. Она только кажется совсѣмъ еще дѣвочкой благодаря своему маленькому росту. Если бы ты зналъ, какимъ она пользуется успѣхомъ! Мужчины на улицѣ прохода ей не даютъ...

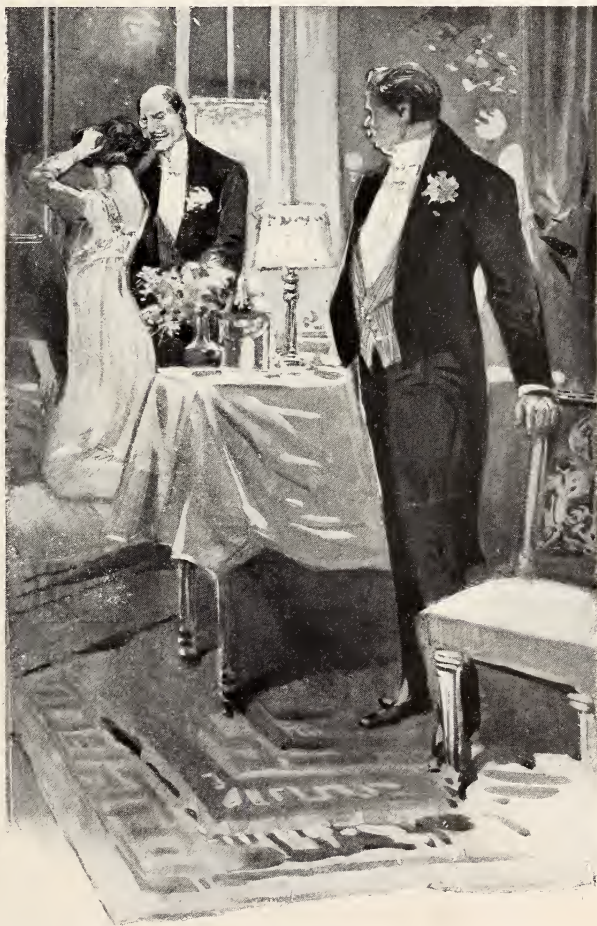
— Вотъ оно что. Штучка,

значить, чертъ возьми! — воскликнулъ заинтересованный Житракъ.

— Только ты не воображай, что она такая легкомысленная. О нѣтъ. Она не станетъ вѣшаться на шею первому встрѣчному. Она-бы сошлась съ какимъ-нибудь солиднымъ господиномъ... вотъ какъ папаша Бурдуа...

— Ее не Куколкой зовутъ?

— Да, въ мастерской ей дали такое прозвище, потому что она совсѣмъ похожа на куклу. Я даже не знаю ея настоящаго имени...

Житракъ, Тереза и Бурдуа отправляются въ кафе-шантанъ

... Часы идутъ. Въ воздухѣ душно. Аллеи Елисейскихъ Полей изнываютъ отъ зноя. Тамъ и сямъ, оквозь гущу деревьевъ, свѣтятся яркіе электрическіе огни реестраповъ. Вереницей тянутся по направленію къ лѣсу экипажи, увозя сотни влюбленныхъ парочекъ.

Житракъ, Тереза и Бурдуа отпавляются заканчивать ночь въ одинъ изъ модныхъ кафе-шантановъ, гдѣ они снова пьютъ ликеры и шампанское. Совершенно опьянѣвшій Бурдуа добивается отъ Терезы подробностей насчетъ Куколки, и она охотно идетъ ему навстрѣчу.

— Отецъ ея умеръ, когда та была еще совсѣмъ крошкой, а мать ея съ тѣхъ поръ на содержаніи. Насколько мнѣ кажется, Куколкѣ не легко живется дома, но это не мѣшаетъ ей быть вѣчно веселой и жизнерадостной. Сложена она на диво. У васъ, папаша, кажется, аппетитъ разгорается? Потерпите немного: завтра я вамъ ее приведу, въ половинѣ седьмого. Мы будемъ ждать васъ на углу улицы *Cherche-Midi* и *Bagnoisère*.

... Пора, наконецъ, распрощаться. Всѣ трое усаживаются въ открытый фіакръ. Бурдуа отвозитъ парочку въ гостиницу, гдѣ остановился Житракъ. Пьяный какъ стелька, онъ даетъ парочкѣ на прощаніе самые циничные совѣты и фривольныя благословенія, напоминаетъ дѣвушкамъ о ея обѣщаніи привести ему Куколку, потомъ цѣлуетъ Терезу и Житрака и, наконецъ, уѣзжаетъ домой.

Едва войдя къ себѣ, онъ совершенно преобразовывается. Прежнее возбужденіе какъ рукой сняло. Онъ испытываетъ странную усталость, падаетъ въ постель и засыпаетъ тяжелымъ сномъ до поздняго утра...

... Бурдуа сидитъ у себя за чаемъ и предается размышленіямъ. Онъ прекрасно помнитъ все, что говорилъ и дѣлалъ наканунѣ вечеромъ. Теперь, когда онъ освободился отъ пьянаго угара и трезво смотритъ на вещи, ему немножко стыдно за свое вечернее поведеніе, за эту пелѣвую откровенность, съ которой онъ посвящалъ чужихъ ему людей въ свои интимныя переживанія. Но и теперь, не находясь уже подъ влія-

ніемъ виновныхъ паровъ, онъ все-же ощущалъ въ глубинѣ души острую завѣть къ Житраку и его веселой, безмятежной жизни. — Тереза осталась съ нимъ на всю ночь въ гостинницѣ! — думалъ онъ, и это волновало его, наполняя страстной жаждой женской ласки. До того онъ смотрѣлъ на женщину какъ на святыню, отпоселся къ ней чуть-ли не съ религіознымъ благоговѣніемъ; но со вчерашняго дня это молитвенное отношеніе испарилось безъ слѣда. Конечно! Теперь онъ относится къ женщинѣ просто, съ безопаднымъ реализмомъ, подобно Житраку. Послѣдній правъ, увѣряя, что женщины безстыднѣе мужчинъ. Только идіоты, вродѣ него Бурдуа, могли вѣрять въ какое то моральное ихъ превосходство...

— Да, я былъ форменнымъ идіотомъ! со злобой думалъ онъ. Изъ-за собственной глупости я испортилъ себѣ жизнь, отвергая лучшіе ея дары. Сколько мнѣ представлялось прекрасныхъ случаевъ!..

И онъ сталъ перебирать въ памяти эти случаи. Помнитъ онъ горничную, которая убирала ему комнаты въ Маисѣ: здоровая, краснощекая, деревенская дѣвка, такая аппетитная и доступная! Она всячески заигрывала съ нимъ, а онъ бѣгалъ отъ нея, какъ отъ печной силы. Идіотъ! Онъ, помимо робости передъ женщиной, не рѣшался еще ухаживать за этой деревенской Дульщицей, изъ боязни оскорбить ту, которую онъ любилъ... и которая его отвергла. И онъ ощутилъ такой дивный случай.

Второй разъ это было въ Ріомѣ; жена его пріятели Бодуае, сборщика налоговъ, стропла ему глазки и всячески намекала ему, что не обидится, если онъ попытается завязать съ ней любовную интрижку. У нея были такіе жгучіе, страстные глаза. Но онъ цѣломудренно избѣгалъ ея взглядовъ, боялся оставаться съ ней наединѣ... Идіотъ! Форменный идіотъ! Онъ даже не понималъ, что у нея еще до него было не меньше десятка любовниковъ...

Потомъ были еще случаи. Господи, да мало-ли въ жизни встрѣчаешь молодыхъ, хорошенькихъ женщинъ, которыя не прочь поиграть въ любовь! — Да, — думаетъ въ припадкѣ самобичеванія Бурдуа, — я безповоротно испортилъ свою жизнь! И во имя

чего? Ради каких-такихъ принциповъ? Кому я этимъ принесъ пользу? Вѣдь женщны, отъ которыхъ я малодушно бѣжалъ, раньше или позже нашли другихъ любовниковъ, между тѣмъ, какъ я, старый дуракъ, дожилъ до сѣдыхъ волосъ, не извѣдая счастья любви... Правъ, тысячу разъ правъ Житракъ, утверждая, что величайшее счастье и радость жизни заключается въ женщинѣ — и только въ ней!

Онъ поднялся и изъ столовой перешелъ въ спальную, — мрачную, уставленную старинной, доставшейся ему отъ покойнаго дяди, мебелью. Тамъ онъ подошелъ къ большому зеркалу и сталъ внимательно изучать себя.

Онъ далеко не былъ хорошъ, особенно теперь, послѣ разгульной ночи: лицо было измято и изборозжено глубокими морщинами, подъ глазами вѣшали мѣшки. Онъ въ скверномъ настроеніи отвернулся отъ зеркала, и взоръ его упалъ на стоящую на столѣкъ карточку его, которую съ него сняли четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ Ріомѣ. На ней онъ выглядѣлъ совсѣмъ еще молодымъ, и ему никакъ нельзя было дать больше тридцати лѣтъ. — Идіотъ! — обратился онъ къ своему собственному изображенію на карточкѣ: почему ты тогда не пользовался своею молодостью и свѣжестью?..

Все еще въ скверномъ настроеніи, Бурду открылъ зеркальный шкафъ и сталъ одѣваться. „Чертъ возьми! — говорилъ онъ себѣ. — Житракъ вѣдь тоже не красавецъ! лысый какъ колѣно, худой, какъ старая кляча; а между тѣмъ, Зофъ такъ къ нему и льнетъ. Притомъ, она вѣдь сама мнѣ сказала, что Куколка щецъ какъ разъ такого какъ я. Да и какого въ самомъ дѣлѣ дьявола! Сорокъ семь лѣтъ — это почти еще молодость. На сценѣ силюшъ и рядомъ фигурируютъ пятидесятилѣтніе допжуаны. Къ тому же, я еще крѣпокъ, силенъ, не то что этотъ сухопарый Житракъ!..“

Онъ пощупалъ выше локтя свои мускулы, провелъ рукой по густымъ волосамъ, и это придало ему апломбъ. Позвонивъ Филомену, онъ принялся за свой туалетъ. Занимался онъ имъ на этотъ разъ съ особой тщательностью. Присматриваясь вчера къ Житраку,

онъ замѣтилъ, что у того были особый франтовской проробъ и пафкетуаренные, лихо закрученные кверху усы. Одѣвшись, онъ спустился къ своему парикмахеру и далъ ему соответствующія инструкціи: „Проробъ сдѣлайте по самой серединѣ; и обратите вниманіе на усы: они у меня совсѣмъ какъ у жагдарма.“ Когда парикмахеръ окончилъ работу, Бурду съ удовольствіемъ увидѣлъ въ зеркалѣ, что онъ помолодѣлъ, по крайней мѣрѣ, на 10 лѣтъ. Потомъ онъ купилъ новый, очень дорогой галетукъ и пару свѣтлыхъ перчатокъ, на подобіе тѣхъ, которыя онъ видѣлъ у Житрака.

Когда онъ вернулся къ себѣ, пробило уже три. Филомена даже не замѣтила происшедшей въ немъ переменъ, и это было ему досадно. Такъ какъ онъ проголодался, онъ вѣдѣлъ подать еще одно яйцо и стаканъ вина. У него было легкое лихорадочное состояніе, и онъ ежминутно смотрѣлъ на часы. „Терпѣніе, старина!“ — подбодрялъ онъ самъ себя. „Теперь еще четырехъ лѣтъ, а выйти изъ дому надо будетъ не раньше четверти седьмого, — времени, значить, достаточно. Притомъ, стоить ли такъ волноваться изъ за какой-то магазинной дѣвочки.“

Но всѣ эти доводы были неѣффективны, и онъ первичалъ все сильнѣе. Чтобы занять себя чѣмъ-нибудь, онъ снова приступилъ къ туалету. Выбравши Филомену за небрежно выглаженные воротнички, онъ сталъ сокрушаться, что у него нѣтъ личной пары. Одѣтъ развѣ редигоготъ? Нѣтъ, это было бы слишкомъ торжественно. Наконецъ, онъ остановился на новенькомъ, недавно сшптомъ костюмѣ каштановаго цвѣта.

Одѣвшись, онъ снова подошелъ къ зеркалу. — Конечно, я выгляжу моложе Житрака. Это всякій скажетъ... Только вотъ шляпа немного подгуляла, по это пустяки!

Онъ усѣлся и сталъ читать газеты, которыя получалъ на домъ. Но ему не читалось. Изъ всѣхъ, волновавшихъ его въ этотъ день чувствъ, онъ теперь испытывалъ только тревогу. То, что онъ собирался сдѣлать, казалось ему опаснымъ, смѣшнымъ и стыднымъ. Что, еслибъ объ этомъ узнали знакомые? А они легко могутъ узнать:

вѣд свиданіе назначено въ его кварталѣ. . . Уже половина шестого. . . Что дѣлать, какъ быть? Ужъ не остаться-ли дома? Притомъ, можетъ быть, онѣ и не придутъ: Тереза была пьяна и могла забыть про условленное свиданіе. . . А, можетъ быть, она вчера просто шутила и выдумала эту Куколку. . .

Но безъ пяти минутъ шесть онъ нервно вскочилъ. Пора идти! Онъ одѣлъ свою соломенную шляпу и взглянулъ на себя въ зеркало. — Нѣтъ, эта шляпа отвратительна. Сейчасъ побѣгу купить себѣ панаму! — И, онъ, точно обрадовавшись, что можетъ пока занять себя чѣмъ-нибудь, вышелъ и направился въ ближайшій шляпный магазинъ. Взглянувъ по дорогѣ на часы, онъ увидѣлъ, что уже пять минутъ седьмого, и боясь опоздать, сѣлъ въ первый попавшійся фіакръ. Пріѣхавъ въ магазинъ, онъ, почти не выбирая, купилъ за 80 франковъ панаму, снова сѣлъ въ фіакръ и поѣхалъ на условленное мѣсто свиданія.

Отпустивъ кучера за кварталъ до этого мѣста, онъ сталъ оглядываться. У него даже колѣни подкашивались отъ волненія, и онъ сталъ цѣпляться за надежду, что тѣ, можетъ быть, вовсе не явятся.

Онъ подошелъ къ витринѣ соседняго магазина и сталъ смотрѣть въ зеркало. Вдругъ онъ вздрогнулъ.

— Хороши, хороши, нечего смотрѣть! — услышалъ онъ позади себя голосъ.

Повернувшись, онъ увидѣлъ лукаво улыбающуюся Зонъ и рядомъ съ ней еще какую-то дѣвушку.

— Позвольте васъ познакомить! — сказала Зонъ. — Вотъ это Куколка, а это — господинъ Жюль, пріятель Луи. . . Пойдемте лучше въ эту вотъ улочку, здѣсь спокойнѣе! — прибавила она.

И Зонъ съ Куколкой пошли впередъ. Бурдуа былъ очень доволенъ, такъ какъ это избавляло его отъ необходимости тотчасъ же заговорить. Притомъ, у него какъ будто

голосъ пропалъ отъ волненія. Онъ думалъ теперь только объ одномъ: „какъ она молода!“ Слѣдуя въ нѣсколькихъ шагахъ за подругами, онъ внимательно изучалъ фигуру Куколки. Совсѣмъ еще ребенокъ! Маленькая, красиво посаженная головка съ вьющимися на затылкѣ черными волосами, маленькія руки и ноги, дѣйствительно дѣлали ее похожей на куколку; но бюстъ у нея

Зонъ съ Куколкой пошли впередъ.

былъ достаточно развитъ и свидѣтельствовалъ о томъ, что это уже женщина.

„Чертъ возьми! да она очень, очень хороша!“ — сказалъ себѣ Бурдуа, мелькомъ бросивъ на нее взглядъ сбоку. И его такъ потянуло къ ней, что онъ даже забылъ свою робость. Когда онѣ остановились, онъ съ

удовольствіемъ сталъ смотрѣть на ея хорошенькое круглое личико, пѣжное, какъ свѣжій перикъ, украшенное парой огромныхъ, дѣтеки-ясныхъ голубыхъ глазъ.

Бурдуа все еще не находилъ словъ и, выражая всей своей фигурой наивный восторгъ, не сводилъ глазъ съ дѣвушки, которая ласково улыбалась ему.

Тереза, наконецъ, размѣялась.

— Однако, вы не очень-то учтивы, г. Жюль! сказала она. — Если Куколка вамъ не нравится, то мы можемъ уйти во-свои!

Бурдуа тоже засмѣялся, и ледъ былъ сломанъ. Но вмѣсто того, чтобы заговорить съ Куколкой, онъ сталъ разспрашивать Терезу о Житракѣ. Та отвѣчала довольно прозрачными двусмысленностями, которые смутили Бурдуа, но, которыя, повидимому, нисколько не шокировали Куколку. Послѣдняя говорила очень мало. Каждый разъ, какъ она встрѣчала взглядъ Бурдуа, она улыбалась ему мягкой, ласковой улыбкой.

Тереза, наконецъ, разсердилась.

— Да заговорите вы, когданибудь? Все время я одна должна отдуваться. Вчера, г. Жюль, вы безъ умолку болтали, а что касается Куколки, то она насъ въ мастерской на смерть заговариваетъ. Не правда развѣ?

Куколка опять улыбнулась и сказала:

— Въ первый разъ всегда испытываешь маленькую неловкость. Не правда-ли, господинъ Жюль?

— Конечно, конечно! — отвѣтилъ тотъ, густо покраснѣвъ.

— Нѣтъ, я вижу, что мнѣ самой придется устраивать ваши дѣла! — воскликнула Тереза. — Я вижу, что вы ей понравились, — продолжала она, обращаясь къ Бурдуа, — иначе она бы давно уже сбѣжала. Вы не смотрите на нее, что она похожа на ангела: у нея достаточно характера. Ну, такъ вотъ что: оставаться на улицѣ не имѣетъ смысла; притомъ меня ждетъ Луи. Онъ поручилъ мнѣ спросить васъ, не согласитесь-ли вы сегодня вечеромъ сообща пообѣдать, вчетверомъ...

Бурдуа и Куколка обмѣнялись краснорѣчивымъ взглядомъ. Тереза поняла его и сказала:

— Вижу, что это вамъ не очень улы-

бается, господа влюбленные! Вы предпочтаете пообѣдать съ глазу на глазъ.

— Не сегодня! — возразила Куколка, — конечно, если г. Жюль противъ этого ничего не имѣетъ...

— А, понимаю! Тебя смущаетъ твой туалетъ!

— Отчасти. Притомъ, я не предупредила мамашу...

— А завтра вы располагаете свободнымъ вечеромъ? — осмѣлился, наконецъ, спросить Бурдуа.

— Завтра? Боюсь, что нѣтъ. Развѣ вотъ послѣзавтра... по крайней мѣрѣ, днемъ... Только не вечеромъ!

— Матери твоей большая печаль, обѣдаешь-ли ты дома или нѣтъ! — сказала Тереза.

Лицо Куколки на мгновеніе затуманилось.

— Ну, все же... Во всякомъ случаѣ, я сумѣю устроить такъ, чтобы послѣзавтра быть свободной... Весь день, до шести или до семи вечера.

— Если такъ, — сказалъ съ напряженіемъ Бурдуа, — мы могли бы пообѣдать на Елисейскихъ Поляхъ...

Дѣвушки съ улыбкой переглянулись.

— Я должна вамъ сказать, — начала Тереза, — что Куколка не особенно любить этотъ шикъ и блескъ Елисейскихъ Полей. Она предпочла бы, чтобы вы повезли ее за городъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! Въ какую сторону вы хотѣли бы поѣхать? Въ сторону Сень-Клу?

— Нѣтъ, въ Вильбонъ, въ „Эрмитажъ“! — отвѣтила за подругу Тереза. — Она тамъ разъ обѣдала, и ей такъ понравилось, что она не прочь еще разъ побывать въ этомъ мѣстѣ.

Эти слова непріятно поразили Бурдуа, и по лицу его прошла легкая тѣнь. Куколка замѣтила это и поспѣшила успокоить его.

— О, это было давно, четыре года тому назадъ. Я была тамъ съ семьей, на свадьбѣ. Мнѣ дѣйствительно было очень весело, и я съ удовольствіемъ еще разъ побывала бы тамъ.

— Что-жъ, и прекрасно! — поспѣшилъ

согласится Бурдуа. — Поѣдемъ въ Вильбонъ. Гдѣ же мы встрѣтимся?

— Туда надо поѣхать съ монпарнасскаго вокзала — объяснила Куколка. — Поѣздомъ ѣдутъ туда только до Бельвю, а оттуда надо взять карету. . .

— Возьмемъ, если такъ, карету!

— Въ такомъ случаѣ, если вамъ угодно, мы встрѣтимся послѣзавтра въ 10 часовъ утра на вокзалѣ, около подъёмной машинны.

— Прекрасно!

Куколка теперь вся свѣтилась радостью, и Бурдуа совсѣмъ расцвѣлъ: опъ, значить, ей не противенъ! . . .

— А теперь — сказала она — мнѣ пора!

— И мнѣ такъ же — подхватила Тереза. — До свиданія, г. Жюль! Я передамъ отъ васъ привѣтъ Луи.

— Пожалуй-ста! Пусть по возвращеніи повидается со мной.

— Хорошо, я ему скажу. До свиданія!

— До свиданія!

Онъ пожалъ ей руку, потомъ взялъ крошечную ручку Куколки и съ минуту задержалъ ее въ своей. При этомъ онъ любовно и проникновенно заглянулъ ей въ глаза. Она по-прежнему ласково улыбнулась.

— Итакъ, послѣзавтра, въ десять часовъ, мадемуазель Куколка.

Наконецъ, они разошлись. Когда онъ уже исчезъ изъ виду, Бурдуа невольно вздохнулъ, вспоминая милую улыбку и огромные ясные глаза этой женщины-ребенка.

Ресторанъ Эрмитажъ.

обширными залами, съ бесѣдками и отдѣльнымъ павильономъ, который служить чѣмъ-то вродѣ гостиницы для остающихся на ночь посѣтителей. Ресторанъ носитъ громкое названіе: „Эрмитажъ“, и является излюбленнымъ мѣстомъ отдыха для прогуливающейся въ окрестностяхъ Бельвю и Медона публики, для ищущихъ уединенія философовъ и влюбленныхъ парочекъ.

Мѣсто это было бы прелестно, еслибы парижане не испортили его своими воскресными гуляньями, послѣ которыхъ лѣсъ и лужайки вокругъ остаются усеянными бумажками, апельсиновыми корками, коробками изъ подъ сардинокъ, яичной скорлупой. Притомъ, неподалеку пролегла проѣзжая дорога, и цѣлыми днями, особенно по праздникамъ, здѣсь пыль стоитъ отъ каретъ и автомобилей.

Но за то весной или даже въ разгаръ лѣта, послѣ хорошаго дождя, когда деревья и вьющійся по бесѣдкамъ плоть кажутся только что вымытыми, когда оживаетъ и выпрямляется несчастная трава, которую топтали тысячи ногъ, —

„Эрмитажъ“ дѣйствительно прелестенъ; если забыть о томъ, что подъ бокомъ находится шумный Парижъ и вообразить себѣ, что раскинувшіяся здѣсь рожицы представляютъ огромные, тянущіеся на сотни верстъ кругомъ лѣса, — въ „Эрмитажѣ“, право-же, можно провести нѣсколько недурныхъ часовъ.

Въ одинъ изъ такихъ солнечныхъ дней, сохранившихъ еще свѣжесть послѣ недавняго дождя, когда зелень кругомъ ярко блестяла и все, казалось, имѣло праздничный видъ, — въ павильонѣ вильбонскаго „Эрмитажа“, въ небольшой продолговатой комнатѣ былъ накрытъ на два прибора столъ, на которомъ въ изящныхъ вазахъ красовались розы и

III

На мѣстѣ стараго замка Вильбонъ, который принадлежалъ герцогу Мену, потомъ Пентьевру и, наконецъ, Ламбаллю, — теперь всего-на-всего находится ресторанъ съ

гвоздика. Хозяинъ ждалъ гостей изъ Парижа — Бурдуа и Куколку.

Бурдуа, прежде чѣмъ поѣхать въ „Эрмитажъ“ съ Куколкой, рѣшилъ съѣздить сюда на всякій случай одинъ: такъ будетъ вѣрнѣе! Притомъ, ему важно было занять себя чѣмъ-нибудь, чтобы смягчить тоску ожиданія.

Утромъ шелъ дождь; по небу ползли обрывки тучъ, листья кругомъ была мокрая, а съ крыши еще стекала вода, которая лужами собиралась на землѣ. Бурдуа долго не могъ рѣшить вопроса, гдѣ они будутъ обѣдать: въ комнатѣ или на открытомъ воздухѣ. Хозяинъ пришелъ ему на помощь, предложивъ накрыть столъ въ павильонѣ, въ отдѣльномъ салонѣ съ прилегающимъ альковомъ — „на случай, еслибы господинъ или дама захотѣли отдохнуть“. Тамъ, по желанію, можно и огонь развести. Нѣкоторые посѣтели проводили здѣсь даже по два, по три дня.

Сердце Бурдуа забилось сладкой тревогой: пожить здѣсь съ глазу на глазъ съ Куколкой нѣсколько дней — какое-бы это было счастье! Онъ обомель съ хозяиномъ весь павильонъ, теперь совершенно свободный. Наконецъ, онъ остановился на двухъ смежныхъ комнатахъ: одна, угловая, окномъ выходила въ лѣсъ и была очень мило обставлена легкой бамбуковой мебелью; другая, менѣе свѣтлая, но болѣе уютная, на половину была занята огромной постелью, на которую Бурдуа, стѣсняемый присутствіемъ хозяина, взглянулъ только украдкой, какъ на нѣчто неприличное.

— Хорошо. Я оставляю за собой эти двѣ комнаты.

— Къ вашимъ услугамъ! Здѣсь будетъ сервированъ обѣдъ, а въ спальнѣ, если господа пожелаютъ отдохнуть... повторилъ къ вящему смущенію посѣтителя хозяинъ.

„И въ самомъ дѣлѣ, — подумалъ Бурдуа, — Куколка навѣрное устанетъ съ дороги, и я предложу ей отдохнуть... А то, какъ-бы она не была оскорблена, увидѣвъ здѣсь кровать“... .

Потомъ началось обсужденіе меню. Послѣ долгихъ разговоровъ, наконецъ остановились на омартѣ, трюфеляхъ, бифштексѣ, жареномъ цыпленкѣ съ салатомъ изъ овощей, моро-

женомъ и земляникѣ; само собой разумѣется, будетъ подано шампанское.

— Если завтра съ утра будетъ такъ-же сыро, какъ сегодня, вы протопите немного, чтобы воздухъ былъ суше! приказалъ Бурдуа.

— О, на этотъ счетъ можно быть совершенно спокойнымъ! Завтра будетъ великолѣпная погода: барометръ поднимается.

Пророчество хозяина сбылось. На другое утро солнце ярко свѣтило съ безоблачнаго неба, разгоняя послѣдніе остатки тумана и уничтожая слѣды прошедшаго наканунѣ дождя.

Часовъ въ одиннадцать хозяинъ еще разъ осмотрѣлъ сервировку стола, поправилъ цвѣты, спустилъ шторы. Впрочемъ, у него было впереди еще много времени: Бурдуа и Куколка явились только около часа.

Они, какъ и было условлено, встрѣтились въ 10 часовъ на Монпарнасскомъ вокзалѣ. Онъ былъ въ темно-сѣромъ костюмѣ, съ панамой на головѣ, а Куколка въ своемъ изящномъ голубомъ платьѣ выглядѣла такимъ еще ребенкомъ, что Бурдуа сказалъ себѣ: „люди будутъ думать, что это моя дочь. Тѣмъ лучше!“

Поѣздомъ ѣхали недолго. Когда они прибыли въ Бельвю, Куколка предложила пойти въ „Эрмитажъ“ пѣшкомъ: это совсѣмъ недалеко, а теперь такъ хорошо прогуляться!

Конечно, онъ согласился. Они очень мало говорили между собой, но въ то-же время чувствовали себя сравнительно свободно другъ съ другомъ. Куколка по прежнему ласково улыбалась, глядя на него; сердце-же Бурдуа было до краевъ переполнено тихой, свѣтлой радостью, которой онъ, какъ ему теперь казалось, никогда еще въ жизни не испытывалъ. И онъ съ удовольствіемъ думалъ, что по самому настоящему влюбился въ эту дѣвушку. „Я полюбилъ ее съ первой-же минуты, какъ только увидѣлъ ея ясные, голубые глаза!“ говорилъ онъ себѣ. Онъ теперь удивлялся тому, что совершенно не испытываетъ угрызеній совѣсти, точно Куколка однимъ своимъ взглядомъ испепелила всѣ его строгіе принципы. Словомъ, сердце стараго холостяка было окончательно покорено и стало такъ-же молодо, какъ сердце гимназиста, завязавшаго первую любовную интрижку. Ему казалось, что онъ теперь ужъ не можетъ обойтись безъ этой дѣвушки

и, идя съ ней рядомъ по дорогѣ, которая нѣкогда оглашалась шумомъ королевскихъ кавалькадъ, онъ съ невыразимымъ удовольствіемъ разсматривалъ ея стройную маленькую фигурку въ легкомъ голубомъ платьицѣ,

Теперь такъ хорошо прогуляться!

ея соломенную шляпу, желтыя туфли и яркаго цвѣта шелковый зонтикъ.

— Какъ измѣнился „Эрмитажъ“ за эти четыре года!

И Куколка, порозовѣвшая отъ ходьбы, съ жаднымъ вниманіемъ разсматривала знакомое, но все же новое для нея мѣсто, гдѣ она четыре года тому назадъ такъ весело провела день со своимъ кавалеромъ, тогда еще юнымъ студентомъ перваго курса, а теперь уже инженеромъ.

Она сначала удивилась-было, что Бурдуа велѣлъ накрыть столъ въ комнатѣ, а не подъ открытымъ небомъ, въ одной изъ этихъ хорошенькихъ бесѣдокъ, но, боясь огорчить его, она поспѣшила согласиться, что такъ лучше.

— Да, вы правы, на дворѣ удобно!

Отведенныя имъ комнаты привели ее въ восторгъ. Она сдѣлала какой-то мудреный пируэтъ передъ украшеннымъ цвѣтами столомъ и потомъ начала просматривать меню.

— Омаръ? Вотъ славно! Я ужасно люблю омары. . . Бифштексъ? Ну, я до мяса не особенная охотница, и вы можете съѣсть и мою долю! За то я свое наверстаю на трюфеляхъ. . . Жаренные цыпленки? Вѣдныя крошки, за что ихъ убили. . . А! мороженое. Мы часто въ складчину покупаемъ мороженное въ мастерской. . . Земляника, шампанское, — прелесть! Я оболью землянику шампанскимъ. . . Ну, и обѣдъ же у насъ будетъ! . .

Она бросилась Бурдуа на шею, поцѣловала его и тотчасъ же побѣжала въ другую комнату. Бурдуа, взволнованный поцѣлуемъ, стоялъ какъ истуканъ. Это былъ ея первый поцѣлуй. Онъ удивился, что ничего, кромѣ тихой, спокойной радости не испытывалъ. „Пѣтъ, теперь я ни за что не разстанусь съ этимъ очаровательнымъ созданіемъ!“ — рѣшилъ онъ про себя.

Между тѣмъ, Куколка открыла окно, и комната въ одно мгновеніе была залита яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; потомъ она подошла къ висѣвшему надъ каминомъ зеркалу и, поднимаясь на цыпочки, чтобы лучше видѣть себя, стала поправлять свою растрепавшуюся по дорогѣ прическу.

„Она очаровательна!“ не уставал твердить про себя Бурдуа. „И удивительнѣе всего то, что я ей, повидимому, не противенъ“ . . .

Онъ не ошибался: она, конечно, не была влюблена въ Бурдуа, но смотрѣла на него очень благожелательно. Время отъ времени только она слегка задумывалась, мысленно уносясь куда-то въ царство грезъ, но тотчасъ же снова начинала улыбаться ему и съ явнымъ удовольствіемъ осматривать окружающую обстановку.

Подали омара, и они сѣли за столъ. Съ апетитомъ улетаая кусокъ за кускомъ, она

Однако, становится жарко!..

стала рассказывать про свое первое посѣщеніе „Эрмитажа“, четыре года тому назадъ.

— Тутъ праздновали свадьбу моей кузины со стороны отца. Онъ тогда еще былъ въ живыхъ и служилъ въ одной страховой компаніи. Кузина моя выходила за нѣкоего г. Надаля. . . Вы не знаете г. Надаля? Здоровякъ такой, съ большой бородой. . . желѣзнодорожный служащій. . . Всѣ мы находили его безобразнымъ, но кузинѣ онъ нравился, а это было самое главное. Я была

дружкой невѣсты, и мнѣ дали въ кавалеры брата г. Надаля, который учился на инженера. О, этотъ не похожъ былъ на своего мужиковатаго брата! Онъ былъ такой стройный, съ маленькими усиками и ужасный забавникъ. Мы все время смѣялись какъ сумасшедшіе. Хотя онъ былъ на цѣлыхъ пять лѣтъ старше меня, но казался совсѣмъ мальчишкой. . .

Бурдуа подлил ей шампанскаго.

— Благодарю васъ! Я скоро совсѣмъ опьянѣю: вѣдь я не привыкла къ шампанскому.

Она все же опорожнила бокалъ и продолжала предаваться воспоминаніямъ:

— На томъ мѣстѣ, гдѣ разбита эта вотъ бесѣдка, были тогда качели. Боже мой, какъ мы тогда съ ума сходили! Мы катались на качеляхъ, играли въ лѣсу въ прятки. . . Морисъ (такъ звали моего кавалера) полѣзъ на дерево, чтобы достать свою шляпу, которую я забросила. . . Однако, становится жарко! . . .

Солнце, дѣйствительно, пекло немилосердно. Бурдуа задыхался, у дѣвушки тоже выступили на лбу капельки пота, и она стала обмахиваться вѣеромъ, который подаль ей

гарсонъ. Она была въ эту минуту такъ мила, что Бурдуа невольно воскликнулъ:

— Какая вы прелесть!

— Въ самомъ дѣлѣ, я вамъ нравлюсь? — спросила Куколка, оставляя трюфели, которыми порядкомъ увлеклась.

— Нравитесь-ли вы мнѣ! — горячо заговорилъ Бурдуа. — Но вы восхитительны! Почему вы собственно спрашиваете?

— Потому что мнѣ показалось. . . Го-

споди, нельзя же всё нравиться! А вы как будто...

Она не докончила, но Бурдуа понял, что она хотела сказать. „Ахъ, цдіотъ!“ въ сердцахъ выругалъ онъ себя. „Ей въ самомъ дѣлѣ можетъ показаться, что я холодно отношусь къ ней: сижу съ ней рядомъ, какъ чурбанъ безчувственный... Житракъ на моемъ мѣстѣ давно повелъ бы атаку на всёмъ правиламъ искусства. Нѣтъ, надо дѣйствовать.“

Онъ всячески сталъ пришпоривать себя. „Когда гарсонъ приметъ трюфели и пойдетъ за жаркимъ, я ее поцѣлую“, — рѣшилъ онъ, испытывая при этомъ тяжелое чувство, точно собирался что-то испортить или уничтожить.

Какъ только гарсонъ ушелъ, Бурдуа подвинулъ свой стулъ къ стулу Куколки и взялъ обѣ ея руки въ свои. Она не сопротивлялась. Лицо ея вдругъ стало серьезнымъ, и казалось, что она чего-то ждетъ. Онъ слегка поцѣловалъ ея руки съ неслотыми иголкой пальцами. Ему было неловко, стыдно, и онъ все время старался поставить себя на мѣсто этой молоденькой дѣвушки, которая должна выносить ласки почти старика. Но надо было рѣшиться! Онъ приложился усами къ ея бархатнымъ щекамъ, поцѣловалъ ее въ високъ. Все это онъ дѣлалъ, какъ бы отправляя какую-то повинность, и даже не испытывая никакого удовольствія; не испытывалъ онъ удовольствія и тогда, когда она, серьезная и тоже какъ бы исполняющая обязанность, важно и дѣловито вернула ему поцѣлуй. Оба при этомъ не проронили ни слова. Когда гарсонъ вернулся съ жаркимъ, Бурдуа и Куколка сразу почувствовали себя легче.

Бурдуа, чтобы разсѣять поднимающуюся со дна души грусть, выпилъ одинъ за другимъ два бокала шампанскаго.

„Не понимаю, что со мной! — думалъ онъ. Вѣдь я люблю ее, эту крошку; я ей, кажется, тоже не противенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ между нами какая-то стѣна... Это, должно быть, потому, что мы слишкомъ мало знаемъ другъ друга. Нельзя же такъ, съ первой почти встрѣчи...“ Ему хотѣлось бы взять ее теперь, какъ маленькаго ребенка, на колѣни, нѣжно ласкать и шептать ей на

ухо о томъ, какъ онъ ее любитъ и какъ бы онъ былъ счастливъ, еслибы и она его чуточку любила. Но вмѣсто этого надо было дѣлать что-то грубое, непристойное, идти по терминологіи Житрака, прямо къ цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на дѣло и Житракъ и Тереза: навѣрное такъ же смотритъ и сама Куколка, которая, быть можетъ, удивляется теперь, почему онъ медлитъ. Возможно, что въ этой перѣшительности его она усматриваетъ для себя нѣчто обидное. О, онъ знаетъ это чувство въ женщинахъ! Сколько разъ ему приходилось встрѣчать ихъ насмѣшливые, полные презрѣнія къ его робости взоры!

„Да ну же! — снова и снова подбодрялъ онъ себя. Будетъ играть пивнигаго младенца. Эта дѣвочка не лучше Терезы и ей подобныхъ; она навѣрное по части развращенности заткнетъ за поясъ любого мужичку!...“

Чтобы придать себѣ больше храбрости, онъ завелъ разговоръ о правахъ мастерской, въ которой работала Куколка.

— У каждой изъ ученицъ навѣрное есть какой-нибудь романъ?

— Еще бы! — увѣренно отвѣтила Куколка. — Есть совершенно одинокія дѣвушки, не имѣющія семьи, а, слѣдовательно, и средствъ къ жизни: на заработки не проживешь! Волей-неволей приходится искать какой-нибудь поддержки на сторонѣ: надо ѣсть, пить, одѣваться, жить... Притомъ, когда нѣтъ родныхъ — не особенно весело, — ну и, естественно, пиешь друга. Въ этомъ нѣтъ ничего плохого, и никто отъ этого не страдаетъ, не правда-ли? Конечно, есть такія, что не хотятъ сдаваться, но вѣдь каждый живетъ по своему...

— Вотъ вся ея мораль! — грустно думалъ Бурдуа, между тѣмъ, какъ гарсонъ подавалъ мороженное.

— Ну, а Тереза? спросилъ онъ.

— Эта держится еще... по крайней мѣрѣ, держалась до послѣдняго времени. Въ мастерской, правда, она разсказывала намъ ужасныя исторіи, такія безстыдныя, что мы только диву даемся, откуда она ихъ беретъ; но въ сущности у нея до сихъ поръ никого не было. Она живетъ у своихъ родителей, которые въ общемъ недурно зара-

батываютъ... Съ вашимъ пріятелемъ она сошлась главнымъ образомъ потому, что онъ очень элегантно одѣтъ.

— А вы сами какъ его находите? — спросилъ слегка приревниовавшій Бурдуа.

Она сдѣлала презрительную гримаску.

— Это герой не моего романа. Но онъ всегда одѣтъ по послѣдней модѣ, а это дѣвушкамъ нравится.

— Какъ бы то ни было, вы бы согласились пріѣхать сюда и съ нимъ? — поставилъ онъ вопросъ ребромъ, въ то же время самъ удивляясь своей храбрости.

Куколку такая дерзость, повидному, несколько не шокировала. Она съ минуту серьезно подумала, точно сама разбираясь въ этомъ вопросѣ, и отвѣтила:

— Не думаю! Повторяю, такіе мужички не въ моемъ вкусѣ. Онъ слишкомъ... какъ бы это сказать?... фатоватый господинъ...

„Но въ такомъ случаѣ, — сказалъ онъ себѣ, — я долженъ ей нравиться, такъ какъ представляю полную противоположность Житраку“.

Въ эту минуту вошелъ гарсонъ и сталъ подавать кофе съ ликерами. Поставивъ все на столъ, онъ, прежде чѣмъ уйти, сказалъ:

— Если что нибудь понадобится, потрудитесь позвонить.

И онъ указалъ имъ на придѣланную въ стѣнѣ у окна кнопку электрическаго звонка.

„Наступаетъ рѣшительный моментъ — подумалъ Бурдуа. — Теперь ужъ колебаться было бы просто смѣшно“...

Но онъ все-же далъ себѣ маленькую отсрочку: ему такъ хотѣлось оттянуть немного время! Онъ, не сѣмша, маленькими глотками, сталъ пить кофе, потомъ, не торопясь, закурилъ папиросу. Куколка тоже пила кофе, тоже закурила папиросу и молчала, подавая только краткія реплики на вопросы, которые съ трудомъ выжималъ изъ себя Бурдуа. Она теперь ужъ не улыбалась и была очень серьезна; онъ подумалъ, что она немного ньяна. Впрочемъ, онъ не столько занятъ былъ ею, сколько самимъ собою. Какъ ему съ ней держаться? Проявить чрезвычайную смѣлость? Это можетъ не понравиться ей; наоборотъ, пзлшнее

деликатничанье, пожалуй, сдѣластъ его смѣшнымъ въ ея глазахъ...

Вдругъ Куколка первымъ движеніемъ бросила папиросу и пзмѣнившимся голосомъ, въ которомъ звучали сердитыя нотки, спросила:

— Вы, повидному, считаете меня всеѣмъ еще дѣвчонкой?

— Да итъ-же, увѣряю васъ... Наоборотъ, я нахожу, что вы очаровательны!

— Нѣтъ, я вижу, что вы смотрите на меня, какъ на дѣвчонку! Тереза говорила, что нѣкоторыхъ мужичиъ это привлекаетъ, а другіе, наоборотъ, не любятъ слишкомъ молоденькихъ. Но я... вы знаете, вѣдь я старше Терезы: въ сентябрѣ мнѣ исполнится восемнадцать лѣтъ! Многія женщины въ эти годы уже дѣтей имѣютъ. Притомъ, у меня только фигура, какъ у дѣвчонки, и волосы коротко подстрижены (меня остригли послѣ болѣзни), но вообще то я не хуже другихъ дѣвушекъ; я сложена даже лучше, чѣмъ Тереза...

— Я знаю это! — воскликнулъ Бурдуа. — И вы мнѣ очень-очень нравитесь. Вы просто воспитательны и...

Онъ не находилъ словъ и, вообще, понималъ, что тутъ не слова нужны, а поступки. Онъ всталъ и подошелъ къ ней. Но Куколка уже пришла въ нервное, раздраженное состояніе и отодвинулась отъ него. На глазахъ у нея показались слезы обиды, и она заговорила:

— Если и вамъ не понравилась, вамъ слѣдовало тогда еще, третьяго дня, мнѣ сказать, когда мы въ первый разъ встрѣтились. Но тогда мнѣ показалось, что вы всеѣмъ размякли, увидѣвъ меня; мы потомъ съ Терезой смѣялись по этому поводу. Я была такъ рада, что понравилась вамъ, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось. Вы явились для меня очень кстати: мнѣ нужно было кого-нибудь... серьезнаго, солиднаго человѣка, къ которому бы я хорошо относилась... вродѣ васъ, напримѣръ... Въ началѣ все шло такъ хорошо, и вдругъ вы сразу перемѣнились! Вы даже бонтесь дотронуться до меня и, вообще, смотрите на меня, какъ на дѣвчонку.

Куколка даже всплакнула немного, но

тотчасъ же овладѣла собой и снова заговорила:

— Я, слава Богу, ужъ не дѣвочка! Еслибъ только я хотѣла, у меня былъ бы цѣлый хвостъ поклонниковъ. Вы вѣдь слышали, что говорила обо мнѣ Тереза? На улицѣ мужчины мнѣ проходу не даютъ. А вы... вы какъ будто боитесь близко подойти ко мнѣ...

— Куколка! — съ отчаяніемъ въ голосъ попробовалъ прервать ее Бурдуа; но она его не слушала и возбужденная, по-

Вы думаете что я лгу? Такъ смотрите!

краснѣвшая отъ гнѣва, продолжала твердить, что она ужъ не дѣвочка.

— У меня только волосы короткіе и лицо, какъ у дѣвочки, но ни одна въ нашей мастерской не сложена такъ, какъ я! Вы, быть можетъ, думаете, что я лгу? Такъ смотрите!

Она вырвала изъ воротника булавку, нервнымъ движеніемъ разстегнула блузку и обнажила себя до плечъ. Бурдуа увидѣлъ нѣжную, полную, какъ у голубя, шею и

верхнюю часть груди. Кровь ударила ему въ голову. Онъ бросился передъ дѣвшкой на колѣни и дрожащими отъ волненія руками сталъ... застегивать на ней блузку; потомъ, прижавъ сѣдьющей головой къ ея плечу, онъ забормоталъ:

— Нѣтъ, не надо!... Я прошу тебя, не надо... Я не хочу, я запрещаю тебѣ!.. Ради Бога, не надо!...

Она была такъ поражена, что ни звукомъ не прервала потока этихъ странныхъ, непонятныхъ ей словъ, а онъ продолжалъ:

— Милая, дорогая моя? Я не хочу, чтобъ ты стала такой же, какъ другія, какъ Тереза, какъ все эти дѣвшки... Ты лучше всехъ ихъ и создана не для такой жизни. Притомъ, я вѣдь уже старикъ, а ты... ты распускающийся цвѣтокъ... Я бы потомъ самъ себѣ сталъ противень. Нѣтъ, я люблю тебя и не хочу тебя губить. Только, ради Бога, не сердись на меня! Я не могу тебѣ этого объяснить, но... такъ я тебя больше люблю, чѣмъ еслибы я овладѣлъ тобою, какъ первой уличной дѣвшкой, какъ, напримѣръ, можно овладѣть этой сумасбродной Терезой.

— Я полюбилъ тебя съ перваго раза, какъ только увидѣлъ твои прелестные глаза, и теперь вижу, что мнѣ тяжело будетъ лишиться тебя. Оставайся со мной, вотъ такъ... Ты добрая, ты не отталкиваешь... Какъ хорошо! Я такъ счастливъ, такъ счастливъ!..

Онъ не могъ найти словъ, чтобы выразить счастье, которое онъ испытывалъ, пряча у нея на плечѣ голову, вдыхая нѣжный ароматъ ея дѣвичьяго тѣла, слыша бѣненіе ея сердца. Онъ хотѣлъ-бы всегда, всю жизнь оставаться такъ съ ней, чувствовать ея близость. Дѣвшка сидѣла неподвижно и ничего не говорила. Вдругъ онъ почувствовалъ на своемъ лбу и вискахъ ея теплыя слезы.

— Ты плачешь, милая? Не надо, умоляю тебя!

Онъ всталъ и увидѣлъ, что вся она въ слезахъ. У нея былъ такой жалкій, безомощный видъ, совсѣмъ какъ у охваченнаго какимъ-нибудь сильнымъ горемъ ребенка. Все ея лицо — глаза, носъ, щеки, подбородокъ, — было смочено обильными слезами. Теперь она ужъ не сдерживала себя, не думала о томъ, что слезы дѣлаютъ ее некрасивой, и громко рыдала.

— Крошка моя, Куколка моя славная! растерянно бормоталъ онъ.

Онъ, этотъ старый, пожившій холостякъ, не зналъ, что дѣлать съ этимъ взрывомъ горя, какъ успокоить ее. Онъ хотѣлъ взять ее, совсѣмъ какъ ребенка, на руки, но на этотъ разъ она рѣзко вырвалась отъ него.

— Вы сказали, что я... что я... уличная дѣвушка!..

— Да ничего подобнаго! Никогда я этого не говорилъ! Никогда! я знаю, что вы честнѣйшая, честнѣйшая, дѣвушка!..

— Нѣтъ, вы это сказали! — настаивала она, плохо слушая его и вся дрожа отъ обиды. — Это ложь!

Если у васъ есть сестра или дочь, я имъ желаю быть такой же чистой, какъ я... Никто изъ мужчинъ еще ни разу въ жизни не коснулся меня, вы слышите? Никто даже не поцѣловалъ меня... Впрочемъ нѣтъ: одинъ толко разъ, четыре года тому назадъ, здѣсь вотъ во время свадьбы, этотъ молодой человѣкъ, который теперь сталъ инженеромъ, разъ поцѣловалъ меня... Но кромѣ него, никто, никто... Вы первый, которому я позволила дотронуться до меня. Вы должны

мнѣ вѣрить, вы не смѣете не вѣрить мнѣ! — закончила она, нервно топнувъ ногой.

— Но я вѣрю, я знаю. Я съ самаго начала это думаю...

Она уже не плакала, но на лицѣ ея виднѣлись еще слѣды недавнихъ слезъ, и это придавало ей что-то трогательное.

— О, я знаю, — снова заговорила она, не обращая вниманія на простестующія восклицанія Бурдуа, — почему вы отнеслись ко мнѣ, какъ къ уличной дѣвушкѣ: потому что я, совершенно не зная васъ, пошла за

Терезой на свиданіе съ вами, а потомъ согласилась поѣхать съ вами сюда. О, я это прекрасно видѣла! Вы сказали себѣ, что я слишкомъ покладистая. „Она еще болѣе развращена, чѣмъ Тереза!“ — быть можетъ, подумали вы. Но вы ошиблись, я постараюсь вамъ объяснить, почему я такъ скоро согласилась. Да, какъ только я васъ увидѣла, я рѣшилась сойтись съ вами: вы еѣ перваго же раза показались мнѣ добрымъ, серьезнымъ человѣкомъ, совсѣмъ не похожимъ на такихъ господъ, какъ этотъ Житракъ, который то и дѣло мѣняетъ любовницъ и надъ всѣмъ смѣется. При томъ,

вы съ такимъ восхищеніемъ смотрѣли на меня, какъ еще до васъ никто на меня не смотрѣлъ, а это женщинѣ всегда подкупаетъ. Но главное (и я не хочу отъ васъ скрыть этого), вы явились тогда, когда я приняла рѣшеніе во чтобы то ни стало найти въ комъ-нибудь поддержку... это мнѣ необходимо было, другого исхода у меня не было, — развѣ только въ Сену броситься, или подъ колеса трамвая. Клянусь вамъ: я была близка къ самоубійству. Да, у меня такое положеніе, что...

Тереза вамъ, быть можетъ, говорила, что моя мать...

Она въ смущеніи остановилась было, но потомъ, кзкъ бы рѣшившись, продолжала:

— У матери моей есть... ну, другъ, что-ли... Онъ служить въ министерствѣ, имѣетъ какой-то орденъ... Она была съ нимъ въ связи еще при жизни моего отца... Бѣдный папа! Она такъ мучила его... Онъ меня очень любилъ и баловалъ...

Она вытерла платкомъ наворачнушіеся на глаза слезы.

Конечно, вы имѣли право, но все-же это обидно.

— Этот господня, что съ мамой, прибли- зительно вашихъ дѣтъ, но совсѣмъ — совсѣмъ не похожъ на васъ характеромъ. О, это ужасный человѣкъ! Онъ меня всячески преслѣдуетъ своими гнусными предложеніями.

— Порой онъ доводитъ меня до того, что я начинаю кричать и звать на помощь. Я ненавижу его! Мать моя, конечно, замѣчаетъ, какъ онъ за мной бѣгаетъ, и ревнуетъ. За всякій пустякъ, часто безъ всякаго повода, она бьетъ меня и говоритъ такія вещи, что я не рѣшаюсь повторять ихъ. Она вѣчно грозитъ выбросить меня на улицу. . . На прошлой недѣлѣ я вынуждена была просить почлега у одной знакомой женщины: мать не хотѣла мнѣ открыть дверь, когда я вернулась изъ мастерской. . . Вы понимаете, при такихъ условіяхъ мнѣ тяжело оставаться дома. Если я уйду, никто за мной гнаться не будетъ. . . развѣ только этотъ негодяй, который и правъ на меня никакихъ не имѣетъ; а мать. . . она будетъ очень довольна, если я уйду. Но какъ уйти? Жить своими заработками я не могу: они слишкомъ ничтожны. . . Ну, и я рѣшилась. . . найти кого-нибудь, кто согласился-бы поддерживать меня. Идти за первымъ встрѣчнымъ, какъ это дѣлаютъ большинство нашихъ дѣвушекъ, я не хотѣла: мнѣ противно было. И вдругъ Тереза рассказываетъ мнѣ о васъ. „Это ужъ видно судьба!“ подумала я — и пошла къ вамъ на свиданіе. Конечно, вы имѣли право отнестись ко мнѣ, какъ къ уличной дѣвушкѣ, но все-же это обидно. . . А теперь я хочу вернуться въ городъ. . . сію-же минуту!

Она поднялась и, сопровождаемая совершенно растерявшимся Бурдуа, прошла въ другую комнату, гдѣ лежала ее шляпа, и стала одѣвать ее передъ зеркаломъ.

— Но послушайте, Куколка! робко началъ онъ. — Не будьте же злой, не покидайте меня! Что я вамъ сдѣлать? Если я васъ чѣмъ либо обидѣлъ, то это вышло невольное, и я прошу у васъ прощенія. Нѣтъ, нѣтъ, не уходите! Что съ вами станеть? Вѣдь это ужасно, то, что вы сейчасъ рассказывали. Вамъ нельзя быть одной, а я — вашъ другъ, вѣрный, любящій другъ, который на все готовъ для васъ. . . Лишь бы вы были со мной. . .

Она обернулась къ нему, не кончивъ про- галывать булавкой шляпу.

— Это правда? Вы дѣйствительно хотите сдѣлать кое-что для того, что-бы я была съ вами?

— Не кое-что, а все! отвѣтилъ онъ съ глубокимъ волненіемъ. — Теперь потерялъ васъ. . . Нѣтъ, нѣтъ, я не могъ-бы больше жить безъ васъ! . . .

Она вынула булавку, положила ее на каминъ, потомъ сняла шляпу. Улыбка снова освѣтила ее лицо.

— Какой вы! — Не найдя другого опре- дѣленія, сказала она.

Онъ слегка привлекъ ее къ себѣ, какъ бы все еще боясь, чтобы она отъ него не ушла. Она не сопротивлялась. Стоя рядомъ съ нимъ, она доходила ему до плеча, и онъ долженъ былъ поклониться немного, чтобы поцѣловать ее въ нѣсколько растрепанные теперь волосы.

Куколка подняла на него свои голубые глаза, въ которыхъ снова появилось прежнее ясное, дѣтское выраженіе. Потомъ она потянулась какъ кошечка и зѣвнула.

— Я такъ устала! Можетъ быть, это отъ шампанскаго или отъ того, что я плакала, но я еле держусь на ногахъ.

— Но въ такомъ случаѣ, вамъ надо прилечь немного!

— На кровать? А развѣ можно? — наивно спросила она.

— Ну, конечно!

Онъ отвернулъ одѣяло, поправилъ подушки.

— Можете ложиться!

— Да, но я боюсь, что засну.

— И прекрасно!

— А вы что же будете дѣлать?

— А? Я буду смотрѣть, какъ вы спите. Вообще, обо мнѣ не беспокойтесь!

— Я сплну ботинки, — можно?

— Разумѣется!

Онъ помогъ ей. Ставъ на колѣни, онъ неловко сталъ развязывать шнурки на ея ботинкахъ, а она тихо смѣялась. Когда показалися крошечныя попки въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, онъ взялъ ихъ въ свои руки и сталъ ихъ цѣловать.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога! Я боюсь щекотки! — со смѣхомъ закричала она.

Тогда Бурдуа всталъ и взялъ ее, какъ

грудного ребенка, на руки. Близко склонившись къ ней лицомъ, онъ засматривалъ ей въ глаза и съ глубокой нѣжностью шепталъ:
— Милая, дорогая моя!

Потомъ онъ осторожно положилъ ее на кровать, еще разъ поправилъ подушки и укрылъ ей одѣяломъ ноги. Она, повидимому, съ удовольствіемъ принимала эти знаки вниманія. Изъ сосѣдней комнаты въ полуоткрытую дверь проникалъ лучъ солнца, который весело игралъ на подушкѣ и освѣщалъ золотымъ свѣтомъ легкія пылинки. Замѣтивъ это, Бурдуа вышелъ въ столовую, чтобы спустить шторы. Когда онъ вернулся, Куколка уже спала.

Бурдуа уѣлся на стоявшій у ея изголовья стулъ и сталъ смотрѣть на спящую дѣвушку, очень довольный тѣмъ, что онъ на время избавленъ отъ необходимости придумывать слова и доводы, чтобы успокаивать ее.

Куколка спала крѣпкимъ сномъ, какъ спятъ только утомившіяся за день дѣти. Она и во снѣ была очень хороша. Она немножко раскраснѣлась теперь, и это еще болѣе отгнѣяло бѣлизну ея лица и шеи. Съ прикрытыми одѣяломъ ногами, она казалась совсѣмъ ужъ женщиной.

— Да, рѣшено! — думалъ, глядя на нее Бурдуа. — Я ее не оставлю! Дать ей вернуться въ эту ужасную семью, къ этому животному, любовнику ея матери, нѣтъ, это было бы преступно. Ахъ, подлець! И такіе подлецы не только терпимы въ обществѣ, — имъ даже даютъ ордена за какія-то сомнительныя заслуги передъ обществомъ. . . Бѣдная крошка, она готова была броситься въ Сену. . . Ну, нѣтъ, она можетъ быть спокойна, я ее защищу отъ этого сатпра. . .

Онъ живо представилъ себѣ, что Куколка въ отчаяніи кончаетъ съ собой, и холодный потъ выступилъ у него на лбу. Никогда, никогда онъ не допуститъ, чтобы она дошла до такого ужаса. Онъ ее ужъ не оставитъ. Она сегодня же переѣдетъ къ нему, въ его холостую квартиру на улицу Монпарнасъ.

И мысль его заработала въ новомъ направленіи. Онъ заранѣе представилъ себѣ,

какъ онъ явится домой съ Куколкой: удивленіе консьержки, затѣмъ Филомены; его квартира со старой, доставшейся ему отъ покойнаго дяди мебелью, съ единственной постелью. . . Нѣтъ, онъ, Бурдуа, пользующійся репутаціей почтеннаго, солиднаго человѣка, не можетъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ привести къ себѣ въ домъ такую молоденькую дѣвушку!

Онъ почувствовалъ страхъ передъ мыслью, что въ его существованіи произойдетъ такая рѣзкая перемѣна. Теперь ужъ не можетъ быть рѣчи о правильномъ образѣ жизни; теперь ему придется отказаться отъ многихъ своихъ привычекъ, съ которыми онъ такъ сжился и благодаря которымъ онъ втеченіе столькихъ лѣтъ наслаждался особымъ счастьемъ, доступнымъ только людямъ, выше всего ставящимъ покой.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо хорошенько взвѣснить! — говорилъ онъ себѣ. — Вѣдь на меня, если я возьму къ себѣ Куколку, стануть смотрѣть какъ на стараго развратника. Еще чего добраго, и полицейскій комиссаръ вмѣшается въ дѣло: вѣдь Куколка еще не совершеннолѣтняя.

Но какъ же ему въ такомъ случаѣ поступить? Привезти ее въ Парижъ, дать ей денегъ и потомъ оставить, забыть ее? Нѣтъ, этого онъ не можетъ; при одной мысли, что онъ больше ее не увидитъ, у него больно сжимается сердце. И онъ, охваченный умиленіемъ, наклоняется къ свѣшивающейся съ кровати рукѣ Куколки и, точно прося у нея прощенія за такія мысли, осторожно и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжно прикладываетъ къ ней губами.

— Что-жъ, я сдѣлаю такъ, какъ дѣлають въ такихъ случаяхъ тысячи другихъ. Я устрою ее гдѣ-нибудь по близости отъ себя, въ маленькой квартиркѣ, найму ей служанку, и буду приходить къ ней, когда мнѣ будетъ угодно. У меня, такимъ образомъ, будетъ то, что называется любовной связью. Это не внесетъ очень ужъ рѣзкаго измѣненія въ мою жизнь и почти не нарушитъ моихъ привычекъ. . . Она будетъ работать. . . слегка, конечно, чтобы только не оставаться безъ дѣла. . . Разумѣется, не въ мастерской — этого я не допущу! — а у себя дома. . .

Эти мечты увлекли его. Онъ съ наслажденіемъ представлялъ себѣ маленькую, уютную квартирку, въ которой устроить ее, общіе обѣды и прогулки. Притомъ, если она будетъ жить отдѣльно, никто не увидитъ въ этомъ ничего предосудительнаго: мало-ли солидныхъ, уважаемыхъ людей имѣть связи на сторонѣ? Но...

Тутъ Бурдуа поймалъ себя на томъ, что онъ до сихъ поръ лжетъ самому себѣ, что онъ трусливо обходитъ одинъ очень важный, существенный пунктъ: сдѣлаетъ онъ Куколку своей любовницей, или же будетъ относиться къ ней просто какъ старшій братъ, какъ отецъ?

На этотъ вопросъ онъ не могъ найти отвѣта. И въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣшить эту трудную задачу? Онъ любилъ Куколку какъ женщину, но въ тоже время онъ самъ вѣдь говорилъ ей, что слишкомъ старъ для нея, что связь между молодой дѣвушкой почти ребенкомъ, и такимъ старикомъ, какъ онъ, была бы чудовищна. Притомъ, вѣдь она предлагала ему себя, свое молодое тѣло и онъ добровольно отказался; она быть можетъ, съ благодарностью, приняла эту жертву, стала относиться къ нему съ трогательнымъ довѣріемъ, какъ къ какому-нибудь старому, доброму дядюшкѣ, и вдругъ онъ станетъ предъявлять на нее права, какъ на любовницу!

Да, теперь это значительно осложняется. И надо же было ему наговорить ей всякаго вздора! „Старый дуракъ!“ — чуть не велухъ выругалъ себя Бурдуа.

Вообще, теперь, когда Куколка спала и не могла его видѣть, онъ чувствовалъ себя значительно храбрѣе и былъ полонъ рѣшимости. Почему бы ему въ самомъ дѣлѣ не сдѣлать ее своей любовницей? — говорилъ онъ себѣ. Въ сущности, Житракъ совершенно правъ: для такихъ какъ Тереза или Куколка это большое счастье, если онѣ сойдутся съ порядочнымъ человѣкомъ; раньше или позже, онѣ все равно падутъ, но если соблазнителемъ ихъ будетъ какой-нибудь негодяй, человѣкъ безъ сердца, — можно съ увѣренностью сказать, что несчастныя дѣвушки погибнутъ; между тѣмъ какъ съ нимъ, напримѣръ, Жюлемъ Бур-

дуа... Да, онъ со спокойной совѣстью можетъ сдѣлать Куколку своей любовницей.

Но въ то же время другой голосъ, который ему не удавалось заглушить, говорилъ ему совѣмъ иное: „Какъ-ни-какъ, ты являешься для этого ребенка первымъ искusstелемъ!“

Это становилось непріятно, портило заманчивую картину счастья, которую онъ не уставалъ рисовать въ своемъ воображеніи. Нѣтъ, лучше не думать объ этомъ.

Онъ сталъ смотрѣть на сияющую дѣвушку, причемъ близко, близко наклонился надъ ней, какъ наклоняются надъ пѣвчимъ, душистымъ цвѣткомъ. Какой опьяняющій аромат молодого женскаго тѣла! И эти пунсовые губы, которыя никогда еще не раскрылись для поцѣлуя!... Впрочемъ, нѣтъ; ее цѣловалъ четыре года тому назадъ этотъ молодой студентъ, нынѣ инженеръ... Она, повидимому, любила его; ей даже дорого это мѣсто, потому что здѣсь она впервые встрѣтилась съ нимъ...

Бурдуа вдругъ почувствовалъ острую ненависть къ этому неизвѣстному сопернику, который оставилъ въ сердцѣ дѣвушки неизгладимый слѣдъ. Быть можетъ, они и послѣ этого встрѣтились? И думая о своемъ соперникѣ, онъ, въ силу таинственной логики человѣческаго сердца, вдругъ ощутилъ острое желаніе обладать Куколкой. Онъ чувствовалъ себя теперь способнымъ на насиліе. Забывъ свои недавнія разсужденія о порядочности и все свои великодушные порывы, онъ смотрѣлъ уже на нее, какъ хищникъ смотритъ на добычу, съ помутившимися отъ страсти глазами. Но дотронуться до нея онъ все же не рѣшался.

Куколка, между тѣмъ, словно чувствуя на себѣ его пристальный взглядъ, начала двигаться во снѣ и скоро заматалась по постели; при этомъ она, какъ бы задыхаясь, раскрыла блузку, и Бурдуа увидѣлъ ее нѣжную шею и молодую, крѣпкую грудь.

— Куколка, милая! любовно прошепталъ онъ.

Та вдругъ широко открыла глаза и посмотрѣла передъ собой изумленнымъ взглядомъ, въ первую минуту не понимая, гдѣ она и что съ ней. Потомъ, увидѣвъ Бурдуа,

она вдругъ покрасѣла и стыдливо запахла на груди блузку.

Бурдуа почувствовалъ, что его сладкимъ грезамъ пришелъ конецъ; словно судьба, пріоткрывъ передъ нимъ немного дверь въ царство счастья, снова закрыла ее. Съ минуту оба молчали; наконецъ, она спросила:

— Я спала?

— Да!

— Долго?

— Около часу!

— Мнѣ такъ совѣстно!

— Пустяки. Вамъ надо было отдохнуть. Теперь вы чувствуете себя лучше?

— Да, но я такая заспанная!

Она приподнялась и, спустивъ ноги съ кровати, сѣла. На лицѣ ея появилась улыбка, которую такъ любилъ Бурдуа. — Она на меня не сердится! подумалъ онъ. — Я чуть не совершилъ гнусности, воспользовавшись тѣмъ, что она спала. Хорошо еще, что она во время проснулась: она никогда бы не простила мнѣ...

— Мы, можетъ быть, пройдемся немного? предложила Куколка, перейдя съ кровати въ кресло, чтобы одѣть ботинки.

— Съ удовольствіемъ!

Онъ хотѣлъ помочь ей, но она деликатно отклонила его услуги.

— Не беспокойтесь: вѣдь, дома я не привыкла къ горничнымъ!

Онъ не настаивалъ. „Прежде, — подумалъ онъ, — она позволила мнѣ помочь ей, а теперь... Повидному, что-то измѣнилось“...

Бурдуа былъ немного грустенъ, когда расплатившись съ хозяиномъ „Эрмитажа“, вышелъ съ Куколкой по направленію къ лѣсу.

Было около половины пятого, но солнце еще сильно пекло. Впрочемъ, подъ густой листвою деревьевъ было свѣжо, и жара почти не чувствовалась. Куколка взяла его подъ руку, и сердце его наполнилось тихой радостью: она такъ довѣрчиво относилась къ нему, смотрѣла на него какъ на близкаго, почти родного...

Она была въ очень хорошемъ настроеніи и безъ умолку болтала. Бурдуа слушалъ и съ удовольствіемъ думалъ, что она, повидному, вовсе не дичится его. Улучшивъ мо-

ментъ, когда она замолчала, онъ перѣши-тельно спросилъ:

— Скажите... вашъ другъ... этотъ молодой инженеръ, который былъ съ вами на свадьбѣ... послѣ этого вы встрѣчались съ нимъ?...

— Да, приходилось... И она почему то покрасѣла. — Почему вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Такъ, изъ простаго любопытства. Я не вижу ничего дурного въ томъ, что вы съ нимъ время отъ времени встрѣчаетесь...

— О, я знаю, что вамъ безразлично и могу съ вами говорить откровенно. Со дня свадьбы я видѣлась съ нимъ ровно шесть разъ до того, какъ онъ получилъ должность въ провинціи, въ Шомонѣ... это очень скучная, холодная мѣстность... Онъ иногда пишетъ мнѣ, и я ему отвѣчаю. Конечно, онъ очень скоро забудетъ меня — это такъ естественно!...

„Ясно, она была его любовницей!“ подумалъ Бурдуа.

Словно угадавъ его мысль, Куколка поспѣшно продолжала:

— Еслибы только я пожелала, онъ взялъ бы меня съ собой; но я не хотѣла.

— Почему же? спросилъ онъ, почувствовавъ, что его кольнуло въ самое сердце.

— Да потому что, — отвѣтила она, взявъ въ ротъ сухой листъ, — потому что... Я и сама не знаю! Я была тогда совѣмъ еще глупой дѣвчонкой. Когда я вернулась со свадьбы, я сказала себѣ, что выйду замужъ только за него. Мнѣ казалось такимъ естественнымъ, что онъ на мнѣ женится: вѣдь мнѣ было 15 лѣтъ! И мысль, что онъ непременно женится на мнѣ, мѣшала мнѣ стать его любовницей. Какъ только онъ пытался дѣлать глупости, я сердито отталкивала его... Да, — философски закончила она, — женщины вообще странно созданы и часто сами себя не понимаютъ.

Онъ съ грустью слушалъ ее.

— А почему бы ему не жениться на васъ?

— О, знаете... вѣдь я простая работница, безириданница, а онъ человѣкъ образованный, которому предстоитъ блестящая карьера... Со временемъ онъ, быть можетъ, будетъ зарабатывать тысячь шесть, а то и

цѣлыхъ десять въ годъ... Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Онъ долженъ жениться на богатой...

Дорога, по которой они шли вела въ Бельвю. Бурдуа предложилъ пройти на Медонскую террасу, а оттуда спуститься въ Медонъ и тамъ сѣсть въ идущій въ Парижъ поѣздъ.

Когда они дошли до террасы, было уже около шести. Нѣсколько мѣстныхъ обывателей и туристовъ любовались тутъ открывавшейся передъ ихъ глазами широкой панорамой. Внизу, въ рамкѣ изъ зелени, перепоясанный голубой Сеной, раскинулся гигантскій Парижъ.

Бурдуа и Куколка молча и задумчиво созерцали эту волшебную картину. Ему было грустно, и онъ то и дѣло сбоку поглядывалъ на молодую дѣвушку, къ которой такъ сильно привязался за этотъ фатальный для него день; все въ ней умиляло его: ея маленькая головка съ нѣжными чертами лица, ея стройная фигура, ея ясные глаза и дѣтская улыбка. Неужели онъ долженъ отказаться отъ всего этого? Нѣтъ, это выше его силъ! Въдь онъ полюбилъ въ ней именно возможность освѣтить и согрѣть свою скучную, одинокую жизнь, наполнить эту жизнь смысломъ, содержаніемъ. Неужели же этой мечтѣ не суждено осуществиться?..

— Однако, пора вернуться! спохватилась вдругъ Куколка.

— Вернуться? Куда?

— Какъ куда? Домой къ мамѣ!

— Да, но... Послѣ того, что вы мнѣ рассказывали о своей жизни...

Она печально опустила голову.

— О! Мало-ли чего не наговоришь, когда на сердцѣ слишкомъ тяжело!... Притомъ, я столько ужъ терпѣла — буду и дальше терпѣть...

Терраса все болѣе пустѣла, и скоро на ней никого почти не осталось. Склонившись надъ каменной балюстрадой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Бурдуа и Куколки, мечтательно смотрѣла въ даль какая то женщина.

Бурдуа собрался съ духомъ и сказалъ:

— Послушайте, въдь мы теперь немного

знаемъ другъ друга и... Скажите, вы довѣряете мнѣ?

— То есть какъ, довѣряю? — не поняла она.

— Я хочу спросить, можете ли вы... ну, довѣриться мнѣ?

— О, конечно!

— Ну, такъ вотъ: почему вы не хотите остаться со мною?

Куколка вдругъ стала серьезна.

— Остаться съ вами... Но въдь вы хотѣли, чтобы мы всегда были... только друзьями...

Такъ они шли до самаго вокзала.

Она слегка покраснѣла при этихъ словахъ. Онъ хотѣлъ-бы сказать ей: „я такъ думалъ прежде, но теперь... Быть можетъ, мы будемъ современемъ не только друзьями“... Но онъ не посмѣлъ сказать этого: она смотрѣла на него такими ясными, довѣрчивыми глазами! И какъ всѣ робкія, нерѣшительныя натуры поступаютъ въ трудныхъ случаяхъ жизни, онъ теперь говорилъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать, и его собственныя слова больно били его по сердцу.

— Да, да... Я на всю жизнь останусь

для васъ только другомъ... отцомъ, если хотите...

Дѣвушка наградила его за эти слова долгимъ взглядомъ...

— Хорошо! — послѣ минутнаго молчанія сказала она. — Только не сегодня... Я ничего съ собой не взяла. Но завтра, послѣзавтра... если вы захотите... Я устрою такъ, чтобы вызвать маму на ссору и чтобы она выкинула мена на улицу...

Въ глубокомъ молчаніи они спустились по ктрутой дорогѣ, которая ведетъ отъ террасы къ желѣзнодорожной станціи. Оба были задумчивы. Оба чувствовали, какъ между ними мало-по-малу растетъ какая-то связь, но имъ все-же было немного неловко другъ друга. Онъ, точно такъ-же, какъ и она чувствовалъ, что она никогда не будетъ для него любовницей, но что, тѣмъ не менѣе, они губоко будутъ любить другъ друга и станутъ одинъ другому необходимы. Какъ-бы для того, чтобы запечатлѣть этотъ союзъ, Куколка положила свою обтянутую черной перчаткой руку въ огромную руку Бурдуа. Такъ они шли до самаго вокзала. Придя на вокзалъ, онъ выпустилъ ея руку, такъ какъ платформа была покрыта публикой, и ему было неловко.

Черезъ семь минутъ поданъ былъ поѣздъ въ Парижъ. Бурдуа взялъ два билета перваго класса: такимъ образомъ у него было больше шансовъ, что онъ будетъ въ купѣ одинъ съ Куколкой. Онъ не ошибся: до самаго Парижа они были одни.

Когда поѣздъ тронулся, она радостно воскликнула:

— Вы не повѣрите, я никогда еще не ѣздила первымъ классомъ! Если я расскажу объ этомъ завтра въ мастерской, дѣвушки подумаютъ, что я сочиняю...

Она съ любопытствомъ стала разматривать банальную обстановку купѣ, поправила передъ зеркаломъ шляпу и волосы, выглянула въ одно окно, потомъ въ другое. Онъ молча наблюдалъ за ней.

— Какъ славно сегодня прошелъ день! — сказала она и, потянувшись, прибавила:

— А все-же я чувствую теперь большую

усталость, чѣмъ послѣ цѣлаго дня работы въ мастерской.

Она сѣла съ нимъ рядомъ и ласково взяла его за руку. Онъ понялъ, что ей хотѣлось поцѣловать его, но она не рѣшалась; тогда онъ подставилъ ей щеку, и она крѣпко и звонко поцѣловала его, какъ цѣлуютъ въ порывѣ благодарности маленькія дѣти. Потомъ она склонилась головой къ нему на плечо.

— Представьте, мнѣ все еще хочется спать — сказала она.

Жесткія перья ея шляпы кололи его въ

Жюль Бурдуа совѣмъ размякъ.

уши и глаза, но онъ молчалъ. Она замѣтила это и раземѣлась.

— Чего-же вы молчали? Вѣдь, вамъ больно было!

Она сняла шляпу, положила ее на скамью и снова склонилась къ нему на плечо. Бурдуа, чтобы ей было удобнѣе, слегка обнялъ ее рукой за талію; при этомъ онъ самъ удивился, что ея близость нисколько не волнуетъ его и что онъ ничего, кромѣ глубокой пѣжности, не испытываетъ къ ней.

— Хорошо вамъ такъ, милая Куколка? Отвѣта не было: она уже спала.

Поѣздъ шелъ тихо, безъ шума, часто останавливаясь и медленно пересѣкая зеленныя, окаймленныя лѣсомъ равнины. Склонившееся къ западу солнце, казалось, упорно боролось съ поднявшимся съ рѣки туманомъ и завлакивавшимъ часть горизонта дымомъ фабричныхъ трубъ. Бурдуа боялся пошевелиться, чтобы не разбудить Куколку; онъ слышалъ ея ровное дыханіе и ощущалъ на своемъ лицѣ ея волосы. Странное, не испытанное еще счастье наполнило все его существо. При томъ, онъ былъ такъ гордъ, что не поддавался искушенію и не сдѣлалъ ее своей любовницей; да и жизнь его теперь, въ общемъ, пойдетъ по старому, онъ не вызоветъ противъ себя нареканій, — словомъ, все сложилось очень хорошо.

— Въ мои годы обзаводиться любовницами, — говорилъ онъ самъ себѣ, — просто преступно! Но я могу сдѣлать ее пріемной дочерью. Въ самомъ дѣлѣ, почему бы и нѣтъ? Она такая милая, и, судя по началу, навѣрное крѣпко привяжется ко мнѣ...

— А Житракъ? — подумалъ онъ вдругъ. — Что скажетъ Житракъ, когда узнаетъ объ этомъ? Навѣрное, подыметъ меня на смѣхъ. Но вѣдь можно просто не встрѣчаться съ нимъ! И на что, въ самомъ дѣлѣ, онъ мнѣ нуженъ? Что касается Куколки, она перемѣнитъ мастерскую, чтобы не видѣться съ Терезой, или совсѣмъ броситъ работу...

— Броситъ работу! — тутъ же остановилъ себя Бурдуа. — Но что же она въ такомъ случаѣ будетъ дѣлать? Развѣ заниматься ея образованіемъ? Она не глупа, навѣрное способна, и очень скоро достигнетъ всю преподаваемую въ казенныхъ школахъ премудрость... Нѣтъ, нѣтъ, въ мастерскую я ее больше не пушчу... Мастерскія — это школы разврата. Нужно еще удивляться, какъ она до сихъ поръ сохранила всю свою чистоту и певниность...

Бурдуа, въ порывѣ отеческой любви,

нѣжно поцѣловалъ ее въ голову и крѣпче прижалъ къ себѣ, какъ бы защищая ее отъ грозящихъ ей опасностей. Онъ теперь былъ готовъ на всевозможныя жертвы, чтобы только устроить ея жизнь, и это была готовность совершенно безкорыстная.

— Раньше или позже, — продолжалъ онъ слѣдовать теченію своихъ мыслей, — она выйдетъ замужъ... За это ужъ я беру! Я дамъ ей хорошее приданное — въ пику этому негодлю инженеру, который не хочетъ жениться на пей только потому, что она бѣдна... Ну, а вдругъ она ии за кого кромѣ своего инженера, выйти не захочетъ? Еще чего добраго, я до того поглупѣю, что соглашусь и на инженера...

Жюль Бурдуа совсѣмъ размякъ, чувствовалъ себя способнымъ на подвиги самоотверженія и испытывалъ огромное удовольствіе, думая о томъ, какъ онъ всего себя посвятитъ заботамъ о Куколкѣ. Держа ее за талию, чувствуя ея близость, аромат ея волосъ, онъ говорилъ себѣ, что теперь онъ будетъ счастливъ съ этимъ ребенкомъ, что она ему будетъ платить за его заботы глубокой привязанностью, которая наполнитъ его тоскливую до того жизнь, придастъ смыслъ его существованію. И онъ чутѣмъ понималъ, что такія отношенія съ Куколкой дадутъ ему неизмѣримо больше счастья, чѣмъ елибы онъ сдѣлалъ ее своей любовницей.

Да, жребій брошенъ! Онъ искалъ любовнаго приключенія, а нашелъ совсѣмъ другое. И онъ, право же, несколько объ этомъ не жалѣеть...

Поѣздъ сталъ замедлять ходъ. Вдали показалось море огней. Бурдуа приподнял немного голову Куколки, нѣжно прикоснулся губами къ ея волосамъ и сказалъ:

— Проснись, милая... Мы уже въ Парижѣ.

Мой братъ Гюи

Вдова Ларошъ-Тьеболъ

Г-жъ д'Эпрень.

Милая Колетта! Что слышно въ Буржѣ? Вотъ ужъ недѣля, какъ я уѣхала отъ васъ. Господа офицеры все еще скандализуютъ нашу заскорузлую провинцію? А черномазая графиня де-Прейли продолжаетъ улаживать вашъ слухъ своимъ фальшивымъ голосомъ? А полковница уже насолпла лейтенанту Сень-Реми? Попржежнему наши друзья обращаются съ вами, какъ военные писаря, а вы съ ними, какъ гризетки? Мерзкая провинція! Можешъ тамъ безобразничать сколько угодно, придумывая отъ скуки одну эксцентричность за другой — Буржъ останется Буржемъ. Онъ такъ мнѣ опротивѣлъ, что я удрала, никого не предупредивъ. Да здравствуетъ свобода!

Чего тамъ скрывать! Не изъ-за одной только скуки бѣжала я отсюда. Я пмѣла неосторожность назначить у себя свиданіе капитану д'Эгзилю... и еще какое свиданіе!.. Теперь, когда я далеко, мнѣ это кажется такимъ забавнымъ, но когда наступилъ рѣшительный моментъ... О, я готова была на все, только не на это!

По дорогѣ въ Парижъ я хототала, какъ сумасшедшая, представляя себѣ, какъ этотъ Эгзиль, надушенный, напомаженный, увѣренный въ томъ, что я не устою противъ его обаянія, приходитъ ко мнѣ въ назначенный день и остается, бѣдняга, съ носомъ. Я представляла себѣ лукавую улыбку моей горничной Соланжъ. — „Барыня просили сказать, что онѣ вынуждены были по семейнымъ дѣламъ немедленно уѣхать въ Парижъ...“

Воображаю, какъ досталось отъ него въ эти дни солдатамъ.

Соланжъ, собственно говоря, не солгала: я дѣйствительно направилась къ брату. Онъ занимаетъ великолѣпную квартиру въ первомъ этажѣ на очень аристократической улицѣ. Съ какимъ вкусомъ отдѣлана его квартира! Тутъ, видно, не обошлось безъ участія женщины, а быть можетъ и нѣсколькихъ. Уѣзжая изъ Буржа я телеграфировала ему: „Иди меня сегодня къ 11 часамъ вечера.“ Пріѣзжаю въ половинѣ одиннадцатаго и застаю Гюи за туалетомъ.

— Что это тебѣ вздумалось прикатить въ Парижъ? — спрашиваетъ онъ меня.

— Милый Гюи, пожалуйста не ворчи, я умираю отъ скуки въ этомъ противномъ Буржѣ.

— Что и говорить, въ Буржѣ дѣйствительно можно удавиться съ тоски. Но, милая, неужели ты намѣрена у меня поселиться?

— Только на эту ночь! . . . Завтра я пошщу квартиру.

Гюи былъ въ большомъ затрудненіи. Очевидно, мой пріѣздъ разстроилъ его планы. Но онъ добрый малый и все-таки любить меня.

— Такъ и быть! Тебѣ приготовить мою комнату, а я пойду ночевать въ другое мѣсто... къ пріятелю... Только ужъ не взыщи: сегодня къ ужину я тебя оставлю.

— Что ты, Гюи? Мнѣ такъ хотѣлось видѣть тебя, а ты уходишь, оставляя меня одну? . .

— Но я не могу остаться съ тобой. Я сегодня приглашенъ въ одну компанію, куда молодой вдовѣ неприлично явиться.

Лакей, понявъ, что бесѣда принимаетъ щекотливый характеръ, удалился. Я подошла къ Гюи и смѣясь сказала ему:

— У васъ ужинъ съ кокотками?

— Да.

— Тамъ будутъ и мужчины?

— Только одинъ. Ты его не знаешь. Это румынскій дворянинъ, съ которымъ я познакомился въ Бухарестѣ. . . Графъ Ильдеско.

— А кто эти дѣвицы?

— Люсьена д'Аржансонъ, Фанни Лоу и красавица Кордоба. Не думай, что я иду туда для своего удовольствія. Мнѣ съ ними очень скучно. Но графъ Ильдеско захотѣлъ познакомиться съ ними, и я его сведу сегодня сразу со всеми тремя, чтобъ онъ оставилъ меня потомъ въ покоѣ.

— Гюи, милый, возьми меня съ собой! . .

Я не дала ему времени протестовать; сѣла къ нему на колѣни и, ласкаясь, начала ему доказывать, что Буржъ еще худшая дыра, чѣмъ Бухарестъ и что я, какъ и графъ Ильдеско, сгораю отъ нетерпѣнія увидѣть Фанни Лоу, Люсьену д'Аржансонъ и красавицу Кордобу.

— Но вѣдь это безуміе! Подумай, что будетъ, если тебя узнаютъ. . .

— Я одѣну густую вуаль и пройду въ кабинетъ незамѣченной, а тамъ ужъ не опасно: ни твой другъ, ни эти дамы меня никогда не видали.

— Но тамъ вѣдь не стѣсняются насчетъ выраженій. . .

— Ну, это пустяки: я вѣдь не институтка! Наконецъ, если уже очень далеко зайдетъ, ты уведешь меня.

Словомъ, я пристала къ нему, какъ банный листъ. Притомъ условленный часъ насталъ, и мой братецъ волей-неволей долженъ былъ сдаться. Рѣшено было, что я буду держаться, какъ наивная провинціалка, впервые попавшая въ Парижъ.

Вѣдь ты куда лучше всѣхъ этихъ дѣвицъ!

У меня съ собою было довольно эlegantное платье. Гюи былъ моей горничной: его самого начала забавлять эта затѣя.

— Ахъ, ты, плутовка! — сказалъ онъ, помогая мнѣ переодѣться. — Вѣдь ты куда лучше всѣхъ этихъ дѣвицъ! Ильдеско будетъ безъ ума отъ тебя. Но будь съ нимъ осторожна: онъ опасный малый!

Ужинали у Жозефа; свиданіе было назначено въ часъ, такъ какъ Фанни Лоу и Кордоба были свободны только по окончаніи спектакли. Графъ Ильдеско взялъ доставить Люсьену д'Аржансонъ. Мы съ братомъ явились на четверть часа позже другихъ.

Можешь ты себѣ представить, милая Колета, эту картину? Три женщины съ жаднымъ любопытствомъ осматриваютъ меня съ ногъ до головы. Гюи представляетъ меня: „Мадемуазель Ренэ изъ Шателъру“... Женщины едва могли скрыть свою досаду: онъ, повидному, нашелъ меня хорошенькой! Чтобы сконфузить меня, онъ началъ шептаться, высмѣивая мой парядъ.

Ильдеско же сталъ разсыпаться предо мною мелкимъ бѣсомъ.

Должна тебѣ сказать, милая Колета, что эти женщины были одѣты очень изящно, по скромно, — совсѣмъ какъ порядочныя дамы общества.

Сѣли за столъ; меня усадили между Ильдеско и дѣвицей д'Аржансонъ. Я выпла залпомъ два бокала шампанскаго и сразу почувствовала себя свободнѣе и смѣлѣе; теперь я готова была слушать какіе угодно ужасы.

Заговорили о театрѣ. Фанни Лоу и красавица Кордоба высказали свои взгляды на современное искусство. Они показали мнѣ образованіе и умѣе нашихъ дамъ-аристократокъ. Затѣмъ Люсьена д'Аржансонъ нѣсколькими мѣткими замѣчаніями охарактеризовала свѣтскихъ львовъ и вообще наше высшее общество.

Гюи выслушивалъ все это съ серьезнымъ видомъ и отвѣчалъ въ томъ же тонѣ. Ильдеско началъ нашептывать мнѣ какія то сальности. Онъ откровенно восхищался моимъ бюстомъ; и надо тебѣ сказать, что я дѣйствительно съ честью могла выдержать сравненіе съ „этими дамами.“ Послѣднія держа-

лись съ большимъ достоинствомъ. — Онъ, должно быть, стѣсняются меня, — подумала я. — Онъ считаютъ меня какой-то провинціалкой. Надо развязать имъ языки.

Выпивъ еще бокалъ шампанскаго, я рассказала ту самую пикантную исторію о предательскомъ конфетти, которую ты такъ мило передала на обѣдѣ у полковника. Ахъ, милая, надо было тебѣ видѣть лица этихъ современныхъ гетеръ! Онъ дѣлали видъ, что ничего не понимаютъ, презрительно пожимали плечами и возмущенно перешептывались между собой. Гюи, весь красный отъ смущенія, попытался выгородить меня.

— Вы понимаете, она еще совсѣмъ новичекъ! шепталъ онъ своей сосѣдкѣ, Фанни Лоу. — Потомъ она, конечно, будетъ держаться лучше.

Но Ильдеско хохоталъ отъ всей души.

— Какъ это смѣшно, какъ забавно! Совсѣмъ по парижски!.. Она просто очаровательна!..

Вдругъ я почувствовала, что онъ подъ столомъ прижимаетъ свое колѣно къ моему; это мнѣ не понравилось: я не люблю, когда мужчина позволяетъ себѣ такія вольности, не получивъ на это моего согласія. Но я рѣшила, что въ такой компаніи со многимъ приходится мириться. Если я стану возмущаться такими пустяками, всѣ сразу догадуются, что я — не ихъ поля ягода. И я не протестовала.

Вдругъ Фанни Лоу ударила Гюи въеромъ по рукѣ и съ раздраженіемъ въ голосъ воскликнула:

— Скажите, пожалуйста, перестанете ли вы наконецъ теревить мое платье вашими ногами? Или вы забыли, гдѣ находитесь... вѣдь вы не въ Шателъру...

„Въ Шателъру“, — это былъ камень въ мой огородъ.

Ужинъ закончился почти въ полномъ молчаніи. Только Люсьена и Кордоба продолжали бесѣду на какую-то политико-экономическую тему, — кажется о золотыхъ рудникахъ.

Разошлись около половины третьяго. Дѣвицы сухо попрощались со мной. Ихъ усадили въ кареты. Ильдеско, во чтобы то ни стало, хотѣлъ проводить меня.

— Извини, милый! — вмѣшался Гюи. — Я самъ долженъ отвезти ее.

Бѣдняга Ильдеско! Онъ былъ въ такомъ отчаяннѣ, что на него жалко было смотреть, и я позволила ему на прощаніе сколько-угодно сжимать мои пальцы въ своей рукѣ.

Когда мы остались одинъ съ братомъ, я начала его пробирать.

— Меужели я тебѣ повѣрю, что это одинъ изъ вашихъ обычныхъ ужиновъ! Ты навѣрное сказала этимъ проституткамъ, кто я, и этимъ все испортилъ. Если такъ, это ужасно глупо! Въдѣ онѣ вели себя совсѣмъ какъ добродѣтельныя матроны.

Гюи запротестовалъ:

— Даю тебѣ честное слово, что всѣ наши ужины похожи на этотъ: какой-нибудь споръ, легкая пикировка, первая выходка, — вотъ и все.

— Но неужели эти дѣвнцы всегда такъ приличны и скромны?.. Я все же думаю, что когда нѣтъ постороннихъ...

— О, конечно, съ глазу на глазъ съ кѣмъ-нибудь, — это другое дѣло! Тогда онѣ состоятъ при исполненіи своихъ обя-

занностей... Въдѣ это ихъ ремесло, которымъ онѣ живутъ. Но въ часы досуга, даромъ, онѣ, вполнѣ естественно, работаютъ не хотѣть... Любовью онѣ занимаются только въ рабочіе часы, по профессіи.

Увы, это вѣрно! Бѣдныя женщины! А мы еще иногда завидуемъ имъ! Имъ такъ хочется въ часы досуга играть въ честныхъ женщинъ, точно такъ же, какъ намъ хочется играть въ кокотокъ, когда мы не знаемъ, куда дѣваться отъ провинціальной скуки и бездѣлья.

Я вернулся въ Буржъ въ слѣдующій вторникъ. Извѣсти объ этомъ г-на д'Эгзиля, — онъ, все же, интереснѣе этого румына! Кстати, по поводу румына. Просматривая сегодня утромъ газету, я въ отдѣлѣ интимныхъ сообщеній наткнулась на такія строки: „Молодой, очень богатый брюнетъ, уживавшій вчера у Жозефа въ обществѣ одной прекрасной особы изъ Шательру, страстно желаетъ увидѣть ее вновь. — И.“

„И“ — это Ильдеско.

Я торжествую: румынъ предпочелъ меня, любительницу, тремъ профессионалкамъ! О, Колетта, еслибы мы только захотѣли...

Сошлись!

Графиня Клотильда Арменжъ,
артистка театра „Фарсъ“ М-Ше Забель Сиври.

Воскресенье.

„Mademoiselle!

Вы, конечно, удивитесь, получивъ это мое письмо. Хотя мы знаемъ другъ друга и въ лицо и по имени, но ни мнѣ, ни вамъ не пришло бы въ голову переписываться. И если я все же пишу вамъ, то это изъ-за Максима, моего мужа и вашего... друга.

Вотъ уже два дня и двѣ ночи, какъ графъ Арменжъ не возвращается домой. Конечно, онъ вправѣ располагать собой и проводить время, гдѣ и какъ ему угодно; я далека отъ мысли слѣдить за нимъ; по все же такое долгое отсутствіе меня беспокоитъ. Графъ очень корректенъ и успокаиваетъ меня письмомъ или телеграммой, если онъ не можетъ во время вернуться домой. На этотъ разъ онъ меня не предупредилъ, и это не просто. Вы вѣдь знаете, у графа, который ужъ очень не молодъ, случаются припадки какой-то очень мудреной болѣзни, которые надолго прико-

вываютъ его къ постели; онъ тогда ничего не помнитъ, ничего не воображаетъ. И я боюсь, не случился ли съ нимъ одинъ изъ этихъ припадковъ и теперь, вѣкъ дома.

Сегодня ужъ воскресенье, а ушла онъ изъ дому еще въ пятницу. Передъ уходомъ онъ сказалъ мнѣ, что идти въ клубъ. Въ клубъ я уже справлялась: онъ тамъ не былъ ни въ пятницу, ни въ слѣдующіе дни. Тогда я позволила себѣ маленькую нескромность: я послала преданную мнѣ горничную къ вашей консьержкѣ: послѣдняя тоже не видала моего мужа съ самой пятницы. Я страшно встревожена, но прежде, чѣмъ обратиться къ полиціи (вы понимаете, какъ это неприятно!), я рѣшилась писать вамъ. Я вамъ буду безконечно благодарна, если вы сумѣете и пожелаете мнѣ сообщить что-либо о моемъ мужѣ.

Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этой услугѣ. Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ

Графиня Арменжъ“.

Артистка театра „Фарсъ“, М-Ше Забель Сиври,

Графинѣ Клотильдѣ Арменжъ.

„Madame!

Если вы видѣли графа Максима въ пятницу, вы счастливые меня: я не видѣла его и ничего о немъ не знаю съ четверга. Въ четвергъ послѣ обѣда я вмѣстѣ съ нимъ ѣздила къ ювелиру Фонтана, гдѣ онъ, между прочимъ, купилъ брилліантовую бачку, предназначавшуюся, если я не ошибаюсь, для васъ. Выборъ, по его настоянію, сдѣланъ былъ мной. Вотъ все, что я вамъ могу сказать. Я тоже очень беспоко-

юсь, такъ какъ не привыкла къ его столь долгому отсутствію; беспокойство мое тѣмъ сильнѣе, что я, зная графа, тоже боюсь, какъ бы съ нимъ не случился припадокъ. Само собой разумѣется, я никогда бы не рѣшилась обратиться къ вамъ первая; должна, впрочемъ, сознаться, что я тоже позволила себѣ маленькую нескромность, поручивъ своей горничной осторожно навестить у вашего швейцара справки насчетъ графа.

Я съ своей стороны тоже позволяю себѣ просить васъ, графиня, подѣлиться со мной

свѣдѣніями о графѣ, какъ только вы ихъ получите. Что касается меня, то вы можете быть совершенно покойны: какъ только я узнаю что-нибудь, я немедленно дамъ вамъ знать.

„Охотно принимаю ваше предложеніе, мадемуазель: первая изъ насъ, которая узнаетъ что-нибудь о графѣ, немедленно сообщ-

„Madame!

Спѣшу васъ успокоить: графъ отыскался. Пока мы волновались и Богъ знаетъ что передумывали, онъ обманывалъ насъ обѣихъ съ другой женщиной. Но Господь его наказалъ за это. Вотъ, въ двухъ словахъ, что произошло.

Въ пятницу вечеромъ, уйдя изъ дому, графъ отправился не въ клубъ, какъ сказали вамъ, а въ какой-то ресторанъ, гдѣ у него было условлено свиданіе съ нѣкимъ Жюлемъ Клеромъ, его пріятелемъ, который увезъ его... въ Бельвю! Да, въ Бельвю, графиня, въ окрестностяхъ Парижа! Тамъ, на опушкѣ лѣса, стоитъ вилла, далеко не изъ богатыхъ, а въ виллѣ живетъ какая-то испанка съ двумя дочерьми (по крайней мѣрѣ, она ихъ выдаетъ за своихъ дочерей). Эти дамы всегда охотно принимаютъ парижанъ, особенно, если они, подобно графу, богаты и имѣютъ имя. Не знаю, что тамъ дѣлалъ графъ, но я знаю, что съ нимъ вдругъ случился припадокъ. Въ домѣ поднялся переполохъ, пригласили врача; тотъ осмотрѣлъ

Примите, графиня, увѣреніе въ моемъ искреннемъ уваженіи

Забель С.“.

Графиня Арменжъ артисткѣ Сиври щить все другой. Я пока ничего еще не узнала.

Р. С. Благодарю васъ за вашъ выборъ у Фонтана: бабочка прелестна“.

Артистка Сиври графинѣ Арменжъ.

Понедѣльникъ.

Врачъ сказалъ, что ничего еще нельзя сдѣлать, надо подождать!

больного и сказали, что пока ничего еще нельзя сдѣлать, — надо подождать. Пріятель графа порядкомъ струсиль и не отходилъ отъ его постели. Вамъ, вы сами понимаете, онъ писать не рѣшался, а потому онъ, уже на третій день, написалъ мнѣ.

...Таковы, графиня, полученные мною свѣдѣнія. Я знаю, первымъ вашимъ движеніемъ будетъ броситься въ Бельвю, къ этимъ испанкамъ; но я возьму на себя смѣлость дать вамъ дружескій совѣтъ: не ѣздите туда! Предоставьте это мнѣ. Васъ

„Вы совершенно правы, мадемуазель. Благодарю васъ.

„Все идетъ прекрасно. Проведя нѣсколько часовъ въ своей комнатѣ, графъ, при помощи своего постоянного врача, скоро оправился. Онъ даже позавтракалъ съ нами. Ему немножко стыдно, но я щажу его и дѣлаю видъ, что ничего не знаю ни о Бельвю, ни объ испанкахъ.

Теперь, когда мы обѣ можемъ успокоиться за графа, позвольте мнѣ поблагодарить васъ, мадемуазель, за услугу, которую вы мнѣ оказали, обнаруживъ при этомъ столько такта и деликатности. Я и прежде знала (кто этого въ Парижѣ не знаетъ?), что вы милая женщина и прекрасная артистка; но я все-же пріятно поражена, что въ театральномъ мірѣ можно встрѣтить столько благородства и любезности. Я положительно въ долгу передъ вами за все, что вы для меня сдѣлали. Я далека отъ мысли уплатить этимъ долгъ, но буду очень

эта побѣдка только скомпрометируетъ, а я... я знаю этотъ міръ, умѣю говорить съ этими людьми и, повѣрьте, лучше васъ улажу дѣло. Притомъ, если я сама привезу графа въ городъ, вы можете сдѣлать видъ, что объ испанкахъ и понятія не имѣете: это будетъ лучше для васъ обоихъ.

Жду вашихъ инструкцій, графиня, и прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ глубокое уваженіи.

Забель С.“.

Графиня Арменжъ артисткѣ Сиври.

(Телеграмма)

Поступайте, какъ найдете нужнымъ. Благо-

Преданная вамъ Графиня Арменжъ“.

Графиня Арменжъ артисткѣ Сиври.

Вторникъ утромъ.

просить васъ принять отъ меня на память брилліантовую бабочку, которую мнѣ подарилъ на прошлой недѣлѣ мой мужъ. Вы сами выбрали ее, слѣдовательно, она вамъ нравится, и, я надѣюсь, вы не откажетесь носить вещь, которую носила я.

Сегодня, около трехъ часовъ, я съ вашего позволенія сама ее вамъ завезу и завтра предвкушаю удовольствіе видѣть васъ.

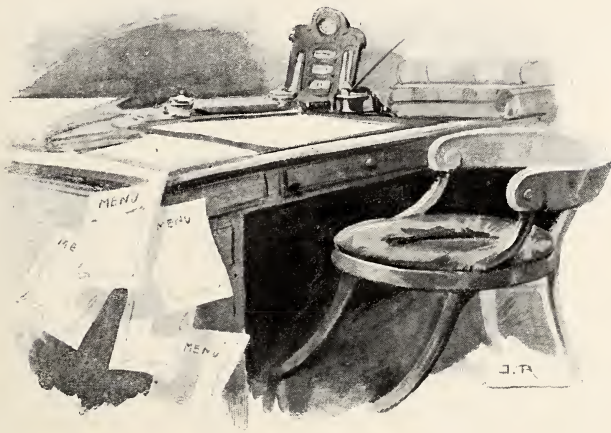
Преданная вамъ

Графиня Арменжъ“.

„P. S. Заодно я ужъ попрошу васъ дать мнѣ адресъ вашей портнихи: ваши платья изумительно шиты, и мы всѣ восторгаемся ими. До сихъ поръ намъ такъ и не удалось узнать, кто вамъ шьетъ. Надѣюсь, вы мнѣ откроете этотъ секретъ? Почему-бы намъ не имѣть общую портниху, разъ у насъ уже есть общій... Видите, я чуть не сказала безтактность...“

Господинъ Пуавръ.

Луи-Августъ Пуавръ былъ образцовымъ чиновникомъ, исполнительнымъ, аккуратнымъ, — словомъ, однимъ изъ тѣхъ, о которыхъ мечтаютъ директора всѣхъ департаментовъ міра. Онъ служилъ въ маленькомъ городкѣ Инграндѣ помощникомъ столоначальника второй канцеляріи департамента косвенныхъ налоговъ.

Пуавръ обладалъ всѣми необходимыми для чиновника достоинствами и недостатками. Онъ былъ точенъ, какъ машина, не блисталъ особеннымъ умомъ, отличался лѣтностью, имѣлъ великолѣпный почеркъ и совершенно неспособенъ былъ къ какой-либо инициативѣ. Онъ презиралъ своихъ сослуживцевъ—столоначальника Мурляна и писца Гранжако, но былъ пропитанъ безпредѣльнымъ почтеніемъ къ шефу канцеляріи, вице-директору Буво. Когда послѣдній входилъ въ канцелярію, Пуавръ испытывалъ чувство, подобное тому, какое испытываетъ нищенка при видѣ шикарнаго ладо какой-нибудь модной кокетки.

Ему исполнилось уже 30 лѣтъ, что не мѣшало ему имѣть видъ здороваго, красно-

щекаго малаго, когда на вице-директорскій постъ вмѣсто Буво назначили нѣкоего Вавена. Это былъ маленькій человѣчекъ съ поношенной физиономіей и скудной шевелюрой, страдавшій отдышкой, но тщательно молодившійся. Только глаза у него были очень подвижны, живые, умные, проникающіе собесѣднику въ душу. Работоспособностью онъ обладалъ изумительной; онъ самъ составлялъ массу бумагъ, копировалъ письма, отправлялъ циркуляры.

— О, этотъ далеко поидетъ! — говорили про него въ канцеляріи.

Г-нъ Вавень былъ женатъ. Часто, когда чиновники послѣ окончанія работы выходили во дворъ къ крану мыть руки, они видѣли новую вице-директоршу: сидя у окна, она читала книгу, которую тотчасъ же бросала, какъ только во дворѣ появлялись чиновники, и, стоя у рѣшетки окна, мечтательно смотрѣла во дворъ.

Она была еще молода; по ея блестящимъ, чернымъ какъ вороново крыло волосамъ, золотисто-темной кожѣ, янтарнаго цвѣта зрачкамъ и сверкающимъ бѣлизной

зубамъ, не трудно было угадать ея провансальское происхожденіе. Она упорно и пристально разсматривала иновниковъ, и это скорѣе наполняло ихъ страхомъ, чѣмъ возбуждало желанія. Пуавръ даже не рѣшался выходить во дворъ, прежде чѣмъ не пошлетъ на развѣдки писца Гранжако и не узнаетъ, что вице-директорши нѣтъ у окна. Въ общемъ, вся канцелярія единодушно рѣшила, что г-жа Вавенъ — шутка, отъ которой несчастному мужу приходится очень не легко.

Въ одинъ лѣтній день, около 2 часовъ, Пуавръ, придя по обыкновенію раньше другихъ въ канцелярію, пробоваль свое перо на листкѣ бумаги. „Пуавръ, Луи-Августъ любить баранину“, — писалъ онъ несчетное число разъ. Вдругъ, въ самый интересный моментъ, когда онъ особенно тщательно выводилъ эту фразу, дверь открылась, и на порогѣ появилась г-жа Вавенъ.

Она была въ голубомъ платьѣ и свѣтлой блузкѣ съ короткими рукавами; ея черные, блестящіе волосы были высоко зачесаны на затылкѣ. Отъ всей ея фигуры вѣяло лѣтнимъ зноемъ.

Захваченный врасплохъ, Пуавръ не успѣлъ спрятать предательскій листъ бумаги со своими автографами и, какъ пойманный школьникъ, протянулъ было руку за болѣе серьезными бумагами, но г-жа Вавенъ была уже около него.

— Простите, что я васъ беспокою! — съ улыбкой сказала она. — Я хочу васъ просить объ одной услугѣ. Скажите, у васъ хорошій почеркъ?

Пуавръ, вскочившій при ея появленіи съ мѣста, смущенно отступилъ на пару шаговъ и прошепталъ:

— Госпожа вице-директорша... я къ вашимъ услугамъ... все, что прикажете...

Г-жа Вавенъ безъ всякихъ церемоній усѣлась на оставленное Пуавромъ мѣсто. Облокотившись на столъ, она взглянула на лежавшій предъ нею предательскій листъ. Последняя проба пера — „Пуавръ, Луи-Августъ, любить баранину“, была особенно хороша. Вице-директорша добродушно разсмѣялась и, глядя Пуавру прямо въ глаза, спросила:

— Это вы писали? Это вы баранину любите?

Покраснѣвъ до корней волосъ, онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Однако, у васъ прекрасный почеркъ, — какъ разъ то, что мнѣ надо. Вотъ въ чемъ дѣло: послѣ-завтра у насъ званнй обѣдъ. У насъ будутъ все мѣстныя власти, меръ, супрефектъ, сослуживцы мужа. Надо приготовить меню. Я нашла въ одномъ писчебумажномъ магазинѣ хорошій картонъ, и я бы очень просила васъ написать нѣсколько меню кушаній и винъ, съ именами приглашенныхъ. Вотъ посмотрите. Да подойдите же ближе...

Онъ подошелъ ближе. Она показала ему четвероугольные, разрисованные до угламъ черными и синими, картоны, и стала объяснять, какъ, по ея мнѣнію, слѣдуетъ размѣщать на нихъ текстъ. Тутъ же она передала ему два листа, — одинъ со спискомъ приглашенныхъ, другой со спискомъ блюдъ и винъ. При этомъ она такъ близко наклонялась надъ нимъ, что онъ невольно вдыхалъ соблазнительный ароматъ ея горячаго тѣла и волосъ, смѣшанный съ тонкимъ запахомъ геліотропа. Каждый разъ, какъ смущенный Пуавръ пытался отодвинуться отъ нея немного, она нетерпѣливо говорила ему:

— Да подойдите же поближе!

Когда она объяснила все, что нужно было, въ канцелярію вошелъ столоначальникъ и внѣ себя отъ изумленія, поклонился вице-директоршѣ. Та поднялась и, обращаясь къ Пуавру, сказала:

— Итакъ, рѣшено, неправда-ли? [Смѣете вы это сдѣлать къ завтрашнему вечеру?

— Конечно... разумѣется... какъ прикажете, госпожа вице-директорша!

— Ну, и прекрасно! Завтра часовъ въ пять, вы сами принесете мнѣ вашу работу. Я васъ буду ждать...

И она вышла, бросивъ на бѣднаго Пуавра взглядъ, который въ состояніи былъ бы [воспламенить трупъ. Когда шумъ [ея шаговъ затихъ, Мурлянь спросилъ:

— Что ей надо было?

Пуавръ разсказалъ въ чемъ дѣло, со смѣшаннымъ чувствомъ гордости и опасенія, чтобы столоначальникъ не приревновалъ къ

нему. Онъ не совѣтъ ошибся: сжавъ губы, Мурлянь проворчалъ:

— Да, везетъ вамъ! Теперь вы попадете въ милость къ вице-директору. Вы изъ тѣхъ, которые строятъ свою карьеру па женщинахъ. . .

— — —

Пуавръ употребилъ 18 часовъ на изготовленіе 11 экземпляровъ меню. Работа заняла у него весь день и значительную часть ночи. За то не только Гранжако, но и сѣдлаемый завистью Мурлянь, вынуждены были признать, что на этотъ разъ Пуавръ превзошелъ самого себя.

— И въ литографіи такъ не сдѣлали бы, — восторженно воскликнулъ пшецъ.

Черезъ нѣсколько минутъ герой нашъ, блѣдный и взволнованный, со стѣсненнымъ дыханіемъ въ груди, шелъ за горничной въ апартаменты вице-директора. Пройдя переднюю, столовую и гостинную, онъ очутился въ маленькомъ, обитомъ кретономъ будуарѣ; здѣсь, полулежа на кушеткѣ въ кашемировомъ пенюарѣ, ждала его г-жа Вавень.

Она протянула ему руку. Не смѣя дотронуться своей рукой помощника столоначальника до руки жены своего шефа, онъ вмѣсто этого почтительно вложилъ въ протянутую ему руку пачку меню. Молодая женщина даже не развернула пачки, чтобы взглянуть на меню, и положила ее на стоявшій вблизи круглый столикъ. Она казалась возбужденной.

— Благодарю васъ! — начала она. — Садитесь!

Пуавръ, отыскавъ глазами самый маленький изъ стоявшихъ здѣсь мягкихъ табуретовъ, почтительно сѣлъ на почтительномъ разстояніи отъ кушетки.

— Да нѣтъ-же! — съ петирифініемъ въ голосѣ воскликнула она. — Вотъ здѣсь садитесь, около меня!

И она указала на низкій стулъ, возлѣ себя. Онъ повиновался. Сердце его перестало биться: бѣдняга чувствовалъ, что сейчасъ произойдетъ что-то важное.

Г-жа Вавень пристально оглядѣла его съ головы до ногъ. Въ глазахъ ея было что-то гипнотизирующее, грудь ея высоко вздыма-

лась, и она часто и тяжело дышала. Прошла еще минута, и лицо ея, возбужденное, съ измѣнившимися чертами, вдругъ близко придвинулось къ его лицу. Въ то же мнѣніе она обхватила руками его шею и, привлекая его къ себѣ, почти уложила рядомъ съ собой на кушетку. Онъ не сопротивлялся и только испуганно бормоталъ:

— Госпожа вице-директорша. . . госпожа вице-директорша. . .

Но она не обращала на это вниманія и, все сильнѣе привлекая его къ себѣ, страстно шептала:

— Молчи! Пусти меня. . . Тебѣ нечего бояться!

Тогда онъ отдался ея волѣ, какъ деревенская дѣвушка отдается во власть рѣшительнаго, сильнаго парня.

— — —

Пуавръ только смутно помнилъ, что съ нимъ было въ этотъ день. Само собою разумѣется, онъ вернулся въ канцелярію и, какъ онъ дѣлалъ это неизмѣнно изо дня въ день, составляя отношенія, записывалъ входящія и исходящія бумаги. Въ урочный часъ онъ ушелъ изъ канцеляріи, обѣдалъ съ сослуживцами въ ресторанѣ, сыгралъ двѣ-три партіи на билліардѣ и отправился спать. Но все это онъ продѣлывалъ машинально, по разъ навсегда заведенной привычкѣ, какъ автоматъ, одними только нервами и мускулами, безъ всякаго участія ума и воли.

Когда онъ всталъ на другое утро, послѣ мучительной безсонной ночи, первое, что ему пришло въ голову, была мысль о томъ, что онъ обманулъ своего начальника. Эта мысль не только не доставила ему ни радости, ни гордости, но, наоборотъ, повергла его въ ужасъ. Ему казалось, что онъ нарушилъ если не законъ природы, то во всякомъ случаѣ прочно установившійся социальный порядокъ—потрясъ устои общества. Онъ чувствовалъ себя какъ солдатъ, въ пьяномъ видѣ ударившій своего офицера и съ ужасомъ просыпающійся на другое утро на гауптвахтѣ, съ кандалами на ногахъ. Онъ, Пуавръ, могъ совершить такой поступокъ! Нѣтъ, это не можетъ остаться безнаказаннымъ!

Около пяти часовъ, когда онъ хотѣлъ уже уходить изъ канцеляріи, горничная вице-директора остановила его въ корридорѣ.

— Не угодно-ли вамъ будетъ послѣдовать за мной?

Пуавръ долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобы не упасть отъ пережитаго въ этотъ моментъ волненія. Его зовутъ! Но кто? Вице-директоръ или жена его? Разспрашивать горничную онъ не посмѣлъ и покорно пошелъ за нею. Когда онъ подходилъ къ знакомому ему уже будуару, ноги его совсѣмъ обмякли, и колѣни подкашивались.

Г-жа Вавень уже ждала его. Поднявшись ему навстрѣчу, она, даже не дождавшись, чтобы за горничной закрылась дверь, повисла у него на шеѣ.

— Крошка моя! — шептала она, пожимая его глазами. — Какъ я люблю тебя! Еслибъ ты зналъ, какой вѣчностью показался мнѣ этотъ день... Ну, идемъ-же, идемъ! Скорѣе!...

Она привлекла его на кушетку.

— Госпожа вице-директорша... госпожа вице-директорша! — забормоталъ онъ снова, но она закрыла ему ротъ бѣшенными поцѣлуями...

На другой день было воскресенье. Пуавръ не выходилъ изъ дому и даже въ ресторанъ не пошелъ, а велѣлъ принести обѣдъ на домъ. Охваченный страхомъ, боясь, что г-жа Вавень вотъ-вотъ нагрянетъ къ нему и сюда, онъ даже дверь свою забаррикадировалъ.

Весь день ушелъ у него на составленіе и переписываніе прошенія на имя директора департамента косвенныхъ налоговъ. Оно было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Смѣю честь имѣю почтительнѣйше просить о перемѣнѣ мѣста моей службы, въ виду того, что климатъ Ингранда, по заявленію врачей, крайне вреденъ для моего здоровья. Я охотно переѣду во всякое другое мѣсто, которое вамъ благоугодно бу-

детъ мнѣ назначить, лишь бы оно находилось не въ этомъ округѣ.

Съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ
Вашего Превосходительства преданный
слуга

Пуавръ (Луи-Августъ)“.

Всю ночь думалъ несчастный Пуавръ и ничего лучшаго не придумалъ для спасенія отъ преслѣдованій ужасной вице-директорши. Да и что могъ онъ придумать?

Прибавивъ нѣсколько словъ на имя вице-директора, г. Вавена, съ просьбой препроводить прошеніе по назначенію, онъ запечаталъ бумагу и переслалъ ее со своей старой служанкой начальнику. Когда та, исполнивъ порученіе, вернулась, Пуавръ почувствовалъ значительное облегченіе.

Спустились сумерки, и настала часъ ужина. Герой нашъ почувствовалъ такую смѣлость, что пошелъ въ ресторанъ. Съ аппетитомъ поужинавъ и удачно сыгравъ нѣсколько партій на билліардѣ, онъ пропустилъ рюмочку и отправился домой. Принятое рѣшеніе значительно подняло его самочувствіе, и онъ даже нагбввалъ что-то по дорогѣ.

— Впрочемъ, на другое утро, когда онъ пришелъ въ канцелярію, на него напала грусть: ему жаль было бросать это мѣсто, съ которымъ онъ такъ сжился; притомъ, неизвѣстно, каково-то еще будетъ на новомъ мѣстѣ; но онъ все же не жалѣлъ о принятомъ рѣшеніи. — Иначе нельзя было! — говорилъ онъ себѣ, съ ужасомъ вспоминая маленькій будуаръ г-жи Вавень.

Около десяти часовъ въ канцелярію вошелъ столоначальникъ и, съ кривой усмѣшкой обратился къ Пуавру:

— Васъ требуетъ вице-директоръ!

Герой нашъ, собравъ все свое мужество, перемѣнилъ рабочую блузу на висвѣшій въ передней пиджакъ и отправился въ квартиру начальника. Последній сидѣлъ у стола, держа въ рукахъ прошеніе Пуавра.

— Итакъ, вы желаете перемѣнить мѣсто службы, г. Пуавръ? — безъ дальнихъ околнчностей спросилъ онъ.

— Если позволите, г. вице-директоръ! — пролепеталъ тотъ.

— Такъ, такъ... Вы ссылаетесь на

свое разстроенное здоровье... Гм... вы понимаете, что я не могу относиться къ этому серьезно: стоитъ взглянуть на васъ, чтобы убѣдиться, что... Господи, да вы такой здоровякъ! Но у васъ, повидимому, есть другія соображенія, которыя застав-

Вы ей нужны... что-бы переписывать меню!..

любятъ васъ добиваться перевода. Быть можетъ, на васъ тутъ взваливаютъ слишкомъ много работы?..

— О, нѣтъ, г. вице-директоръ!

— Въ такомъ случаѣ, у васъ, быть можетъ, нелады съ сослуживцами?

— О, нѣтъ, г. вице-директоръ! Наоборотъ, я съ ними въ очень хорошихъ отношеніяхъ, и мнѣ даже жаль будетъ съ ними разстаться...

— Ужъ не надѣлали-ли вы тутъ долговъ?

— Я никому не долженъ тутъ ни одного сантима, г. вице-директоръ!

— А! я, кажется, догадываюсь: тутъ замѣшана женщина!

При словѣ „женщина“ Пуавръ слегка поблѣднѣлъ, но все же сдѣлалъ протестующій жестъ.

— Но если такъ, если у васъ нѣтъ ни одной серьезной причины, — потому что, согласитесь, вопросъ о здоровьи совершенно отпадаетъ — я отказываюсь передать ваше прошеніе г. директору департамента!

И г. Вавень, скомкавъ бумагу, бросилъ ее въ сорную корзину. Пуавръ сдѣлалъ было попытку возразить еще что-то:

— Но, г. вице-директоръ...

— Никакихъ „но“! Я не хочу содѣйствовать вамъ въ совершеннѣй глупости, о которой сами же потомъ будете жалѣть. Оставайтесь-ка лучше въ Инграндъ! Я доволенъ вами... Притомъ, и г-жа Вавень, которая, кстати, была очень удивлена, узнавъ о вашемъ желаніи получить переводъ, — госпожа Вавень, говорю я, тоже хочетъ, чтобы вы здѣсь остались...

Пуавру вдругъ показалось, что онъ ослушался.

— Вы изволили сказать, что г-жа вице-директорша изволила выразить желаніе...

— Ну да! Она рѣшительно воспротивилась вашему переводу!

И взглянувъ Пуавру прямо въ глаза, вице-директоръ съ кривой усмѣшкой прибавилъ:

— Вы ей нужны... для того, чтобы переписывать меню!..

Сжальтесь!

Г-жа Дюфрансь

Г-ну Жаку де Лалобъ.

„Боже мой! Если бы вы знали, как мнѣ трудно писать вамъ, Жакъ! Сколько разъ я начинала письмо и рвала написанное!.. Но раньше или позже падо было рѣшиться. Предупреждаю васъ, что я дѣлаю массу грубыхъ орфографическихъ ошибокъ, — и я очень боюсь, что вы будете смѣяться падо мной. Я вообще боюсь васъ, Жакъ! Когда вы смотрите на меня своими большими глазами (какъ они хороши!) я совершенно теряюсь, не знаю, что говорю, ни о чемъ не въ состояннн думать. Я такъ счастлива, когда бываю съ вами, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хочется бѣжать отъ васъ, спрятаться гдѣ-нибудь въ темномъ углу, чтобы вы меня больше не видѣли... Ради Бога, не смѣйтесь, когда будете читать это письмо! Да, Жакъ, я много думала о нашихъ отношенняхъ. Встрѣча съ вами въ Калэ была для моего бѣднаго Людвига, да и для меня, большимъ несчастьемъ. Тамъ, кромѣ него, у васъ никого знакомыхъ не было; а онъ добрый малый и очень васъ любитъ; естественно, что вы сдружились. На службѣ, въ полку, разница въ положеннн и состояннн мало чувствуется; когда же по окончаннн сн всякнй возвращается къ себѣ, эта разница рѣзко выступаетъ наружу. О, я видѣла, какъ вы были озадачены при видѣ нашей скромной обстановки, когда вы въ первый разъ пришли къ намъ на обѣдъ. А вѣдь мы въ теченнн цѣлой недѣли не переставали говорить и думать о томъ, какъ бы этотъ обѣдъ устроить получше. Увы! ни квартиры, ни обстановки мы перемѣнить не могли: вы вѣдь знаете, что Людвигъ получаетъ только четыре тысячи.

Какъ я страдала въ этотъ вечеръ! Мнѣ казалось, что вы потомъ смѣялись падо нашимъ обѣдомъ и обстановкой, надъ нашей прислугой и надъ нами самими...

Людвигъ тоже этого боялся, но мы ничего другъ другу не сказали. — Ему навѣрное было скучно съ нами, къ такимъ маленькими, незамѣтными людьми, тѣмъ болѣе, что онъ привыкъ къ пышному обществу: онъ навѣрное больше не придетъ! — печально думали мы каждый про себя.

Но вы, противъ ожиданнн, стали бывать у насъ очень часто. Конечно, мы были вамъ очень рады, въ особенности Людвигъ. Я вначалѣ слишкомъ терялась при вашемъ появленнн и чувствовала себя стѣпенной... Но впоследствии, когда я къ вамъ немногo привыкла, ваши визиты радовали главнымъ образомъ меня. Я не могла понять, какъ вы, который вращается въ высшемъ обществѣ, встрѣчается съ образованными, хорошо воспитанными женщинами, — какъ вы можете часами просиживать со мной, такой неинтересной и мало-воспитанной.

Разъ какъ-то вы, взявъ мою руку, начали говорить, что я очень хороша, что вы только обо мнѣ и думаете, что вы, наконецъ, любите меня. Мнѣ это показалось волшебнымъ сномъ, отъ котораго я никогда не хотѣла бы проснуться. Вы съ такимъ теплымъ чувствомъ говорили о своемъ глубокомъ увлеченнн ко мнѣ! Вы клялись, что ни за что не допустите моего паденнн, такъ какъ слишкомъ уважаете и любите Людвига, чтобы посягнуть на его счастье. Вы только просили меня объ одномъ, — чтобы я позволила вамъ любить себя... Боже мой, какъ я могла вамъ отказать въ этомъ? Мнѣ казалось, что вполнѣ возможно любить другъ друга, не заходя дальше простыхъ, дружескихъ отношеннй. Какъ я была наивна?

Незамѣтно, безъ борьбы съ собой, я начала позволять вамъ такнй вещи, которыхъ раньше ни за что бы не позволила... О,

какъ вы хорошо знаете женщинъ, Жакъ! Когда я съ вами, я совершенно перестаю владѣть собой, я превращаюсь въ слабое существо, совершенно лишенное воли; но стоить вамъ уйти, какъ меня начинаетъ мучить совѣсть, и я не знаю, куда бѣжать отъ этихъ мукъ. Мнѣ кажется, что я ужъ не имѣю права называться честной женщиной, — послѣ того, какъ я вамъ позволила такъ много... Правда, я еще не дошла до паденія, до прямой позвѣстки мужу, но... Умоляю васъ, сжалитесь надо мной, не лишайте меня послѣдней тѣни самоуваженія! Лучше всего будетъ, если вы совсѣмъ перестанете бывать у насъ. Я васъ слишкомъ сильно люблю и не въ силахъ

устоять передъ вами. Я знаю, что если вы еще разъ придете, я отдамся вамъ... А это было бы ужасно! Вѣдь Людвигъ такъ любитъ меня; да и васъ тоже. Пощадите меня и его. Да и что я для васъ? Мимолетное желаніе, прихоть, отъ которой вамъ не такъ ужъ трудно и отказаться. Межъ тѣмъ, для Людвигъ я — все. Еслибъ даже онъ никогда не узналъ объ этомъ, я бы умерла отъ стыда, что обманула его; а еслибъ онъ догадался, то онъ, я увѣрена, умеръ бы отъ горя, и убійцами его были бы мы оба!

Будемъ говорить откровенно, Жакъ: теперь вы меня любите, я знаю; но у васъ это скоро пройдетъ, я вамъ надоѣмъ, и вы

Пощадите меня и его!..

меня оставите, взявъ отъ меня все, что я смогу вамъ дать. Вы встрѣчаетесь съ дамами высшаго общества, такими образованными и интересными, учившимися многому такому, о чемъ я даже понятія не имѣю. Гдѣ же мнѣ, простушкѣ, умѣющей только горячо любить, соперничать съ ними?

Знаете, о чемъ я думаю въ мои безсонныя ночи? Жакъ, въ сущности, не любитъ меня; его раздражаетъ то, что онъ съ моей стороны встрѣчаетъ большее сопротивленіе, чѣмъ со стороны другихъ, и это увеличиваетъ въ немъ желаніе овладѣть мною... Это-то сознаніе и даетъ мнѣ силу сопротивляться вамъ и писать вамъ это письмо. Но если это такъ, если въ васъ

говорить лишь мужское самолюбіе, вы можете считать себя удовлетвореннымъ: вѣдь я уже почти принадлежала вамъ. Теперь я въ вашихъ рукахъ и я умоляю васъ: сжалитесь надо мной! Пощадите меня, пощадите насъ обоихъ! Вы всегда будете счастливы и любимы. Не отнимайте же у насъ нашего скромнаго, маленькаго счастья. Подумайте о томъ, какъ жестоко было бы разрушить его, и вы навѣрное сдѣлаете то, о чемъ я такъ васъ прошу! Я увѣрена, что вы пощадите насъ: вѣдь вы такой добрый, хорошій... Одною только я боюсь... не смѣйтесь... Я боюсь, что, можетъ быть, вы меня все-таки чуточку любите и что вы будете страдать, не видя меня...

Тогда... Мнѣ очень больно при мысли, что я причиняю вамъ страданіе, но вы должны меня простить, такъ какъ я и сама сильно страдаю... Пусть у васъ сохранится вѣжное воспоминаніе о скромной, незамѣтной женщинѣ, которая васъ такъ лю-

битъ и которой такъ хотѣлось бы извѣдать съ вами высшее счастье любви. Я же васъ никогда-никогда не забуду и буду о васъ помнить даже и тогда, когда самое имя мое соотрется изъ вашей памяти...

Утренняя почта.

Одиннадцать часовъ утра. Богатый особнякъ на улицѣ Рембрантъ. Г-жа д'Артенэ, полная блондинка 30 лѣтъ, сидя за своимъ кокетливымъ письменнымъ столомъ, пишетъ письмо на изящномъ, голубомъ листкѣ почтовой бумаги.

... „Не сердитесь на меня, но я должна вамъ сказать, что эта прогулка наполнила мое сердце грустью. Поймите меня, другъ мой. Радость, которую я испытала, гуляя объ руку съ вами по аллеямъ далекаго парка, гдѣ никто изъ знакомыхъ не могъ насъ встрѣтить, ваши полныя любви, чарующія слова — о, вы умѣете играть на струнахъ женскаго сердца! — все это усыпило мою совѣсть, и я забыла обязанности супруги и матери: съ непростительной опрометчивостью я обронила нѣсколько словъ, которыя вы могли принять за обѣщаніе. И я умоляю васъ — забудьте эти слова, пощадите меня! Если вы меня дѣйствительно любите, какъ увѣряете, вы не станете злоупотреблять моимъ минутнымъ опьяненіемъ. Вы пожалѣли бы меня, еслибъ взглянули сегодня на мое лицо: съ тѣхъ поръ какъ я, послѣ нашей прогулки по парку Монсури, вернулась домой, мнѣ все напоминаетъ о моемъ долгѣ, и я терзаюсь угрызениями совѣсти. Дома меня ждалъ мой мужъ, который такъ добръ и благороденъ, и котораго я никогда-никогда не обману. Онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ въ июнѣ нанять для меня виллу въ Нормандіи, чтобы я, согласно предписанію врача, могла провести тамъ съ дѣтми лѣто; самъ онъ, мой бѣдный труженникъ, останется одинокимъ въ этомъ душномъ Парижѣ, и будетъ работать какъ волъ. Потомъ вернулся изъ школы мой Ренэ и съ гордостью показалъ мнѣ похвальный отзывъ учителя; при этомъ онъ

нѣжно поцѣловалъ меня... увы, въ то самое мѣсто, въ которое, почти насильно, поцѣловали меня и вы... Скоро въ комнату вошла и гувернантка съ моей дочуркой Валентиной, такой блѣдненькой и такъ мило щебечущей то по французски, то по англійски. Ахъ, другъ мой, что я пережила въ эти минуты! Мнѣ было такъ стыдно, такъ мучительно стыдно! Я побѣжала въ свою комнату и, со слезами на глазахъ, наскоро набросала вамъ записку.

„Мы больше не должны видѣться, Максимъ! — писала я въ ней. Я чувствую, что слишкомъ сильно люблю васъ, чтобы быть въ силахъ оставаться честной женой и матерью, если наши встрѣчи будутъ продолжаться. Прощайте, и не презирайте меня. Мнѣ это было бы очень больно. Я все равно не могу вамъ дать счастья, и вы должны мнѣ быть благодарны за то, что я сама отдаляюсь отъ васъ...“

Вотъ что написала я вамъ, Максимъ. Написавъ эти строки, я потомъ весь вечеръ чувствовала большое облегченіе; но когда я перечла сегодня утромъ эту записку, я увидѣла, что слишкомъ люблю васъ, чтобы доставить вамъ такое горе. И я разорвала ее; я рѣшилась отдать свою судьбу въ ваши руки: вѣдь вы такой джентльмэнъ, такой рыцарь! Я вѣрю, что вы окажетесь сильнѣе меня. Я требую отъ васъ того благородія, на которое у меня самой не хватаетъ силъ. Мы оба должны принести великую жертву и поклясться, что мы будемъ принадлежать другъ другу только духовно, такъ какъ иначе принадлежать одинъ другому мы не вправе.

„Умоляю васъ, отвѣчайте немедленно: мнѣ такъ нужны ваши письма! Но ради Бога, не говорите мнѣ того, чего я не должна слушать!...“

Въ такомъ-же духѣ письмо тянется на протяжении 6 страницъ. Окончивъ его и подписавъ своимъ уменьшительнымъ именемъ „Габъ“, она перечитываетъ, кладетъ въ конвертъ и надписываетъ адресъ: „Максиму Ренуару, атташе при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, улица Монталиве, № 8, здѣсь.“ Потомъ, подумавъ съ минуту, она беретъ другой листокъ бумаги и быстро пишетъ на немъ слѣдующія строки:

„Я получила Вашу записку — и по достоинству оцѣнила Вашъ поступокъ. Вы не страдаете избыткомъ деликатности. Какъ! Вы пишете мнѣ на домъ — и такія вещи! Вѣдь записка могла попасть и въ другія руки... Притомъ, этотъ тонъ! Знаете, еслибы я уже не излѣчилась отъ глупой слабости, которая меня приковывала къ вамъ цѣлыхъ три года, этого вашего поступка было бы вполне достаточно, чтобы радикально вылѣчить меня. Но не будемъ говорить о прошломъ!

„Вы соглашаетесь вернуть мнѣ мои письма на единственномъ условіи, что мы будемъ видѣться, время отъ времени.“ Это „время отъ времени“ — восхитительно! Чувствуется, что вы въ общемъ вполне можете обойтись безъ меня, но если у васъ выпадетъ свободный часокъ, вы согласны удостоить меня своей благосклонностью. Благодарю васъ, вы очень добры! Но я не хочу быть дополненіемъ, бесплатнымъ приложеніемъ. Я предпочитаю совѣмъ не видѣться, чѣмъ видѣться „время отъ времени“. Лучше всего, поэтому, намъ тотчасъ же порвать окончательно, по возможности безъ шума, сценъ и упрековъ. У васъ, правда, хранятся мои письма, но я совѣтывала бы вамъ не забывать, что у меня есть тоже кое-какіе документики, касающіеся вашихъ финансовыхъ дѣлишекъ. Вы, надѣюсь, вспомните объ этомъ. Представьте же себѣ, какое впечатлѣніе произвели бы эти документы на вашихъ избирателей, еслибы я въ одинъ прекрасный день вздумала опубликовать ихъ!

„Такъ-то, дорогой другъ! Око за око, зубъ за зубъ.“

„Если вы мнѣ возвратите мои письма, я верну вамъ ваши документы, и мы будемъ квиты. Только послѣ этого мы сумѣемъ встрѣчаться въ обществѣ, какъ добрые друзья.“

„Во всякомъ случаѣ, намъ теперь не къ чему встрѣчаться — развѣ только по одному дѣлу, о которомъ я сейчасъ скажу. Въ этомъ году я рано поѣду на берегъ моря: мужъ, подъ предлогомъ нездоровья Валентины, гонитъ меня изъ Парижа, чтобы развратничать тутъ безъ помѣхи съ кокотками. И я очень прошу васъ до моего отъѣзда къ намъ не являться. Когда я вернусь изъ Нормандіи, пройдетъ уже цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ со дня нашего послѣдняго свиданія, — срокъ вполне достаточный, чтобы наши чувства отошли въ область преданій.“

„Теперь два слова о дѣлѣ, которое необходимо уладить, чтобы окончательно ликвидировать наши отношенія. Я получила счетъ за полгода отъ своего портного Дусе. Вы всегда выражали желаніе оплачивать мои туалеты, такъ какъ они доставляютъ вамъ удовольствіе. Слѣдовательно... Словомъ, вы меня понимаете! Мнѣ будетъ очень пріятно думать, что нашъ разрывъ былъ ознаменованъ актомъ дружескаго великодушія съ вашей стороны. Чтобы доказать вамъ свою благосклонность и лояльность, я отправлюсь въ нашу, три года служившую намъ, интимную квартиру, чтобы дать вамъ возможность уплатить по упомянутому счету. Но... это будетъ въ послѣдній разъ!

Дружески преданная вамъ

Габріэль.“

Г-жа д'Артенэ кладетъ письмо въ конвертъ, запечатываетъ его и надписываетъ адресъ: „Депутату барону Зильбербергу, улицу Антэнъ, № 9, здѣсь.“ Потомъ она звонитъ горничную, чтобы передать ей для отправки оба письма.

Доброе сердце.

Утренние лучи сентябрьскаго солнца ярко освѣщаютъ небольшую, изящно-отдѣланную квартиру, помѣщающуюся въ первомъ этажѣ красиваго дома на улицѣ Рембрандтъ, недалеко отъ парка Монсо.

Передъ маленькимъ письменнымъ столомъ сидитъ въ нижнемъ бѣлѣ г-нъ Ламберъ-Денуае и читаетъ письмо.

На кровати потягивается мадемуазель Нина-Нинонъ, которая только что проснулась.

Нинонъ 25 лѣтъ; г-нъ Ламберъ почти вдвое старше ея, но благодаря косметикѣ выглядитъ значительно моложе своихъ лѣтъ.

М-ше Нинонъ соскакиваетъ съ постели, выходитъ въ другую комнату и черезъ нѣсколько минутъ возвращается въ великолѣпномъ кружевномъ магинэ. Она подходитъ къ г-ну Ламберу и подставляетъ свое свѣжее личико для поцѣлуя.

Завязывается разговоръ.

Нинонъ. Что это за записка фіолетоваго цвѣта? Отъ женщины, конечно?

Ламберъ. Конечно! (продолжаетъ читать).

Нинонъ (скрестивъ руки, принимаетъ позу, долженствующую выражать ревность и презрѣніе) И у тебя хватаетъ наглости тутъ же при мнѣ, въ моемъ домѣ, читать эти письма? Дай его сюда?

Ламберъ. А тебѣ оно очень нужно?

Нинонъ. Давай сюда письмо, говорятъ тебѣ!

Г. Ламберъ. Но послушай, вѣдь я не вмѣшиваюсь въ твою переписку?

Нинонъ. Вотъ сравнилъ, Я, вѣдь, не получаю писемъ отъ женщинъ. (Повелительно). Ну, скорѣй!

Ламберъ. (Отдавая ей письмо.) Возьми, если ужъ тебѣ такъ хочется...

Ну и негодяи-же, эти мужчины!

(Смотритъ иронически на Нинонъ, которая вполголоса читаетъ).

Нинонъ. (Прерывая время отъ времени

чтеніе размышленіемъ вслухъ). „Мой дорогой“ (Ого!) мой дорогой... Я много думала о тебѣ въ эти дни. Мнѣ отъ души жаль, что ты вынужденъ оставаться въ Парижѣ. (Что-жъ, если тебѣ скучно тутъ, ты можешь уѣхать, я тебя силой удерживать не стану) вынужденъ оставаться въ Парижѣ... Здѣсь установилась великолѣпная погода... (Гдѣ это „здѣсь“? А! — Гульгать, вила фіалокъ!) Мы ежедневно совершаемъ прогулки. Но все же я безъ тебя очень скучала бы, еслибъ со мной не были наши дѣтки... (Какія дѣтки? Ахъ, какъ я глупа!.. Да это отъ жены!) Лизетъ на дняхъ немножко нездоровилось, по всей вѣроятности оттого, что она черезчуръ долго возилась въ песокъ: что бы она ни дѣлала, она все дѣлаетъ съ большой горячностью (совѣмъ не похожа на своего отца!) Что касается Максима, то онъ совѣмъ молодечъ: вѣчно дерется съ уличными ребятами и почти всегда выходитъ побѣдителемъ. Но надо было бы тебѣ видѣть, во что превратился его костюмъ.“ (Нинонъ продолжаетъ чтеніе очень серьезно, не прерывая)... „Почти всѣ наши друзья разъѣхались; остались только Буэ, обществомъ которыхъ я такъ дорожу. Чтобъ занять нѣсколько часовъ, въ которые я свободна отъ дѣтей, я начала заниматься съ фрейленъ по-нѣмецки. Еслибъ ты почаще писалъ, мнѣ легче было бы коротать эти долгие лѣтніе дни. Я тебя не упрекаю, мой милый, по, право, я не могу не волноваться, когда отъ тебя долго нѣтъ писемъ. Старайся урвать хоть нѣсколько минутъ, чтобы черкнуть мнѣ пару словъ; только пару словъ, что ты здоровъ и любишь меня. Я же буду писать тебѣ сжедневно. Досадно, что письма мои теперь, благодаря однообразію моей здѣшней жизни, такъ блѣдны и безсодержательны.

До скорого свиданія, мой милый? Не правда-ли? Дѣтки крѣпко цѣлуютъ тебя.

Горячо любящая тебя Марія“.

(Прочитавъ письмо, Нинонъ нѣкоторое время молчитъ).

Нинонъ. Сколько лѣтъ твоей женѣ? Ламберъ. 31 годъ.

Нинонъ. А давно ты женатъ на ней?

Ламберъ. Восемь лѣтъ.

(Молчаніе).

Нинонъ. Красивая она? (Ламберъ дѣлаетъ неопредѣленный жестъ). Зачѣмъ же ты женился? Изъ за денегъ? (Молчаніе). Ну, и негодяи же вы, мужчины!.. Какое милое письмо... (Молчаніе). Почему же ты обманываешь ее?

Ламберъ. (Смѣясь). Посмотри-ка на себя въ зеркало.

Нинонъ. Нельзя-ли безъ пошлыхъ комплиментовъ?.. Если я хорошенькая блондинка и недурно пою, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что я ничего не понимаю. Напротивъ, я очень много думаю и много понимаю. Еслибы я захотѣла, я бы написала хорошій романъ, въ которомъ такъ раздѣлала бы вашего брата... (Ламберъ старается скрыть улыбку). Не понимаю, что тутъ смѣшного? Еще какъ написала бы!..

Ламберъ. Да я и не думаю сомнѣваться въ этомъ... Но какія собственныя цѣли ты бы при этомъ преслѣдовала?

Нинонъ. Да я бы, я бы... О, я бы вывела все на свѣжую воду, пакостники вы такіе! Взять хоть бы такого, какъ ты: жена твоя на дватцать лѣтъ моложе тебя, она тебя обожаетъ, пишетъ тебѣ такія любящія письма; у тебя двое дѣтей, — а ты забываешь все и вся, чтобы предаваться въ Парижѣ разгулу. (Воодушевляясь). Какъ это мерзко! Еслибы жена твоя была здѣсь, я бы ей сказала: „Мадамъ, вашъ мужъ негодяй!“ Да, да, непременно сказала бы!

(Послѣ этой тирады Нинонъ бросается въ кресло и съ минуту молчитъ, выдавая свое волненіе только тѣмъ, что нервно тербитъ коверъ носкомъ своей изящной туфельки. Ламберъ спокойно смотритъ на нее и иронически улыбается).

Нинонъ. Что же ты молчишь, какъ испуганъ? Не удоставишь меня отвѣтомъ? Какъ это благородно!

Ламберъ. Но, ты, милая, совершенно права, и мнѣ рѣшительно нечего возразить тебѣ.

Нинонъ. А!.. такъ ты со мной согласенъ?..

Ламберъ. Все, что ты сейчасъ сказала, настолько вѣрно, что съ этимъ нельзя не согласиться. Теперь только я понялъ, что я долженъ дѣлать.

Нинонъ. Въ самомъ дѣлѣ?... Я очень рада!..

Ламберъ. Первымъ же поѣздомъ я ѣду въ Гульгатъ къ моей семьѣ. Не легко мнѣ, конечно, будетъ разстаться съ тобой, но...

Нинонъ. (Вскакивая). Какъ, разстаться со мной! Да ты съума сошелъ!

Ламберъ. Но какъ же иначе? Ты упрекаешь меня въ томъ, что я обманываю свою семью. Вотъ я и поѣду къ нимъ и перестану ихъ обманывать; ты совершенно права...

Нинонъ. Иначе говоря, теперь ты хочешь меня бросить, какъ раньше бросилъ жену? Хорошо, — нечего сказать! Но ты не имѣешь права меня бросать, — это было бы низко и подло съ твоей стороны! Ты знаешь, кого я для тебя оставила!.. О, теперь мнѣ придется пожалѣть объ этомъ!..

(Слезы, нервные жесты, предвѣщающіе припадокъ. Ламберъ по прежнему невозмутимо спокоенъ).

Ламберъ. Послушай, милая, у меня никакого желанія нѣтъ покидать тебя. Это ты меня прогоняешь во имя... морали, что-ли... Но если ты теперь измѣнила свое мнѣніе...

Нинонъ. Ничего я не измѣнила. Я говорю только, что если у тебя жена и дѣти, ты долженъ жить съ ними. Но разъ ты уже измѣняешь ей, то лучше, чтобы ты это дѣлалъ со мной, а не съ какой-нибудь другой женщиной... Это не столько въ моихъ интересахъ, сколько въ интересахъ твоей жены: пока ты со мной, она можетъ быть покойна; но вѣдь ты способенъ увлечься такой дрянью...

Ламберъ. О, еслибъ она знала, чѣмъ она обязана тебѣ, она навѣрное была бы тебѣ очень признательна!

Нинонъ. Быть можетъ, больше, чѣмъ ты полагаешь. Твоя жена такая милая женщина и она мнѣ очень правится... Въ особенности, когда я представляю себѣ, какъ она изучаетъ нѣмецкій языкъ и ухаживаетъ за своими малютками гдѣ-то на берегу Нормандіи въ то время, какъ ея муженекъ увивается въ Парижѣ за актрисами... Нѣтъ, ты непременно долженъ быть съ нею вѣжливѣ... Я требую этого

(Ламберъ дѣлаетъ недоумѣвающей жестъ). Нечего ломаться! Въ Гульгатъ, конечно, ѣздить сейчасъ не для чего. Ты можешь пока ограничиться отвѣтомъ на это письмо. Да, да, ты сейчасъ же напишешь!

Ламберъ. Не понимаю, при чемъ ты тутъ?

Нинонъ. Я этого хочу, я требую, ты понимаешь? Вотъ перо, бумага и чернила — садись и пиши.

Ламберъ. Въ такомъ случаѣ, ужъ не продиктуешь-ли мнѣ ты его?

Нинонъ. Можешь смѣяться, сколько хочешь, а я дѣйствительно намѣрена сдѣлать это. Развѣ ты, съ твоимъ черствымъ сердцемъ, способенъ написать письмо, какого заслуживаетъ такая женщина, какъ твоя жена? Ну, пачитай!

Ламберъ. Ты серьезно? Что-жъ, я готовъ!

Нинонъ. (диктуешь), „Дорогая, ненаглядная моя“... Чего-жъ ты не пишешь?

Ламберъ. Никогда въ жизни я жену свою такъ не пазывалъ.

Нинонъ. Тѣмъ лучше, — это ее порадуетъ. Написалъ? — „Я получилъ твое драгоценное письмо. Какое счастье для женщины имѣть дѣтей, — а ты ихъ такъ любишь!

Ламберъ. Но послушай, я не понимаю, — къ чему это? Если ты думаешь, что это такъ умно...

Нинонъ. Пиши, говорятъ тебѣ! Не безпокойся, я умѣю составить хорошее письмо! Я и не такія письма писала. Писала посланникамъ, даже королю... Пиши-же: „Я вынужденъ остаться въ Парижѣ по крайне важному дѣлу. Не вздумай только ревновать меня, милая: ты вѣдь знаешь, какъ я люблю тебя!“... — Такъ лучше будетъ, — это ее успокоитъ. „Ты очень хорошо дѣлаешь, что изучаешь нѣмецкій. Это очень полезный языкъ; на немъ говорятъ въ Баденъ-Баденѣ и въ Мюнхенѣ“... — Я была тамъ, и меня странно раздражало, что я ничего не понимаю. (Послѣ нѣкотораго раздумья) Что бы еще такое ей можно было написать? Впрочемъ, то, что ты уже написалъ, очень хорошо, и этого совершенно достаточно. Прибавь ей на прощанье нѣсколько теплыхъ словъ. Постой. Какіе у нея волосы?

Ламберъ. Кажется, темные.

Нинонъ. Темные? Прекрасно! Прибавь: „До свиданія, моя милая смугляночка! Будь здорова, не забывай меня и не измѣняй мнѣ! Безъ счета цѣлую тебя“.

Ламберъ. О, господи!

Нинонъ. Къ чему эти глупые вздохи? Такъ всегда заканчиваютъ письмо къ любимой женщинѣ. Могу тебѣ показать сотни писемъ, адресованныхъ мнѣ. Ахъ да, я совсѣмъ забыла про малютокъ! Пиши: „Скажи дѣткамъ, что я ихъ крѣпко люблю и что я купилъ имъ на... на — двѣсти франковъ игрушекъ“. Теперь подпиши... Вотъ такъ! А вотъ конвертъ... напиши

адресъ. Написаль? Прекрасно!.. Пстой, милый, что это ты хочешь сдѣлать?

Ламберъ. (смущенно) Ничего... я хочу положить письмо въ портфель, чтобъ потомъ отправить.

Нинонъ. Ну нѣтъ! Ты еще, пожалуй, забудешь о немъ (звонить горничной). Сусанна, отнесите это письмо на почту сейчасъ-же!.. Вотъ теперь дѣло сдѣлано. Я такъ рада!..

Ламберъ. (Въ сторону) Хотѣлъ бы я посмотреть, какое лицо сдѣлаетъ моя жена, читая это письмо...

Нинонъ. (сажаясь къ нему на колѣни) А теперь поцѣлуй свою кошечку. На этотъ разъ я, кажется, заслужила поцѣлуй — не правда-ли?

Неудача.

Баронесса де Разуль

Г-жъ Габріэль Дюкло.

Ты помнишь, моя маленькая Геби, романъ, который мы вмѣстѣ читали во время купальнаго сезона? Насъ поразила одна сцена и мы долго о ней говорили: тамъ рассказывалось о женщинѣ, которая узнавъ, что мужъ измѣнилъ ей, тотчасъ же побѣжала къ своему возлюбленному и безъ долгихъ размышленій отдалась ему.

Мы тогда же рѣшили, что это самый лучший способъ наказать улпченнаго въ измѣнѣ мужа. Къ сожалѣнію, мы тогда не могли примѣнить его къ нашимъ мужьямъ: хотя мы и не сомнѣвались, что они насъ обманываютъ, но намъ ихъ измѣна была на руку, такъ какъ это отвлекало ихъ вниманіе отъ насъ. По крайней мѣрѣ, мы такъ думали.

Теперь я тебѣ должна сказать, моя милая, что я воспользовалась этимъ патентованнымъ средствомъ, или, вѣрнѣе, пыталась воспользоваться имъ. Не думай только, что я прибѣгла къ нему изъ-за того, что де-Розуль перемѣнилъ свою прежнюю любовницу, миссъ Симсонъ, на Анну Делормель; напротивъ, этой перемѣнѣ я отчасти рада: репертуаръ сплетенъ освѣжился, такъ какъ получившая отставку миссъ Симсонъ прибавила къ нимъ много новыхъ.

Нѣтъ, поводы у меня были гораздо болѣе серьезные.

Съ тѣхъ поръ, какъ мой мужъ вернулся въ Парижъ, онъ сталъ страшно скугъ и ревнивъ; вѣрнѣе сказать, онъ сталъ скугѣе и ревнивѣе прежняго. Онъ мнѣ устраиваетъ сцены за малѣйшую попытку фтирта и за каждый счетъ отъ портнихи.

Вчера утромъ, послѣ завтрака, выведенная изъ терпѣнія его выходками, я вышла изъ за стола и побѣжала въ свою комнату,

гдѣ и разрыдалась. У меня былъ самый настоящий припадокъ, неиритворный. Успокоившись немного и обдумавъ планъ дѣйствій, я вышла изъ дому.

На углу бульвара я подозвала извозчика и приказала ему везти себя на улицу Анжу въ домъ № 35. Это адресъ Роланда Вильбуазе.

Надо тебѣ сказать, что я предварительно составила списокъ своихъ поклонниковъ; изъ нихъ я выбрала четырехъ, наиболѣе преданныхъ: графа Удина, Роланда, капитана Сень-Кре и романиста-символиста Руаля Перилье. Удинъ мнѣ нравился больше другихъ: онъ самый солидный и воспитанный межъ ними; у него такія мягкія, благородныя манеры; онъ, должно быть, покоряетъ женскія сердца съ такою же легкостью, съ какой хорошія дантисты удаляютъ зубы. Но съ нимъ, къ сожалѣнію, мнѣ нельзя теперь встрѣтиться: какъ разъ вчера я осмѣяла его парикъ при Софи Лафонъ. И въ самомъ дѣлѣ, какой смѣшной парикъ!.. Боюсь теперь и сунуться къ нему.

Осталось, слѣдовательно, трое поклонниковъ. Ихъ я расположила въ соответствующемъ ихъ заслугамъ порядкѣ: Роландъ, капитанъ Сень-Кре, Руаль Перилье. — Это будетъ недурно, если я ни одного изъ нихъ не застаю! — подумала я.

Моя первая попытка окончилась неудачей: Роланда я не застала дома, онъ наканунѣ уѣхалъ въ Ниццу. Достанется же ему отъ меня, когда онъ вернется!.. Слѣдующимъ въ списокѣ числился капитанъ Сень-Кре, который жилъ гдѣ-то на улицѣ Деженеть, о которой я не имѣла ни малѣйшаго представленія. Кучеръ, повидимому, тоже не былъ съ ней знакомъ и долженъ былъ

обратиться къ городовому. Тотъ тоже сразу не могъ указать намъ эту улицу и началъ рыться въ своей книжкѣ. Я дрожала отъ холода. Наконецъ полицейскій сказалъ: это въ Гренель, между Университетской улицей и набережной д'Орсэ.

— Я такъ и думалъ! — сказалъ кучеръ, и обернувшись ко мнѣ, онъ спросилъ: — Такъ ѣдемъ туда?

Лошадь еле передвигала ноги. Казалось, мы никогда не приѣдемъ. Я была въ отчаяніи и, чтобы разсѣяться, снова просмотрѣла списокъ.

„Перилье, улица Кастьянъ, № 51, — прочла я.

— Улица Кастьянъ... Да вѣдь это въ двухъ шагахъ!

Недолго думая, похеривъ порядокъ списка, я приказала везти себя къ Перилье.

Черезъ три минуты я была

уже у квартиры романиста. — Еще, пожалуй, онъ воспользуется этимъ приключеніемъ для своего романа? — подумала я. — Впрочемъ, что тутъ особеннаго? — жена обманываетъ мужа, — но это совсѣмъ не ново, развѣ только для обманутаго мужа.

Оказалось, что мой романистъ жилъ въ какой-то трущобѣ; все въ этомъ домѣ мрачно и тоскливо; даже консержка говорить такъ тихо, что еле разслышишь; лакея чуть-ли не золотомъ приходится засыпать, чтобъ онъ тебя впустилъ въ домъ.

— Барина дома нѣтъ... онъ не принимаетъ... онъ работаетъ...

Я сунула ему на чай; деньги онъ принималъ, но съ мѣста не двинулся.

— Скажите, что баронесса де-Розуль хочетъ его видѣть — прибѣгла я къ послѣднему средству.

Это, наконецъ, возымѣло свое дѣйствіе: видно, въ этомъ домѣ умѣютъ цѣнить

аристократію! Швейцаръ моментально исчезъ и скоро вернулся; на этотъ разъ онъ очень вѣжливо попросилъ меня слѣдовать за нимъ.

Перилье дѣйствительно былъ занятъ. Онъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ, настолько заваленной книгами, что въ ней негдѣ было повернуться и такой темной, что я въ первую минуту ничего не могла разглядѣть.

Церемонно поцѣловавъ мнѣ руку, онъ торжественно произнесъ:

— Какъ это мило съ вашей стороны, дорогая баронесса, что вы не забываете бѣднаго отшельника!

Знаешь, я никогда такъ не жалѣла, что не владѣю ни перомъ, ни хорошею пачкою, чтобы запечатлѣть эту бесѣду съ Перилье. Это была настоящая лекція, милая Гебн:

Это была настоящая лекція!..

онъ говорилъ все время, ни на минуту не останавливаясь. Мое посѣщеніе онъ нашелъ вполне естественнымъ: „навѣстить скромнаго труженника въ его убогой обители, — это очень доброе дѣло!“ — съ пафосомъ говорилъ онъ. Потомъ онъ перешелъ къ своей особѣ, долго говорилъ о своей работѣ, о бездѣльникахъ, которые вѣчно осаждаютъ его, когда онъ живетъ въ Парижѣ, о предстоящемъ путешествіи, которое ему необходимо въ виду его разстроеннаго здоровья, цитировалъ Бальзака, который, по его мнѣнію, высказалъ много вѣрныхъ мыслей относительно того, какое мѣсто должна занимать любовь въ жизни художника. Словомъ, онъ, какъ пулеметь, выпускалъ по триста словъ въ минуту, а я... я едва слушала его! Чтобы слушать другого, я сама должна принимать участіе въ разговорѣ, а онъ слова мнѣ не давалъ вставить.

Когда онъ, наконецъ, прервалъ потокъ

своего краснорѣчія, я встала. Онъ на прощанье поцѣловалъ мнѣ руку, и я почти выбѣжала отъ него.

Усѣвшись въ фіакръ, я приказала кучеру везти себя къ капитану Сень-Кре. — У него, кажется, на этотъ счетъ прочно установленная репутація, — думала я. Съ нимъ-то я ужъ не попаду въ просакъ! — лишь бы я застала его дома.

Ѣхать пришлось довольно долго. Было уже около пяти, когда я, наконецъ, добралась до квартиры капитана. Боже мой, что это за кварталъ, что за домъ! Нѣчто вродѣ казармы, населенной нѣсколькими десятками офицеровъ! Въ корридорахъ снуютъ ребятишки; на площадкѣ деньщики чистятъ красныя брюки. Ну, и обстановка! Впрочемъ, я знала, что онъ бѣденъ и живетъ только на жалованіе.

Деньщикъ повелъ меня въ квартиру капитана и простеръ свою предупредительность до того, что даже позвонилъ за меня.

Только послѣ вторичнаго звонка за дверь послышались шаги, и я узнала сердитый голосъ Сень-Кре:

— Чертъ возьми, кто тамъ?

— Ваше благородіе, — сказалъ солдатъ, — какая-то дама хочетъ васъ видѣть.

— Дама?.. Какая дама?..

— Не знаю, ваше благородіе!

— Подожди, я сейчасъ отворю.

— Черезъ минуту капитанъ открылъ дверь. Онъ былъ въ ночной сорочкѣ; волосы и усы его были растрепаны, какъ будто онъ только что всталъ съ постели.

Увидѣвъ меня, онъ рассыпался въ извиненіяхъ. Потомъ галантно взялъ меня за руку и повелъ въ большую, свѣтлую комнату, которая, повидимому, служила гостиной: „Неужели это вы, баронесса? Это такая честь“...

Меня начали раздражать всѣ эти ненужныя любезности, и я откровенно объяснила ему цѣль моего визита:

— Вы давно твердите, что обожаете меня, ну, такъ вотъ... я пришла къ вамъ...

Въ эту минуту за дверью послышался легкій шумъ; черезъ полуоткрытую дверь я замѣтила женскую фигуру.

Сень-Кре привлекъ меня къ себѣ и началъ страстно цѣловать меня въ глаза, въ губы...

— Ну, тутъ дѣло идетъ на ладъ, отомщу я теперь барону, — подумала я.

Вдругъ, въ самый патетическій моментъ, капитанъ выпускаетъ меня изъ рукъ, проводитъ рукой по глазамъ и бормочетъ:

Въ полуоткрытую дверь я замѣтила женскую фигуру.

— Я съума сошелъ... это невозможно... это невозможно!

И онъ въ сильномъ волненіи началъ бѣгать по комнатѣ, а затѣмъ бросился передо мной на колѣни:

— Еслибъ вы знали, дорогая, какъ я несчастенъ! — Мнѣ приходится отказаться отъ величайшаго счастья, о которомъ я такъ страстно мечталъ. Но я не вправѣ подвергать васъ опасности. Въ сосѣдней комнатѣ находится... близкая мнѣ женщина, — особа нервная и страшно ревнивая. Если вы тутъ останетесь еще хоть

мину, она может ворваться сюда и поднять скандалъ на весь домъ. Она уже, кажется, идетъ сюда...

Я дѣйствительно услышала за дверью шорохъ. Ты, конечно, понимаешь, что я не замедлила убраться. Баронесса Розуль, сѣдившая съ полковой проституткой: не правда-ли, это была бы педурная картинка!..

Я стремительно бросилась къ двери, Сень-Кре слѣдовалъ за мной, умоляя назна-

чить ему другое свиданіе. Чтобы отдѣлаться отъ него, я обѣщала придти на слѣдующій день въ тотъ же часъ. Пуекай ждетъ теперь.

Вернулась я домой озябшая, разбитая. Помимо того, что мнѣ не удалось отомстить барону, я еще вдобавокъ схватила инфлуэнцу. Какая насмѣшка!

Кто бы могъ думать, что хорошенькой и совсѣмъ неробкой женщиной такъ трудно наставить мужу рога!..

Призраки Прошлаго.

(Замѣтки провинціалки.)

10 іюня.

Какъ, въ сущности, мы мало знаемъ себя и какъ трудно владѣть своимъ сердцемъ! Я, напримѣръ, была увѣрена, что никогда не забуду Пьера, но все-же кто-бы могъ думать?...

Ничего преступнаго, казалось мнѣ, нѣтъ въ томъ, что я въ душѣ продолжаю любить его. Вѣдь съ тѣхъ поръ прошло уже десять лѣтъ! Все время я была безупречной женой и любящей матерью, — и если я все же люблю Пьера, то въ этомъ чувствѣ столько горечи и боли, что Богъ долженъ былъ-бы давно простить мнѣ мое невольное прегрѣшеніе. И вдругъ пожаръ съ новою силой вспыхнулъ въ моемъ сердцѣ.

— Генераль Живри пріѣзжаетъ сюда на будущей недѣлѣ для ревизіи, — сказали мнѣ какъ-то мужъ. И этихъ словъ достаточно было, чтобъ моя старая рана снова раскрылась, чтобъ я снова почувствовала жгучую боль. Пьеръ пріѣзжаетъ сюда! Черезъ нѣсколько дней я его увижу здѣсь, въ томъ же городѣ, гдѣ я послѣ его отъѣзда прожила десять лѣтъ, не забывая его ни на минуту, гдѣ, — я сегодня это ясно чувствую, — я не переставала страстно томиться по немъ.

При этой вѣсти сердце мое такъ затрепетало, что, казалось, вотъ-вотъ оно разорвется. Какой стыдъ! Нечего себя обманывать: во мнѣ снова вспыхнула былая страсть. Но у меня едва хватаетъ духу признаться въ этомъ...

16 іюня.

Вотъ уже цѣлыхъ десять лѣтъ, какъ я провожу послѣобѣденные часы у окна, выходящаго на пустынную площадь. Жизнь моя такъ однообразна, что одинъ день ничѣмъ не отличается отъ другого. Я занимаюсь какимъ-нибудь рукодѣліемъ, чтеніемъ,

иногда мнѣ приходится принимать гостей. Каждый день въ опредѣленный часъ мужъ мой, приходя изъ интендантства, ласково цѣлуетъ меня въ лобъ. Теперь въ домѣ, кромѣ меня, нѣтъ ни души: мужъ на службѣ, а два сына моихъ, которые родились въ отсутствіи Живри, теперь въ Флешѣ.

Въ моей комнатѣ ничего не перемѣнилось за эти десять лѣтъ. Я нарочно не мѣняла въ ней ни мебели, ни обоевъ. Въ этой милой обстановкѣ мнѣ пріятнѣе отдаваться грезамъ и воспоминаніямъ. Черезъ эту вотъ дверь Живри зашелъ наканунѣ своего отъѣзда; вотъ стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ. Я такъ помню эту минуту. Его матовые щеки слегка покраснѣли; онъ, такъ умѣвшій владѣть собой, на этотъ разъ не въ силахъ былъ скрыть волненія, когда произнесъ:

— Я пришелъ проститься съ вами: завтра я уѣзжаю.

Слова эти глубоко поразили меня; словно обухомъ ударили меня по головѣ. Совершенно обезсиленная я откинулась на спинку кресла. А Пьеръ бросился предо мной на колѣни и, страстно цѣлуя мои руки, умолялъ меня уѣхать съ нимъ...

Боже, помоги мнѣ! что будетъ со мной, когда я опять увижу его?

Того же числа вечеромъ.

Я теперь всецѣло во власти прошлаго, и у меня нѣтъ силъ бороться. Я отдалась воспоминаніямъ моей любви, и мнѣ такъ хорошо... Да, я должна сознаться, что въ теченіе всѣхъ десяти лѣтъ, я не переставала любить его. Правда, мы одинъ только разъ испытали счастье близости; тотчасъ-же послѣ этого судьба оторвала насъ другъ отъ друга; но съ того момента я ни на одинъ часъ не перестаю принадлежать ему. И какъ бы далеко онъ ни былъ, — въ противоположномъ ли концѣ Франціи, или по ту сто-

рону океана, — мысль моя неотступно всюду слѣдуетъ за нимъ. Какъ я гордилась его славой, его успѣхами, о которыхъ до меня доходили вѣсти.

Я провожу часы у окна на пустынную площадь.

Почему я ни разу не писала? О, сколько разъ я садилась за письма къ нему; но ни одного изъ нихъ не довела до конца. Я безжалостно рвала все: — Къ чему писать? думала я, — жизнь разлучила и никогда уже не соединитъ насъ... Все равно, — говорила я себѣ, — мы и такъ любимъ другъ друга. Въ немъ я была увѣрена: онъ слишкомъ сильно любилъ, чтобы забыть меня!

Онъ даже не женился, чтобы не изменить моей памяти, хотя могъ бы составить блестящую партію.

Онъ пріѣзжаетъ завтра и пробудетъ въ городѣ одинъ только день. Ревизію онъ окончитъ, вѣроятно, къ полудню; завтракаетъ онъ въ штабѣ, а обѣдаетъ въ префектурѣ. Только послѣ обѣда начнется приемъ, и только тогда я смогу увидѣть его.

Чѣмъ ближе моментъ встрѣчи, тѣмъ больше я волнуюсь.

Вѣдь у Пьера запечатлѣлся образъ двадцатипятилѣтней женщины, а я теперь уже почти старуха.

Я отыскала въ альбомѣ одну изъ моихъ карточекъ того времени и, стоя передъ зеркаломъ, начала сравнивать себя теперешнюю съ собой прежней... Я, правда, мало измѣнилась: тѣ же черты, та же фигура, та же прическа, — даже фасонъ платья не измѣнился... и, несмотря на все это, я постарѣла на десять лѣтъ; я не могу опредѣлить, въ чемъ выражается эта перемѣна. Должно быть, въ кожѣ, которая, какъ будто и сохранила прежній видъ, но уже не имѣетъ былой свѣжести... Глаза мои тоже постарѣли на десять лѣтъ...

Теперь я право не знаю, чего больше жду отъ этого свиданія съ Пьеромъ, счастья, или горя...

19 іюня.

Уже десять часовъ, и я иду въ префектуру. Мнѣ страшно подумать о томъ, что со мной будетъ. А что, если Пьеръ опять станетъ умолять меня уйти съ нимъ? Покинуть семью, покрыть себя позоромъ?.. Но за то какое огромное счастье! Минутами мнѣ кажется, что я готова на все.

Боже, помоги мнѣ!

Я отыскала одну изъ моихъ карточекъ того времени.

Того же дня ночью.

Послѣ обморока, случившагося со мной на балу въ префектурѣ, меня привезли въ каретѣ и уложили въ постель... Какой пыткой были для меня заботы мужа и прислуги... Наконецъ-то они оставили меня одну!..

У меня такое ощущеніе, будто я тонула, а меня вытаскили изъ воды, но вытаскили черезчуръ поздно, и теперь я медленно умираю...

Мнѣ хочется изложить все, что произошло въ этотъ роковой вечеръ, — пусть это будетъ завѣщаніемъ моего сердца.

Я увидѣла его и узнала, какъ только вошла въ залу префектуры. Онъ стоялъ прислонившись къ камину и улыбаясь бесѣдовалъ съ префектомъ и съ инженерами. Онъ совершенно не измѣнился. Онъ такъ же молодъ и изященъ какъ прежде. Только волосы у него посѣдѣли; но коротко подстриженные и еще довольно густые, они, казалось, еще больше молодятъ его.

Какъ мнѣ хотѣлось броситься къ нему на грудь, всю увѣшанную медалями, и шепнуть ему на ухо: „Это — я!.. Я все еще люблю тебя! Узнаешь!“

Вокругъ него толнилось столько народу, что не только сказать ему это, но даже представиться у меня не хватило храбрости. Я сѣла среди своихъ знакомыхъ и, не принимая участія въ ихъ бесѣдѣ, стала наблюдать за нимъ. Всѣ снѣжили представиться ему, — онъ же смотрѣлъ на всѣхъ съ безразличной улыбкой. Отъ меня не ускользнуло то обстоятельство, что онъ обратилъ вниманіе на маленькую, не въ мѣру декольтированную г-жу Доза.

Вдругъ глаза его остановились на мнѣ. У меня сердце упало; но я употребила всѣ усилія, чтобы не потерять самообладанія. Онъ нѣсколько секундъ разсѣянно смотрѣлъ на меня, затѣмъ отвернулся и продолжалъ бесѣдовать такъ же спокойно, какъ и прежде.

Можетъ-ли быть, чтобы онъ меня не узналъ? — Нѣтъ! — сказала я себѣ, — онъ смотрѣлъ на меня, но не видѣлъ... Вѣдь знаетъ же онъ, что я здѣсь... Какъ я страдала въ эту минуту!

Начальникъ таможи подошелъ ко мнѣ и началъ говорить обычныя любезности, но я его не слушала и продолжала слѣдить глазами за генераломъ Живри. Вотъ онъ

отошелъ отъ камина и перешелъ въ игорную залу. Мнѣ такъ хотѣлось остаться одной! Но это мнѣ удалось только часъ спустя. Я попросила одного изъ помощниковъ мужа довести меня до террасы, гдѣ была устроена маленькая гостиная, и потомъ отпустила его, сказавъ, что у меня мигрень. Предчувствіе говорило мнѣ, что Пьеръ придетъ сюда... И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ я услышала его голосъ въ перемежку съ груднымъ голосомъ Юліи Доза.

Проживи я десять жизней, я помнила бы каждое слово ихъ разговора!..

— Въ ваше время здѣсь не было такъ скучно, какъ теперь? Не правда-ли, генераль?

— Да, было значительно веселѣе! Въ общемъ, я тогда чувствовалъ себя очень недурно. Я ухитрялся даже находить кой-какія развлеченія въ этой дырѣ...

— Съ женщинами, конечно? Вы вѣдь были неисправимымъ ловеласомъ!

— О, теперь я остепенился... Только очень рѣдкая встрѣча (тутъ онъ поцѣловалъ ее руку) способна заставить меня забыть мои годы... Когда я былъ капитаномъ, я былъ менѣе разборчивъ. Вообще же, повторяю, я здѣсь не скучалъ...

— Разскажите же, генераль, надъ кѣмъ вы здѣсь одержали побѣды? Обѣщаю хранить гробовое молчаніе... Мнѣ такъ интересно, кто изъ здѣшнихъ матронъ...

— Я, право, затрудняюсь назвать вамъ имена. Я вотъ теперь окинулъ взглядомъ всѣхъ здѣшнихъ матронъ, какъ вы ихъ называете, и представьте, не узналъ ни одной изъ моихъ прежнихъ симпатій.

— Но имена ихъ вы, навѣрное, помните. Пьеръ подумалъ съ минуту.

— Ей Богу, забылъ! — сказалъ онъ. — Хоть убейте, не могу вспомнить ни одной фамиліи. Да у меня, въ сущности, тутъ не было ни одной серьезной связи. Къ тому же, вы, сударыня, знаете, какъ недолговѣчна любовь офицера: съ глазъ долой, — изъ сердца вонъ.

И онъ продекламировалъ какіе-то ходячіе стихи.

Въ эту минуту я потеряла сознаніе.

— Зачѣмъ меня привели въ чувство? Зачѣмъ я осталась жить?

Двадцать восемь дней.

Г-жа Куменье

Г-ну Куменье.

4 апрѣля.

Дорогой мой! Еслибъ ты зналъ, какъ я тоскую безъ тебя! Всего только два дня, какъ ты уѣхалъ, а они уже кажутся мнѣ вѣчностью; остается еще 26 долгихъ дней, — даже 27, если считать такъ-же и день на переѣздъ! . . . Какъ это жестоко со стороны начальства! . . . Оторвать ради какой-то глупой военной муштры любимаго мужа отъ жены, и когда? — Когда и трехъ мѣсяцевъ не прошло со дня свадьбы! И на что ты имъ тамъ понадобился? Подумаешь, безъ тебя они не обошлись-бы! . . . Однимъ ополченцемъ меньше, однимъ больше — какъ будто это такъ важно!

Жестокіе люди! Имъ совершенно нѣтъ дѣла до того, что я тутъ, въ Парижѣ, должна томиться! Какъ все нелѣпо устроено! неправда-ли мой милый? Нечего удивляться, что многіе педовольны республиканскимъ правительствомъ: лучшаго отношенія къ себѣ оно не заслуживаетъ.

Знаешь дорогой, — даже кресло, что въ твоемъ рабочемъ кабинетѣ, тоскуетъ по тебѣ. И вчера болтала съ нимъ все послѣобѣденное время, и оно мнѣ призналось въ этомъ. Когда я смотрю на него, мнѣ хочется и плакать, и смѣяться.

Вчера былъ у меня твой коллега Симонъ. Это ты, должно быть, просилъ его не давать мнѣ скучать. Онъ очень милъ и хорошо воспитанъ. Когда онъ началъ рассказывать о вашихъ канцелярскихъ дѣлахъ, — онъ мнѣ такъ живо напомнилъ тебя, что я тутъ-же разревалась; онъ, бѣдный, не зналъ, что ему дѣлать со мной. Сомнѣваюсь, чтобы онъ послѣ этого пришелъ еще разъ: не очень интересны такіе визиты!

До свиданія, мой дорогой, возлюбленный мой! Твоя женушка цѣлуетъ кончики тво-

ихъ усомъ. Она сейчасъ пойдетъ спать, и ей навѣрное приснится ея милый Жакъ.

Шарлотта.

P. S. Я получила письмо отъ твоей матушки. Она пишетъ, что ей очень бы хотѣлось, чтобы ты, когда освободишься, проведъ съ ней недѣлку. Ну, нѣтъ, дудки! Этого я не допущу!

12 апрѣля.

Я страдаю бессонницей и напрасно стараюсь прогнать ее чтеніемъ: у меня только рябитъ въ глазахъ, а сонъ не приходитъ. Притомъ въ этихъ глупыхъ романахъ сплошь и рядомъ приходится наткаться на влюбленныхъ, которые только и дѣлаютъ, что цѣлуются и обнимаются! Ты не можешь себѣ представить, что со мной дѣлается, когда я читаю такіа вещи.

Боже мой, какой огромной и пустой кажется мнѣ наша кровать, когда я лежу въ ней одна!

Твой коллега Симонъ продолжаетъ бывать у меня. Онъ приходитъ обыкновенно черезъ день. Мнѣ доставляетъ большое удовольствие бесѣдовать съ нимъ о тебѣ. Но, между нами, мой милый, не находишь ли ты, что ему не мѣшало бы быть осторожнѣе со своими частыми визитами къ молодой женщинѣ? За меня тебѣ, конечно, беспокоиться нечего. Еще не родился тотъ, для кого я могла бы забыть своего Жака. Но Симонъ такъ молодъ, къ тому же холостякъ; а я вѣдь не дурна собой — не правда-ли? Знаешь, мнѣ даже кажется, что онъ уже и сейчасъ не совсѣмъ равнодушенъ ко мнѣ. Долго ли ему влюбиться въ меня? Къ чему причинять человѣку напрасныя страданія? Напиши, пожалуйста, какъ мнѣ быть.

P. S. Я собственно не понимаю, кто мѣшаетъ твоей матушкѣ поѣхать въ Врестъ,

гдѣ она могла бы видѣть тебя каждый день? Такъ нѣтъ же, пристала, какъ клещъ: пріѣзжай да пріѣзжай! Прости, милый, я не хотѣла тебя огорчить, но меня твоя матушка начинаетъ раздражать.

Шарлотта.

16 апрѣля.

Какъ не стыдно такъ ехидничать! „Всякая женщина, говоришь ты, думаетъ, что стоитъ только одинъ разъ взглянуть на нее, чтобы по уши влюбиться. А я тебѣ говорю, что твой коллега Симонъ уже почти влюбленъ въ меня. Ты, конечно, понимаешь, что мнѣ это безразлично, но зачѣмъ понапрасну искушать юношу? Не лучше ли будетъ предложить ему, — конечно, въ очень вѣжливой формѣ, прекратить свои визиты? Впрочемъ, поступай, какъ знаешь.

У меня нервы совсѣмъ развинтились и я по прежнему страдаю бессонницей; аппетитъ у меня также пропалъ. Дома я страшно скучаю, а выходить нѣтъ охоты. Пріѣзжай же скорѣе, мой дорогой, мой ненаглядный! Какъ ты мнѣ нуженъ теперь!.. Если ты вздумаешь поѣхать на недѣлю къ матушкѣ, — знай, что по пріѣздѣ въ Парижъ ты уже не застанешь свою бѣдную Шарлотту: я умру съ горя; вотъ увидишь, умру! Такъ смотри же, не ѣзди къ матушкѣ! Обѣщаешь?

P. S. Я очень прошу тебя по полученіи этого письма предложить твоему коллегѣ Симону оставить нашъ домъ. Не подумай только, что онъ себѣ позволилъ что-нибудь предосудительное по отношенію ко мнѣ. Ничего подобнаго! Но меня пугаютъ его глаза. Я боюсь оставаться съ нимъ наединѣ. Я даже оставляю полуоткрытой дверь, ведущую въ столовую, прося горничную не уходить отсюда.

Твоя Шарлотта.

22 апрѣля.

... Ты не сердись на меня, что я тебѣ не писала вотъ ужъ три дня? Еслибы ты зналъ, мой другъ, какъ мнѣ было скверно всѣ эти дни! Я, право, не знаю, чѣмъ это объяснить. Быть можетъ, просто скверная погода дѣйствовала на мои нервы. Знаю

Онъ очень милъ и хорошо воспитанъ.

только, что я плакала безъ конца, и у меня было такое состояніе, что я не рѣшалась писать тебѣ.

Пріѣзжай скорѣе, мой дорогой; въдь мы еще будемъ счастливы — неправда-ли? непременно напиши въ слѣдующемъ письмѣ, что мы и впредь будемъ такъ же счастливы, какъ до сихъ поръ...

Цѣлую тебя тысячу разъ

Твоя Шарлотта.

P. S. Я прибавила горничной десять франковъ въ мѣсяцъ. Ты помнишь, мы съ тобой говорили объ этомъ въ послѣднее время. Она оказалась такой преданной, — въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ я осталась одна. Это превосходная дѣвушка. Въдь ты ничего не имѣешь противъ прибавки, не правда-ли?

27 апрѣля.

Отъ твоей матушки опять получилось письмо. Ей, бѣдной, такъ хочется хоть недѣлку побыть съ тобой! „Вѣдь мнѣ недолго осталось жить!“ — пишетъ она. Меня очень тронуло ея письмо! Я такъ измучилась въ разлукѣ съ тобой, что прекрасно понимаю, какъ ей должно быть тяжело не видѣть тебя такъ долго. . . Дѣлай, мой милый, какъ хочешь. Что касается меня, то я бы не хотѣла, чтобъ изъ за меня матушка твоя умерла, не повидавшись съ тобой.

Ты можешь торжествовать: на этотъ разъ ты оказался правъ. Твой коллега Симонъ и не думалъ влюбляться въ меня. Онъ даже сознался мнѣ, что собирается жениться; это и было причиной его озабоченности, которую я, глупая, истолковала по своему. . .

4 мая.

Слава Богу! Я теперь чувствую себя гораздо лучше. Съ тѣхъ поръ, какъ ты у матушки, я за тебя совершенно спокойна. Когда ты жилъ въ Брестѣ, мнѣ въ голову приходили всякія глупыя мысли: Брестъ — большой городъ, и тамъ достаточно женщинъ легкаго поведенія. Немудрено, что я чуточку ревновала! Теперь же, у матушки въ деревнѣ, мнѣ за тебя нечего бояться. Я бы даже предпочла, чтобы ты остался у нея подольше, чтобъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тебѣ опять не пришлось поѣхать къ ней. Прощай, мой дорогой. Поцѣлуй за меня матушку и думай о твоей женушкѣ, которая тебя обожаетъ.

Шарлотта.

P. S. Ты меня упрекаешь въ томѣ, что я ничего не пишу тебѣ о твоемъ коллегѣ Симонѣ. И дался же тебѣ этотъ Симонъ!

Подумаешь, тоже! Но если ты ужъ такъ этого хочешь, изволь: онъ совершенно здоровъ; я изрѣдка вижу его, — гораздо рѣже,

Я прибавила горничной 10 франковъ въ мѣсяцъ: она оказалась такой преданной!..

чѣмъ прежде. И какъ это я могла подумать, что онъ влюбился въ меня! Только ничего не говори обо всемъ этомъ матушкѣ, слышишь, милый? . . .

Семинаристъ.

Въ одинъ жаркій день по лѣсной тропинкѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ высокими дубами, шли гуськомъ три семинариста. Одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста, другіе два пониже. Высокаго звали Шаберомъ. Худой и блѣдный, съ маленькими руками, онъ рѣзко отличался отъ своихъ двухъ товарищей, которые ходили на одѣтыхъ въ черные сутаны крестьянскихъ парней. И въ самомъ дѣлѣ, Шаберъ былъ сыномъ чиновника изъ сосѣдняго городка Сентъ-Амандъ, между тѣмъ какъ его товарищи вышли изъ мѣстныхъ крестьянскихъ семей. Одного звали Орильяръ, а другого Вержье.

Тропинка скоро расширилась и черезъ минуту затерялась на широкой полянѣ.

— Стойте! — крикнулъ Вержье.

Всѣ трое остановились. Орильяръ и Вержье стали вытирать свои потные лица платками съ изображеніемъ папы Льва XIII. Шаберъ, на худомъ, блѣдномъ лицѣ кото-

раго не было ни одной капли пота, осмотрѣлся вокругъ, какъ бы лица чего-то.

— Ну, и жара! — сказалъ Орильяръ.

— Да, здорово парить! Но мы выберемъ тѣнистый уголокъ, растянемся и славно отдохнемъ!

— Но въѣдъ это запрещено! — замѣтилъ Шаберъ.

— Ну, на это мнѣ наплевать! — возразилъ Вержье. — Никто тутъ насъ не увидитъ: всѣ аббаты прячутся по своимъ норамъ въ эту жару и преспокойнѣйшимъ образомъ храпятъ. Идемъ, что-ли?

За нимъ пошелъ только Орильяръ. Оба растянулись на сухомъ мху, у корней стараго дуба. Сложивъ треуголкой свои фетровыя шляпы, они прикрыли ими головы, чтобы защититься отъ палящихъ лучей солнца, которые проникали къ нимъ черезъ листву деревьевъ.

— Эй, Шаберъ! Тутъ и для тебя найдется мѣстечко! — крикнулъ Вержье.

Но Шаберъ, вынувъ изъ кармана свой требникъ, отвѣтилъ:

— Послѣ немного. Миѣ еще надо прочесть „лаудесъ“.

И онъ, отойдя немного подале, прислонился спиной къ дереву, открылъ требникъ и сталъ бормотать латинскія молитвы. Вокругъ стояла мертвая тишина, точно лѣсъ изнемогъ отъ жары.

Время отъ времени Шаберъ поднималъ голову и смотрѣлъ въ сторону своихъ товарищей. Тѣ давно уже спали мертвымъ сномъ, лежа на спинѣ и громко похрапывая; лица ихъ были красны и потны, а огромныя руки и ноги широко раскинулись по травѣ.

Убѣдившись, что они уснули не на шутку, Шаберъ закрылъ свой требникъ и рѣшительно направился по одной изъ впадавшихъ въ поляну тропинокъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ быстрой ходьбы, онъ замедлил шагъ. Въ ста метрахъ отъ него преграждалъ дорогу желѣзнодорожный барьеръ, а въ сторонѣ стояла будка желѣзнодорожнаго сторожа. Изъ-за деревьевъ виднѣлась ея черепичная крыша, красныя стѣны и труба, изъ которой лѣниво подымался сизый дымъ. Въ окнѣ мелькнула бѣлая блузка, которая скоро показалась на порогѣ: изъ дому, съ ведромъ въ рукахъ, вышла молодая дѣвушка и, набравъ въ колодцѣ воды, снова вошла въ комнату.

Шаберъ въ нерѣшительности остановился: идти дальше или вернуться? Онъ былъ увѣренъ, что Маріетта теперь одна: между двумя и пятью поѣздовъ не было, и сторожъ, съ ружьемъ въ рукѣ, уходилъ на это время въ лѣсъ, оставивъ будку на попеченіи дочери.

Шаберъ сталъ приходить сюда, вотъ уже два мѣсяца, каждую среду. Въ первый разъ онъ попалъ сюда случайно: онъ отсталъ отъ товарищей, заблудился въ лѣсу и, наткнувшись около желѣзнодорожной будки на Маріетту, робко спросилъ, какъ ему обратиться на большую дорогу. Та, глядя ему прямо въ глаза, съ улыбкой дала ему указанія. Въ слѣдующую среду, когда у него былъ послѣобѣденный отпускъ, онъ устроился такъ, что снова очутился у будки и обмѣнялся нѣсколькими словами съ Маріеттой.

Скоро у него это вошло въ привычку. Каждую среду онъ пускался на маленькія хитрости, чтобы отдѣлаться отъ товарищей, пробирался къ будкѣ и, стоя снаружи у открытаго окна ея, проводилъ съ четверть часа въ бесѣдѣ съ дѣвушкой, которая въ это время занималась какой-нибудь работой. Часто, впрочемъ, онъ ничего не говорилъ и только смотрѣлъ, какъ она шьетъ, стряпааетъ или стираетъ.

Мало-по-малу, самъ не отдавая себѣ отчета въ своемъ чувствѣ, онъ полюбилъ дѣвушку. Спихватился онъ тогда, когда сердце его было уже окончательно покорено.

Нѣкоторое время онъ боролся съ собой, но скоро понялъ, что борьба бесплодна. Онъ рѣшилъ выйти изъ семинаріи, отказаться отъ духовной карьеры и жениться на Маріеттѣ.

Но привести это рѣшеніе въ исполненіе оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ онъ думалъ. Въ этотъ день онъ направился къ желѣзнодорожной будкѣ съ твердымъ намѣреніемъ серьезно поговорить съ дѣвушкой; но когда настала рѣшительная минута, его сковала робость.

—

— Здравствуйте, г. аббатъ! — встрѣтила его дѣвушка, по обычаю мѣстныхъ жителей называвшая семинаристовъ аббатами.

Шаберъ увидѣлъ Маріетту въ бѣлой, плохо застегнутой кофточкѣ: она стояла въ комнатѣ, опираясь локтями на подоконникъ.

— Здравствуйте, дитя мое! Отца вашего нѣтъ?

Съ этого не очень хитраго вопроса онъ всегда начиналъ бесѣду съ ней, какъ бы желая убѣдить дѣвушку, что онъ приходитъ не ради нея, а ради отца.

Она съ лукавой улыбкой отвѣтила:

— Нѣтъ, онъ ушелъ въ лѣсъ. Если угодно, я могу позвать его.

Онъ покраснѣлъ и подошелъ ближе. Она отошла отъ окна и принялась гладить бѣлье. Ее забавляла робость семинариста и она ждала, что онъ скажетъ.

Шаберъ молчалъ. Дѣвушка усердно работала утюгомъ, налегая на него изо всѣхъ силъ. Онъ, не отрываясь, слѣдилъ за ея красивыми движеніями, любовался ея полнымъ бюстомъ и изищной головкой съ густыми, свѣтлыми волосами.

— Вы все работаете? — нашелся онъ наконецъ.

— Какъ видите, г. аббатъ! Это вы можете по цѣлымъ днямъ гулять, а мнѣ некогда. Да и неинтересно гулять одной! — прибавила она, близко поднося утюгъ къ щекѣ, чтобы узнать, достаточно-ли онъ горячъ.

Снова наступило молчаніе. У самыхъ ногъ аббата быстро, прижавъ къ головѣ длинныя уши, прошмыгнулъ кроликъ.

— Вы будете хорошей хозяйкой, Мариетта; тотъ, кто женится на васъ, будетъ очень счастливъ! — сталъ приступать ближе Шаберъ.

— Ну, это смотря какъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— А то, что онъ будетъ счастливъ только въ томъ случаѣ, если я его буду любить.

Шаберъ разсмѣялся. Онъ начиналъ чувствовать себя смѣлѣе.

— А теперь у васъ есть кто-нибудь... кого вы любите?

Эта тема, повидимому, доставляла ей удовольствіе, и она отвѣтила:

— Я, право, не знаю... Вѣдь я здѣсь никого не вижу.

Шаберъ окончательно осмѣлѣлъ.

— Ну, а меня, напримѣръ? Любите вы немного?

Она подошла вплотную къ окну и съ лукавой улыбкой, поднявъ на него свои большіе сѣрые глаза, сказала:

— Васъ, г. аббатъ? Да, я васъ очень люблю.

Въ глубокомъ волненіи онъ взялъ дѣвushку за руку и, опустивъ глаза, быстро, какъ бы боясь, что его перебьютъ, заговорилъ:

— Я васъ тоже очень, очень люблю! Люблю больше, чѣмъ слѣдуетъ! Изъ за васъ я даже готовъ забыть данный мною обѣтъ. Какъ только я васъ въ первый разъ увидѣлъ, почувствовалъ, что все кончено, что

съ этимъ ужъ ничего не подѣлаешь... Въ церкви, на молитвѣ, особенно ночью, въ дортуарѣ, я думаю только о васъ. И я сказалъ себѣ, что лучше совсѣмъ не быть священникомъ, чѣмъ быть плохимъ священникомъ. Св. Павелъ говорилъ: „Melius est

Дѣвушка усердно работала утюгомъ.

pubere qua tuiq̄“ — лучше взять женку, чѣмъ питать грѣшныя желанія. Хотите вы слѣдовать за мной по житейскому пути, дитя мое?...

Мариетта слушала эту тираду со смущенной улыбкой. Въ этомъ неловкомъ объясненіи въ любви было что-то странное для ея слуха, какъ еслибы она услышала фальшивую музыку. Притомъ, эта смѣшная сутана... Правда, онъ былъ очень недурень, этотъ семинаристъ; онъ даже зналъ мудренныя латинскіе тексты, но все же...

— Отвѣчайте же, дитя мое! — повторилъ вопросъ Шаберъ. — Угодно вамъ слѣдовать за мной?

Она тихо высвободила свою руку и отступила немного отъ окна.

— Слѣдовать за вами, г. аббать? Но что скажетъ отецъ.

И опутивъ глаза, она прибавила:

— Мы можемъ продолжать по прежнему видѣться... когда отца нѣтъ дома... Никто объ этомъ не узнаетъ...

Тотъ не понялъ, что она хотѣла сказать.

— Мариетта, я прошу васъ... Если вы меня немного любите, идите за мной. Я хочу, чтобы вы принадлежали мнѣ одному. Мы поженимся и...

Дѣвушка съ изумленіемъ подняла на него свои сѣрые глаза. Ей показалось, что она ослышалась.

Шаберъ осторожно обнялъ ее и приподнял отъ земли.

— Мы поженимся, говорите вы?

— Ну да! Развѣ вы не хотите быть моей женой?

Она весело разсмѣялась.

Вы смѣтаетесь надо мной, г. аббать? Развѣ вы можете жениться на мнѣ?

— Но какой же я аббать? Я вѣдь пока только еще семинаристъ! Я свободенъ располагать собой какъ хочу и могу жениться, когда и на комъ мнѣ будетъ угодно!

Видя, что онъ говоритъ серьезно, Мариетта тоже стала серьезна, и у нея даже сдвинулись брови.

— Откровенно говоря, я ничего не понимаю во всѣхъ этихъ вещахъ. Вы одѣты какъ аббать, на васъ сутана, въ рукѣ у васъ молитвенникъ, вы живете среди духовныхъ лицъ... и, мнѣ кажется, вы такой же аббать, какъ и другіе... Ну, а за аббата я, разумеется, ни за что не выйду замужъ.

Въ тонѣ ея было что то суровое, почти сердитое. Шаберъ понялъ, что въ ея сердцѣ нѣтъ любви къ нему. Его мечты оказались мыльными пузырями.

— Значитъ, вы не хотите?—грустно спросилъ онъ, чувствуя, какъ на лбу его каплями выступаетъ холодный потъ.

— Конечно, не хочу! Быть женой аббата— вотъ еще! Нѣтъ, нѣтъ, только не это! При томъ, отецъ никогда не позволитъ. Я, слава Богу, могу выйти и не за аббата: въ женскихъ недостатка не будетъ!

Она снова взялась за утюгъ и съ ожесточеніемъ, словно вымещая какую то обиду, принялась гладить; такъ прошло съ минуту. Вдругъ она быстро повернулась къ Шаберу: ей покалось, что онъ плачетъ.

Она не ошиблась: закрывши лицо руками и опершись на подоконникъ, онъ тихо всхлипывалъ.

Мариетта была добрая дѣвушка, и ей стало больно за него. Положивъ руку на широкій рукавъ его сутаны, она стала успокаивать его:

— Нельзя же такъ, г. аббать! Все можетъ остаться по прежнему, вы будете приходить каждую среду... когда отца не будетъ дома...

Черезъ минуту онъ, по крайней мѣрѣ съ виду, успоился, поднялъ упавшую на землю шляпу и сталъ прощаться:

— Мнѣ пора. Досвиданія!

И онъ направилъ назадъ, къ полянѣ, на которой оставилъ сиящихъ товарищей. Она вышла проводить его и, ласково взявъ за руку, заговорила:

— Вы сердитесь на меня, г. аббатъ? Да, да, я вижу! Вы даже не хотите попроситься со мной какъ слѣдуетъ!

Шаберъ остановился и, любовнымъ взглядомъ окинувъ всю ея фигуру, въ приливѣ глубокой нѣжности, осторожно обнялъ ее и

приподнялъ отъ земли, прижалъ къ себѣ и поцѣловалъ, — какъ поцѣловалъ бы сестру. Потомъ онъ бережно опустилъ ее на землю и быстро зашагалъ по направленію къ товарищамъ, которые уже проснулись и звали его.

Сестра Іоахима.

Сюзанна принадлежала къ числу грѣшницъ, о которыхъ говорилъ аббатъ.

Въ одинъ февральскій день Сюзанна Лорье, послѣ особенно бурной сцены со своимъ любовникомъ, вошла въ маленькую церковь Савиньи послушать проповѣдь. Оскорбленная и несчастная, она чувствовала полную готовность уйти изъ этого сквернаго міра и обратиться къ Господу.

Проповѣдникъ, молодой, очень красивый аббатъ, — говорилъ объ адѣ и особенно о мукахъ, которыя ждутъ тамъ нераскаявшихся блудницъ. Адскій огонь, на которомъ жарятся грѣшники, вѣчный мракъ, тысячи пытокъ — все глубоко врѣзалось въ птичій мозгъ Сюзанны. — Все эти муки, — думала она, безъ сомнѣнія ждутъ ее на томъ свѣтѣ: вѣдь она-то именно и принадлежала къ числу грѣшницъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво говорилъ молодой аббатъ!

До сихъ поръ она ничего не дѣлала, жила любовью, была на содержаніи у Жака Мпрера, который служилъ у адвоката. . . И. . . Еслибы она жила хоть съ однимъ только Жакомъ! Нѣтъ, она часто измѣняла ему съ другимъ, — правда, не по влеченію сердца, а изъ нужды: падо было ѣсть, одѣваться, платить за квартиру, а Жакъ не былъ достаточно богатъ. Но какъ-бы то ни было, жизнь ея была ужасна, и она, слушающая аббата, была увѣрена, что онъ имѣетъ въ виду именно ее.

Когда проповѣдь кончилась, она бросилась къ алтарю и, прежде еще, чѣмъ аббатъ успѣлъ снять съ себя церковное облаченіе, упала къ его ногамъ.

Аббатъ Шадурнь горячо взялся за спасеніе заблудшей. Прекрасно понимая, что надо ковать желѣзо пока горячо, что за ночь у нея можетъ состояться примиреніе съ любовникомъ и тогда у грѣшницы пропадетъ желаніе каяться, онъ повелъ Сюзанну въ тотъ-же вечеръ въ пріютъ св. Франциска, который находился въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Савиньи. Въ этомъ пріютѣ жили, подѣ наблюденіемъ монахинь, покинутыя дѣти.

Основанъ онъ былъ на средства какого-то щедрого завѣщателя, но такъ какъ они были недостаточны, почтенныя монахини и дамы-патронессы пріюта то и дѣло собирали деньги среди благочестивыхъ сыновъ церкви, а то и просто отправлялись въ окрестныя городки за подаваніемъ. Не смотря на это, пріютъ влачилъ жалкое существованіе и вѣчно нуждался въ деньгахъ.

Сюзанна Лорье была поручена заботамъ директрисы пріюта, г-жи Зитъ. Втеченіе двухъ мѣсяцевъ она жила совершенно изолированно. Цѣлые дни она проводила либо въ часовнѣ, за молитвой, либо въ кабинетѣ аббата Шадурна, который былъ духовникомъ пріюта, либо, наконецъ, у одной разбитой параличемъ монахини, которой она вслухъ читала священныя книги.

Сюзанна была теперь вполнѣ счастлива. Правда, она немного всплакнула, когда ей остригли ея пышные каштановыя волосы и одѣли въ черное платье съ бѣлымъ чепчикомъ; но она скоро успокоилась. Все ея существо охватила томная лѣнь, развитію которой такъ способствовала монастырская жизнь. Она полюбила колѣнопреклоненія, долгія стоянія передъ зажженными въ часовнѣ свѣчами, когда мысли спать или лѣниво, какъ сквозь сонъ, ворочаются въ головѣ. Нравился ей также процессъ исповѣданія: — эта таинственная обстановка, еле внятный шопотъ въ исповѣдальнѣ. Кормили здѣсь хорошо, и она была тѣмъ довольнѣе, что дома привыкла питаться салатами, картошкой и всякими мучными вещами, отъ которыхъ она только полнѣла.

Теперь она ужъ не заботилась о своей вѣшности: небрежно одѣвалась и причесывалась и совершенно перестала ухажи-

вать за своей кожей. Не думала она теперь и о любви.

Хорошо жилось въ эти два мѣсяца Сюзаннѣ, но, увы! счастье на свѣтѣ такъ не прочно! Скоро аббатъ Шадурнь и г-жа Зитъ рѣшили, что прозелитка достаточно очищена душевно и вполнѣ подготовлена къ прямому участию въ жизни пріюта. На общемъ совѣтѣ постановлено было, что Сюзанна изучитъ ремесло сестры милосердія, и ее отдали подѣ начало жившей тутъ-же сестры Іоахимы.

Сестра Іоахима исполняла самыя разнообразныя функціи: она была пріютской экономкой, наблюдала за кухней и завѣдывала дѣтскими. Выйдя изъ крестьянской семьи, она сохранила деревенскій языкъ и манеры. Она была низкаго роста, съ большимъ животомъ, совершенно безъ всякой тали; руки у нея были большія, мужскія, на ногахъ носила грубые деревянные башмаки.

Какъ экономка, она была незамѣнима, дрожала надъ каждымъ грошомъ, и еслибы не ея скопидомство, пришлось бы сильно сократить число призрѣваемыхъ въ пріютѣ сиротъ. Когда къ ней въ первый разъ привели Сюзанну, она привѣтствовала ее не советѣмъ ласково:

— Пора, давно пора было заставить васъ работать! Мы не настолько богаты, чтобы кормить дармоѣдокъ. У насъ, слава тебѣ, Господи, не пріютъ для кающихся блудницъ!..

У Сюзанны отъ этихъ словъ слезы подступили къ горлу, но она не посмѣла заплакать и покорно послѣдовала за сестрой Іоахимой въ дѣтскія. Здѣсь, среди лежавшихъ въ колыбелькахъ дѣтей, суровая монахиня совершенно преобразилась. Она до самозабвенія любила этихъ безпомощныхъ крошекъ, и уходъ за ними былъ ея истиннымъ призваніемъ. Своими грубыми мужскими руками она съ удивительной легкостью и ловкостью поднимала и перекладывала дѣтей, причемъ ея суровыя черты освѣщались мягкой, любящей улыбкой. „Это мои крошки!“ — говорила она, и только для нихъ она забывала свою скупость и жадность. Она вѣчно мечтала объ устройствѣ новыхъ, высокихъ дортуаровъ для дѣтей, съ большими окнами и крашенными желѣзными кроватками съ дорогими балдахинами.

Ремесло сестры милосердія было Сюзаннѣ не очень по вкусу, но сестра Іоахима внушала ей такой страхъ, что она безропотно слѣдовала всѣмъ ея указаніямъ. Черезъ нѣкоторое время она даже удостоилась похвалы

рогомъ пріюта. Особенно много она говорила о своемъ Жакѣ, пользуясь случаемъ вспомнить это имя, не совершая въ то же время грѣха.

Сестра Іохима слушала ее очень внимательно.

Если-бы ты была дѣвушка съ сердцемъ, ты бы постаралась...

со стороны своей наставницы. Последняя уже на другой день знакомства стала ей говорить „ты“, охотно вступала съ ней въ разговоры, разспрашивала ее о прошлой ея жизни. Сюзанна скоро перестала дичиться ея и, немного наивная, любившая поговорить, рассказывала ей съ мельчайшими подробностями обо всѣхъ своихъ любовныхъ дѣлахъ, которыя она оставила тамъ, за по-

— Онъ богатъ, твой Жакъ? — спросила она какъ то.

— Отецъ его имѣеть большія деньги, но самъ онъ пока ничего почти не имѣеть. Впрочемъ, по отношенію ко мнѣ онъ былъ очень щедръ.

Сестра Іохима, сложивъ на большомъ животѣ свои мужицкія руки, съ минуту помолчала. Ей очень хотѣлось задать Сюзаннѣ одинъ вопросъ, но она боялась, что это произведетъ на дѣвушку скверное впечатлѣніе. Наконецъ, она рѣшилась:

— Сколько онъ тебѣ давалъ въ мѣсяцъ?

— Двѣсти франковъ.

— А когда другіе приходили къ тебѣ... ну, видѣть тебя, что ли... сколько они тебѣ оставляли?..

— Какъ случилось... Франковъ двадцать, а нѣкоторые давали и больше.

Сестра Іоахима укоризненно покачала головой и, перемѣняя какому то ребенку целенки, проворчала:

— Подлые людишки! Для нашихъ бѣдныхъ дѣтокъ у нихъ грошъ трудно вырвать, а чтобъ удовлетворить свои грязныя желанія, они никакихъ денегъ не жалѣютъ!..

Послѣ этихъ признаній со стороны Сюзанны, сестра Іоахима стала съ ней очень сурова. Она то и дѣло попрекала ее кускомъ хлѣба и каждымъ грошомъ, въ который она обходилась пріюту. Той это было очень больно, но она не жаловалась и только подолгу и часто молилась.

Однажды сестра Іоахима, словно мимоходомъ, бросила ей рѣзкимъ тономъ:

— Еслибы ты была дѣвушка съ сердцемъ, ты постаралась бы достать что-нибудь для пріюта... чтобы хоть немного покрыть наши расходы на тебя!

Сюзанна, съ подступившими къ горлу слезами, чуть слышно пробормотала:

— Я бы и сама рада!.. Если прикажете, я пойду собирать милостыню...

— Тутъ дѣло не въ милостынѣ! Неужели у тебя нѣтъ никого, кто бы тобой интересовался?

Больше она ничего не прибавила, но Сюзанна ее поняла. На другой день она пришла къ сестрѣ Іоакимѣ и робко, прерывая себя на каждомъ словѣ, сказала:

— Если вы полагаете, что это будетъ полезно, я... я, пожалуй, напишу Жаку... и попрошу у него что-нибудь...

Старуха все просіяла.

— Вотъ это идея! И какъ это она пришла тебѣ въ голову? Пиши ему, тотчасъ же пиши этому господину! Пусть онъ тебѣ дастъ немного денегъ... Скажи, что тебѣ нужно на платье...

Черезъ три дня отъ Жака пришелъ отвѣтъ. Сестра Іоакима, которой совѣмъ не было интересно, чтобы администрація пріюта знала обо всемъ этомъ, сама отправила письмо Сюзаннѣ и пошла на почту за отвѣтомъ. Жакъ приложилъ къ письму 50 франковъ и писалъ, что очень радъ былъ бы видѣть Сюзанну.

Сестра Іоакима положила деньги къ себѣ въ карманъ и поцѣловала Сюзанну.

— Ну, вотъ и хорошо! На эти деньги можно будетъ содержать одного изъ нашихъ малютокъ втеченіе цѣлаго года. Такимъ образомъ, моя милая, ты вѣрнѣе купишь свои хрѣхи, чѣмъ клюя носомъ во время почныхъ бдѣній въ часовнѣ...

Послѣ этого старуха стала очень ласкова съ Сюзанной; она позволяла ей въ свободные часы прогуливаться съ другими сестрами милосердія по парку. Паркъ былъ очень великъ и изобиловалъ прелестными, нѣжными уголками. Мало-по-малу Сюзанна воскресла душой и забывала про свое прошлое; оно казалось ей чѣмъ-то далекимъ, какъ ея дѣтство, когда она босоножкой бѣгала по улицамъ Савиньи.

Однажды утромъ сестра Іоакима отозвала ее въ сторону.

— Ты давно уже не писала этому господину, дочь моя. Напиши-ка ему еще разъ.

Сюзанна не посмѣла послушаться, но ей было очень совѣстно передъ Жакомъ, что она такъ попрошайничаетъ, и она въ письмѣ всячески извинялась за свою назойливость. Жакъ прислалъ еще 50 франковъ, но прибавилъ, что больше посылать не будетъ. „Если ты захочешь еще денегъ, пріѣзжай за ними сама, — писалъ онъ. — На письма твои, которые ты, повидному, пишешь подъ чью-то диктовку, я отвѣчать больше не буду“.

Старуха и эти деньги опустила къ себѣ въ карманъ. Втеченіе цѣлаго мѣсяца больше не было разговоровъ о Жакѣ. Но въ первыхъ числахъ іюня, она сказала Сюзаннѣ:

— У тебя нѣтъ охоты прогуляться? На дворѣ такая славная погода!

— Прогуляться? По парку?

— Нѣтъ, не по парку! Ты вѣдь тутъ не подъ замкомъ и можешь со мной поѣхать куда-нибудь.

— Куда же? — спросила Сюзанна, обрадовавшись, что сможетъ, наконецъ, обратиться за стѣны пріюта.

— Ну, хоть въ Савиньи. Мнѣ нужно побывать по дѣламъ пріюта въ банкѣ. При томъ, никто тебя не увидитъ: мы сидѣмъ въ закрытый шарабанъ; по крайней мѣрѣ, подышешь свѣжимъ воздухомъ. Г-жа Зитъ ничего противъ твоей поѣздки не будетъ имѣть, даже если узнаетъ...

—

...Шарабанъ плавно катился по бѣлой, пыльной дорогѣ. Старуха сама правила лошадей. Рядомъ съ ней сидѣла Сюзанна, которая всей грудью жадно вдыхала свѣжій воздухъ раскинувшихся по сторонамъ дороги полей. Она давно уже не выѣзжала за стѣны пріюта, и теперь у нея даже слегка кружилась голова. Въ концѣ концовъ ей все же было тяжело въ пріютѣ, и она бы съ удовольствіемъ сбѣжала изъ него. Но куда бѣжать? Рядомъ съ ней сидитъ, въ черномъ капюшонѣ, съ огромными мужицкими руками, которая совѣмъ по мужски держалъ возжи, ея суровая тюремщица...

Скоро на поворотѣ дороги показался ея родной городокъ, Савиньи. Замелькали пе-

редъ глазами черепичныя крыши, трубы, колокольни. Черезъ нѣсколько минутъ съ обѣихъ сторонъ потянулись дома предмѣстья, а за ними покрытые пылью платаны, которые окаймляли лучшія улицы города.

Сестра Іоахима слегка тронула Сюзанну за локоть.

— Что же ты тутъ будешь дѣлать въ шарабанѣ, пока я побываю въ банкѣ? Тебѣ будетъ скучно!

Сюзанна отрицательно покачала головой.

— Конечно, будетъ скучно! — настаивала та. — Знаешь что? Я хочу доставить тебѣ удовольствіе. Я остановлю лошадь около дома г. Жака. Ты можешь подняться къ нему, поздороваться съ нимъ, а я къ тому времени справлюсь въ банкѣ...

Это предложеніе взволновало Сюзанну, и въ головѣ ея въ одно мгновеніе пронесся цѣлый рой мыслей. Наконецъ, она остановилась на одной изъ нихъ: она была слишкомъ плохо одѣта, чтобы показаться Жаку.

— Нѣтъ! — пробормотала она. — Мнѣ не хочется. Я лучше подѣжду съ вами къ банку и подожду васъ.

— Это пустяки! — горячо возразила старуха. — Предоставъ ужъ мнѣ дѣйствовать. Говорю же я тебѣ, что хочу доставить тебѣ удовольствіе.

Карета покатила въ направленію къ дому, въ которомъ жилъ Жакъ, и скоро остановилась. Такъ какъ Сюзанна все еще колебалась, старуха толкнула ее и сурово сказала:

— Ну, иди же, говорятъ тебѣ! Черезъ полчаса я за тобой подѣжду.

Та, наконецъ, рѣшилась, вышла изъ кареты и медленно стала подниматься по хорошо знакомой лѣстницѣ.

„Войдите!“

Она повернула ручку двери и вошла. Жакъ, въ нижней рубашкѣ и кальсонахъ, лежалъ на диванѣ и читалъ какой-то романъ. Увидѣвъ ее, онъ вскочилъ на ноги.

— Сюзанна, ты? Какимъ образомъ?

Онъ привлекъ ее къ себѣ и сталъ осматривать. Она сильно измѣнилась. Какой у нея теперь былъ жалкій видъ въ этомъ черномъ платьѣ, съ прикрытыми бѣлыми чепцомъ, остриженными волосами.

— Это ты, мой маленькій Сюзанчикъ? — говорилъ онъ. — Что съ тобой было? Откуда ты пришла?

Она отвѣчала короткими фразами, объясняя, что она случайно очутилась около дома и что ей скоро придется уйти. Потому она совсѣмъ замолчала. Она чувствовала себя здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ она когда-то сумасбродствовала и прыгала какъ гоша, чужой и такой жалкой, несчастной. Взглянувъ на себя въ вѣщѣе передъ ней зеркало, она сама себя показала такой некрасивой, что она не могла сдержать слезъ.

У Жака тоже не было охоты говорить. Онъ усадилъ свою бывшую любовницу на диванъ и сталъ обнимать и цѣловать ее, вспоминая пережитыя съ ней чувственныя радости. Сюзанна не сопротивлялась и только тихоноко всхлипывала. Когда Жакъ сталъ смѣлѣе въ своихъ ласкахъ, она только слабо защищалась, и онъ тотчасъ же овладѣлъ ею, между тѣмъ какъ она не переставала потихоньку плакать.

Потомъ онъ снова взглянулъ на нее. На этотъ разъ его глаза не были затуманены страстью, и онъ увидѣлъ, что это была ужъ не прежняя хорошенькая созданная для любви Сюзанна. Глубокая жалость охватила его, и онъ, нѣжно наклонившись надъ нею, поцѣловалъ ее братскимъ поцѣлуемъ въ лобъ.

Въ окно донесся шумъ колесъ, и скоро къ дому подѣехала карета. Сюзанна встала, поправила на себѣ платье и сказала:

— Это за мной пріѣхали!

Жакъ порылся въ ящикѣ стола, а потомъ протянулъ Сюзаннѣ сложенную ассигнацію.

— Возьми! — сказалъ онъ, — Только никому не отдавай, это для тебя!

Она, опустивъ глаза, взяла бумажку.

— Прощай!

— Прощай!..

...Шарабанъ снова покатила по бѣлой, пыльной дорогѣ. Долго сестра Іоахима и Сюзанна ѣхали молча. Едва сѣвъ въ карету, молодая, не говоря ни слова, протянула старухѣ деньги, которыя та опустила къ себѣ въ карманъ.

Сюзанна грустно смотрѣла на тянувшіяся по сторонамъ дороги поля и время отъ

времени тихо, безъ слезъ, всхлыввала; старуха при этомъ украдкой поглядывала на нее сбоку.

Когда шарбанъ былъ уже во дворѣ пріюта, сестра Іоахима, держа за узду лошадь, которую она собиралась распречь, знакомъ подзвала къ себѣ Сюзанну.

— Тебѣ слѣдовало бы исповѣдаться предъ о. Шадурномъ, дитя мое! — вполголоса сказала она.

А когда Сюзанна разразилась слезами при мысли, что ей придется сознаться въ такомъ великомъ грѣхѣ, сестра Іоахима взяла ее за подбородокъ и принялась утѣшать:

— Не плачь, дочь моя! Вѣдь это ты дѣлаешь для нашихъ крошекъ... Можно, пожалуй, обойтись и безъ отца Шадурна...

Соперница.

Пока не явилась эта Жюльеттъ, я никогда не ревновала къ женщинамъ, за которыми ухаживалъ Морисъ, — ко всѣмъ этимъ барышнямъ и барынямъ, актрисамъ и просто поклонницамъ его. Сколько ихъ увивалось вокругъ него, такого красиваго, стройнаго, молодого! Нѣтъ, я не ревновала, — напротивъ, я гордилась его успѣхами; вѣдь часть его успѣховъ я вправѣ была отнести на свой счетъ: этотъ знаменитый художникъ былъ мой сынъ, мое дѣтище! Рано овдовѣвъ, я всецѣло отдалась воспитанію моего мальчика, — и кто посмѣетъ утверждать, что не я его сдѣлала такимъ, каковъ онъ есть!

На Мориса моего я никогда не могла жаловаться: онъ всегда былъ ко мнѣ такъ нѣженъ, внимателенъ! Онъ, такой гордый, независимый, не поддававшійся никакой школьной дисциплинѣ и изводившій тѣмъ своихъ учителей, безропотно исполняетъ всѣ мои желанія. И я горда, я счастлива! Пусть всѣ эти дѣвицы и дамы бѣгаютъ за нимъ, флиртуютъ съ нимъ, отдаются ему, — я знаю, что онѣ составляютъ для него только легкое развлеченіе, забаву; онъ мѣняетъ ихъ такъ же часто, какъ мѣняетъ лошадей для прогулки верхомъ по Булонскому лѣсу, и единственной его подругой все-же остаюсь я, его мать. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до сихъ поръ.

Онъ встрѣтилъ Жюльеттъ въ той средѣ крупной буржуазіи, которая ищетъ общества художниковъ и артистовъ. Это была еще очень молодая дѣвушка, за которой увивалось много мужчинъ. Надо ей отдать справедливость, она была хороша: золотисторыжіе волосы обрамляли тонкое лицо, кожа котораго была такъ нѣжна, что, казалось, можетъ порваться отъ поцѣлуя; глаза ея были рѣдкаго цвѣта, — цвѣта морскихъ

водорослей, — влажные съ поволокой. Она увивалась вокругъ Мориса, который, по обыкновенію, въ свою очередь сильно увлекался ею. Когда онъ ухаживаетъ за какой-нибудь женщиной, ему въ первыя шесть недѣль всегда кажется, что это его первая дѣйствительная любовь. Зная это, я вначалѣ была спокойна; но потомъ, по мѣрѣ того, какъ онъ рисовалъ ея портретъ, я понемногу начала испытывать тревогу. Я видѣла, что онъ серьезно увлекается ею; онъ смѣялся во время сеансовъ, рассказывалъ анекдоты, шутилъ, но я его слишкомъ хорошо знала и понимала, что въ немъ происходитъ что-то необычное.

Три раза онъ наново принимался за ея портретъ, но когда работа приходила уже къ концу, онъ бросалъ ее и начиналъ новое полотно. Жюльеттъ тоже была недовольна этими опытами и безъ всякаго стѣсненія говорила ему объ этомъ. Между тѣмъ, наступало лѣто, и она должна была уѣхать къ родителямъ, въ находившееся на югѣ Франціи имѣніе ихъ. Рѣшено было, что Морисъ тоже поѣдетъ съ ней, чтобы тамъ, на лонѣ природы, вдали отъ городской суетоки, сдѣлать еще одинъ опытъ: надо-же было какъ-нибудь покончить съ этимъ портретомъ!

Вплоть до самаго отъѣзда мой милый мальчикъ былъ очень грустенъ и молчаливъ. Я такъ не привыкла къ тому, чтобы онъ отъ меня скрывалъ что бы то ни было! Мнѣ было обидно за себя и больно за него. Онъ ни разу при мнѣ не произнесъ имени Жюльеттъ, а когда я сама какъ бы мимоходомъ заговаривала о ней, его лицо словно покрывалось деревянной маской.

Онъ уѣхалъ, и я осталась одна. Вернулся онъ только черезъ полтора мѣсяца — радостный, счастливый, и тутъ-же объявилъ мнѣ, что женится на Жюльеттъ.

Это было для меня такимъ ударомъ! И

я повела кампанію противъ этого брака. Я сказала ему все, что думала о ней, что слышала отъ знакомыхъ; возможно, что многіе

изъ дошедшихъ до меня слуховъ были въ значительной части лишены всякаго основанія, но мнѣ хотѣлось имъ вѣрить, и я

Три раза онъ наново принимался за ея портретъ.

старалась внушить эту вѣру и Морису. Я рассказывала ему цѣлый рядъ скандальныхъ исторій, героиней которыхъ будто-бы была

Жюльеттѣ. Онъ молча выслушалъ все это, потомъ, вдругъ поблѣднѣвъ какъ полотно, всталъ и, не говоря ни слова, вышелъ.

Вернулся онъ только поздно ночью. Онъ поцѣловалъ меня и сказалъ:

— Я прошу тебя, мама, никогда не говори со мной такъ, какъ сегодня! Всѣ эти гнусности, которыхъ ты наслушалась, недостойны тебя. Жюльеттъ — славная дѣвушка, и мы любимъ друга друга. Не ставь же меня въ печальную необходимость выбирать между ею и тобою...

Они поженились. Я ни за что не хотѣла жить съ ними вмѣстѣ, хотя оба они настаивали на этомъ. Съ двумя своими служанками я поселилась въ маленькомъ отелѣ въ окрестностяхъ Парижа. Морисъ время отъ времени прѣзжалъ ко мнѣ; по воскресеніямъ онъ обѣдалъ со мной. Невѣстку я встрѣчала только тогда, когда сама прѣзжала къ нимъ въ Парижъ.

Такъ прошло два года, которыя были самыми печальными въ моей жизни; они состарили меня на цѣлыхъ десять лѣтъ. Я ревновала такъ, какъ не ревнуетъ ни одна обманутая жена, ни одна покинутая любовница. Я ревновала къ ней не какъ къ женщицѣ: мало-ли у него до того было любовныхъ связей! Нѣтъ, она была для моего Мориса не только женой, но подругой, совѣтницей, повѣренной его думъ, — словомъ, она стала для него тѣмъ, чѣмъ была до нея я.

Въ первый годъ послѣ свадьбы, онъ не выставилъ ни одной картины, и я была почти счастлива: значить, она мѣшаетъ ему работать, — думала я. Но на слѣдующій годъ онъ выставилъ свою, такъ много на-

шумѣвшую при своемъ появленіи картину „Смерть Манонъ“, и былъ удостоенъ первой преміи. Какъ это ни дико, этотъ успѣхъ его доставилъ мнѣ много неприятныхъ минутъ, тѣмъ болѣе, что въ Манонъ я узнала свою невѣстку: она служила ему моделью.

Я рассказала ему цѣлый рядъ скандальныхъ исторій.

Морисъ не забывалъ меня. Наоборотъ, я стала замѣчать, что чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становится все внимательнѣе ко мнѣ; визиты его учащались и дѣлались продолжительнѣе. Я видѣла, что онъ страдаетъ, но Морисъ молчалъ, хотя чувствовалось, что ему хочется облегчить свою душу. Я, впрочемъ, и не дѣлала попытокъ вызвать его на откровенность: пусть выпьетъ чашу страданій до дна; когда ему станетъ совсѣмъ ужъ не въ моготу, онъ, разбитый, измученный душевно, вернется къ своей старой матери.

Теперь, когда невѣстка заставляла страдать моего сына, я перестала ее ненавидѣть. Когда они переживали свой медовый мѣсяцъ, я ничего не хотѣла знать объ ихъ жизни, но въ эти дни, когда надъ ихъ совместной жизнью нависли тучи, меня стала интересовать каждая мелочь въ ихъ отношеніяхъ. И я сразу все поняла. Моя невѣстка не завела еще себѣ любовника, но ясно было, что онъ скоро у нея появится.

Какъ-то разъ я присутствовала на одномъ изъ ихъ пріемовъ, и я видѣла того, который не сегодня — завтра долженъ былъ сдѣлаться любовникомъ Жюльетты. Это былъ

одинъ изъ ея старыхъ поклонниковъ. Онъ еще до ея замужества немного кружилъ ей голову, и теперь настойчиво, и далеко не безъ успѣха, опутывалъ ее любовными сѣтями.

— — —

. . . Я ликовала. Полная вѣры въ близкую побѣду, я вернулась въ свой отель въ окрестностяхъ Парижа. И я не ошиблась: полтора мѣсяца спустя мой Морисъ, задыхаясь отъ ярости, сообщилъ мнѣ о гнусной измѣнѣ жены. Я слушала его и благодарила Господа, что онъ вернулъ мнѣ моего сына.

Я побѣдила свою соперницу!

Дочь.

(Изъ дневника.)

... Какъ страстно хотѣла я и какъ безумно боялась возвращенія дочери!

Тогда, тринадцать лѣтъ тому назадъ, мнѣ такъ больно было разставаться съ нею; она была совсѣмъ еще дѣвочкой, прелестной со своими свѣтлыми глазками и волнистыми бѣлокурыми волосами, со своими манерами маленькой женщины. Но онъ, мой другъ, былъ неумолимъ: онъ недавно пережилъ изъ-за нашей незаконной любви столько неприятностей, вплоть до полицейскаго вмѣшательства и угрозы судебного процесса, — и ни за что не соглашался, чтобы моя дѣвочка осталась съ нами.

— Нѣтъ, нѣтъ! — нервно, съ раздраженіемъ въ голосѣ, говорилъ онъ. — У нея глаза, волосы и манеры отца, она его дочь, а все, что связано съ нимъ, возбуждаетъ во мнѣ острую ненависть и отвращеніе. Я готовъ все сдѣлать для ея воспитанія, но при условіи, что она будетъ по меньшей мѣрѣ за сто миль отсюда... Я или она, — выбирай!

„Выбирай!“ — легко сказать. Я была такъ несчастна, такъ одинока; послѣ того, что произошло, всѣ отъ меня отвернулись, и кромѣ него, моего друга, мнѣ не на кого было опереться. Притомъ... такъ ужъ и быть, сознаюсь: я любила его и не представляла себѣ, какъ могла бы я жить безъ него. При такихъ условіяхъ я, естественно, согласилась на всѣ его требованія.

Въ тотъ же день я отвезла ее въ Бордо, въ пансіонъ, а сама вернулась въ Парижъ. Бѣдная дѣвочка цѣлыхъ тринадцать лѣтъ прожила вдали отъ меня, и за все это время никто не пріѣзжалъ за ней по воскресеньямъ, и даже каникулы она проводила въ пансіонѣ. По счастью, она была не одна: какія-то двѣ дѣвочки-креолки, родители которыхъ жили гдѣ-то да-

леко на островахъ, тоже круглый годъ безвыходно проводили въ пансіонѣ. Правда, я ежегодно, около Пасхи, наѣзжала въ Бордо и проводила недѣлку съ моей дѣвочкой. Каждый годъ я находила въ ней крупныя переменны. Вначалѣ я съ грустью замѣчала, что она дурнѣетъ: она была такая невзрачная, неуклюжая, съ блѣднымъ, нездоровымъ цвѣтомъ лица, что мнѣ больно бывало смотреть на нее. Но три года тому назадъ, когда я, по пріѣздѣ въ Бордо, по обыкновенію ждала въ пріемной пансіона выхода дочери, въ дверяхъ показалась прелестная дѣвушка съ вполне развитыми формами, съ розовыми щеками — и я едва узнала въ ней свою Люси.

Я всегда съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю тѣ темныя дни, которые я проводила въ Бордо съ дочерью. Мы частенько совершали прогулки пѣшкомъ или катались въ лодкѣ до самаго Лормона. Мужчины то и дѣло оглядывались на насъ и часто по долгу слѣдовали за нами, держась на почтительномъ разстояніи; не знаю, кто ихъ привлекалъ — я или Люси!

Съ тѣхъ поръ, какъ мужъ умеръ, мой другъ сталъ значительно мягче относиться къ Люси; онъ часто заговаривалъ со мной о ней, интересовался ея успѣхами, слѣдилъ за ея отбѣтками. Онъ даже подарилъ мнѣ изящную рамку для ея портрета.

И все же я сильно тревожилась въ ожиданіи ея возвращенія изъ пансіона. Дольше оставлять ее тамъ было неудобно: ей скоро должно было исполниться 18 лѣтъ. Она вѣдь не знала о характерѣ моихъ отношеній къ тому, кто для меня замѣнилъ ее покойнаго отца. Моя бѣдная дѣвочка, какъ будто догадываясь объ истинномъ положеніи вещей, никогда не спрашивала меня, почему я не хочу, чтобы она жила вмѣстѣ со мной.

А я... я соврала ей, что Парижскій воздухъ вреденъ для ея здоровья...

Разъ вечеромъ, когда другъ мой былъ въ хорошемъ настроеніи, я заговорила о томъ, что Люси уже взрослая дѣвушка и что ее пора взять изъ пансіона. Я даже не выразила желанія, чтобы она жила съ нами, а просто спросила его совѣта относительно того, какъ мнѣ съ ней поступить.

Онъ подумалъ немного и сказалъ:

— Ничего не подѣлаешь, дорогая! Люси должна остаться съ нами: не выгнать же ее на улицу!

— Но, — нерѣшительно замѣтила я, — она вѣдь не знаетъ, что я... что мы такъ... близки...

Онъ покраснѣлъ и разсердился.

— Ну, что касается этого, ужъ извини, милая! Я вовсе не намѣренъ ради этой дѣвочки отказать отъ своихъ привычекъ. И что за манія у женщинъ вѣчно секретничать! Я не понимаю, почему не сказать ей правду: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Если ты сама не скажешь ей, она все равно узнаетъ...

Я поняла, что на этотъ разъ не стоить продолжать разговоръ. На другой день онъ самъ къ нему вернулся.

— Послушай! — заговорилъ онъ. Я подумалъ и... Дѣло въ томъ, что мнѣ нужно на нѣкоторое время съѣздить по дѣламъ въ Руанъ. Я тамъ пробуду недѣли двѣ. Ты пока выйдешь сюда Люси и объяснишься съ ней. Она взрослая дѣвушка и все пойметъ. Когда я вернусь изъ Руана, все, я надѣюсь, будетъ уже улажено.

Онъ былъ правъ. Я чувствовала, что такъ и только такъ, надо дѣйствовать. Но когда Люси пріѣхала, и наступилъ рѣшительный моментъ, у меня не хватило духа сказать ей всю правду. Она съ удивленіемъ наталкивалась въ квартирѣ на разные мелочи мужского туалета — шляпы, палки, перчатки, по на все ея вопросы я малодушно

отвѣчала, что это вещи покойнаго отца. Я лгала ей и тогда, когда получила уже письмо отъ друга, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что въ тотъ же вечеръ пріѣзжаетъ.

Ахъ, этотъ ужинъ, потомъ этотъ вечеръ, которые мнѣ пришлось провести въ обществѣ Люси и моего друга!

Въ общемъ, другъ мой очень мило встрѣтилъ Люси; онъ нашелъ, что она стала совсѣмъ красавицей, и все время весело болталъ съ ней. Но при этомъ онъ то и дѣло ронялъ неосторожныя словечки, которыми говорили о нашей близости, и я каждый разъ испытывала смертельную тревогу: „Боже мой! — говорила я себѣ — она еще, чего добраго, пойметъ!“

Я старалась возможно дольше оттянуть часть, когда надо было идти спать, и предложила играть въ карты. Другъ мой проигрывалъ, первичалъ, и когда пробило десять, воскликнулъ:

— Ну, будетъ! Идемъ спать!

Надо было рѣшиться, дальше тянуть было опасно.

— Иди къ себѣ, милая, — сказала я дочери, — и подожди меня; мнѣ нужно сказать тебѣ кое-что...

Черезъ нѣсколько минутъ я уже была въ ея комнатѣ и, съ видомъ идущаго на казнь преступника, подошла къ ней совсѣмъ близко.

— Послушай, Люси! Я должна сообщить тебѣ нѣчто очень, очень важное. Не осуждай свою мать, дитя мое: еслибъ ты знала, какъ печально сложилась моя жизнь... Человѣкъ, съ которымъ мы сегодня провели вечеръ...

Но Люси быстро закрыла мнѣ рукой ротъ и воскликнула:

— Не надо, мамочка, не надо! Не говори! Я сама знаю... Я все угадала давно уже... И я люблю, люблю тебя...

Долго въ эту ночь мы сидѣли обнявшись и тихо плакали.

Институтки.

Дѣйствіе происходитъ въ аристократическомъ пансіонѣ, во время большой перемены.

Двѣ ученицы старшаго класса, усѣвшись рядомъ въ огромной, пустой теперь, классной и, облокотившись на парты, оживленно о чемъ то бесѣдуютъ.

Обѣ блондинки, обѣ хорошенькія, но каждая въ своемъ родѣ. У Люсилъ тонкая, стройная фигура; ея хорошенькое личико черезчуръ блѣдно; глаза у нея сѣро-голубые, а волосы золотисто-пепельнаго цвѣта. Въ общемъ, она похожа на англичанку. Жюльета же — маленькая, пухленькая, съ зеленоватыми глазами, рыжими волосами и рѣзкими движеніями.

Весна въ полномъ разгарѣ. Черезъ открытыя окна изъ парка проникаетъ запахъ сирени.

Жюльета. Вотъ увидишь, — мы сегодня же получимъ письмо отъ Маргариты. Давай сосчитаемъ: вѣнчалась она въ понедѣльникъ; въ тотъ же вечеръ они поѣздомъ уѣхали въ Ниццу, куда должны были пріѣхать въ три часа; значитъ, въ среду утромъ она насчитывала уже двѣдѣсять сутки послѣ свадьбы

и, надо думать, тотчасъ-же написала намъ... Теперь дальше: письмо должно было прибыть сюда въ четвергъ вечеромъ. Алиса Летелье (счастливица! она не заперта, какъ мы, въ этомъ глупомъ пансіонѣ!) общала зайти на почту, когда будетъ возвращаться со своей боной послѣ завтрака. Если письмо прибыло, она намъ его тотчасъ же принесетъ.

Люсилъ. (задумчиво) Да, да... Я совсемъ забыла, что сегодня ужъ пятница...

Жюльета. (волнуясь) Хоть бы ужъ скорѣе пришла Алиса! Маргарита намъ, павѣрное, все разскажетъ въ своемъ письмѣ. Я сгораю отъ нетерпѣнія! Вѣдь, даже изъ взрослыхъ ученицъ ни одна толкомъ не знаетъ, что бываетъ послѣ свадьбы.

Люсилъ. Неужели никто?

Жюльета. Можетъ быть, нѣкоторыя и знаютъ, но почему то не хотятъ въ этомъ сознаться. Въ сущности, это ужасно глупо! Еслибъ я что нибудь узнала, я бы ужъ разсказала вамъ все подробно. За это я тебѣ ручаюсь. А ты?

Люсилъ. Я тоже, конечно... (молчаніе. Обѣ задумались).

Жюльета. (вполголоса) Ну, а ты сама что на этот счет думаешь, Люсиль?

Люсиль. Должна тебе сознаться, что я почти не думаю об этом. Къ чему ломать голову надъ тѣмъ, что мы все равно узнаемъ черезъ 2-3 года?

Жюльета. Однако ты, милая, совѣмъ не любопытна! Ты, значитъ, выйдешь замужъ, совѣмъ не зная, въ чемъ дѣло! Ну ибѣтъ, благодарю покорно! Что касается меня, я хочу все доподлинно узнать завтра же... (съ гордостью) Кое что я уже знаю!

Люсиль. Въ самомъ дѣлѣ? Что же ты знаешь? Милая, голубушка, скажи и мнѣ!

Жюльета. Ну, вотъ еще, — къ чему я стану тебе говорить? Вѣдь это тебя совѣмъ не занимаетъ!

Люсиль. (цѣлуя Жюльету) Какая ты глупенькая! Неужели ты допускаешь, что меня это не интересуетъ? Я только терпѣть не могу думать о томъ, что мнѣ не понятно. Къ тому же, мнѣ всегда немножечко стыдно заговаривать объ этомъ... Я даже до сихъ поръ не рѣшилась рассказать тебе... о купальщикѣ...

Жюльета. (удивленно) О какомъ купальщикѣ!

Люсиль. Ну, знаешь, тотъ... изъ Кобурга... Старый такой, некрасивый... Ему ужъ навѣрно за пятьдесятъ... Онъ меня училъ плавать и... — только обѣщай мнѣ, что ты не будешь смѣяться... — Мнѣ въ ту же ночь снилось, что онъ пришелъ ко мнѣ и сталъ меня обнимать... Ахъ, какъ мнѣ было страшно! (молчаніе) А тебе кто нибудь снился?... Навѣрно, твой кузенъ Генрихъ, который такъ ухаживаетъ за тобой? Сознайся, вѣдь я угадала?

Жюльета. (краснѣя) Да нѣтъ же! Какая ты дурочка! Мнѣ приснился не кузенъ Генрихъ, а наѣздникъ, котораго я видѣла въ лѣтнемъ театрѣ... Ахъ, какой онъ красавецъ! Я никогда раньше не видала такого! Его звали Джимъ-Джимъ. У него были прекрасные черные волосы, раздѣленные посрединѣ пробормомъ, удивительные черные глаза и великолѣпные усы. Трико до такой степени сливалось съ цвѣтомъ его кожи, что онъ казался совершенно голымъ; онъ мнѣ страшно нравился, но мнѣ стыдно было смотрѣть на него.

Люсиль. И тебе приснилось, что онъ... пришелъ къ тебе... ночью...

Жюльета. Да!

Люсиль. Страшно было?

Жюльета. (просто) Нѣтъ, нисколько! Напротивъ! (продолжительное молчаніе).

Люсиль. А тебе не кажется дурнымъ, что мы говоримъ о такихъ вещахъ?

Жюльета. (пожимая плечами) Что же тутъ дурного?... Вѣдь, мы говоримъ о замужествѣ, которое ждетъ каждую изъ насъ. Еслибъ это даже и было грѣшно, и то не бѣда: исповѣдуемся потомъ у нашего духовника; по счастью, онъ такъ глухъ, что можно рассказывать ему все, что угодно, — онъ и ухомъ не поведетъ! Это не то, что молодой кюрэ изъ Руана. О, тотъ и слова не пропуститъ. А какія клятвы онъ заставляетъ давать. Я просто боялась подумать о чемъ-нибудь дурномъ, — такъ меня пугала мысль, что придется потомъ исповѣдываться передъ нимъ!..

Люсиль. Вотъ и Алиса! (обѣ радостно бросаются навстрѣчу двѣнадцатилѣтней Алисе, покрываятъ ее поцѣлуями, усаживаютъ на колѣни и любовно тормозятъ ее). „Есть письмо?“ — спрашиваетъ Жюльета. — Алиса съ серьезнымъ видомъ вынимаетъ письмо изъ кармана и передаетъ имъ. Ее отпугають, наградивъ множествомъ поцѣлуевъ и плиткой шоколада.

Жюльета. (Съ серьезнымъ видомъ распечатывая конвертъ). Ну, наконецъ-то мы все узнаемъ!.. Я такъ волнуюсь! (разворачивая письмо) Четыре страницы! (читають обѣ разомъ, склонившись надъ письмомъ, такъ что волосы ихъ смѣшиваются.)

„Моя дорогая Жюльета, какъ видишь, я держу свое слово... Вчера только вечеромъ я пріѣхала въ Ниццу, а сегодня утромъ, едва успѣвъ соскочить съ постели, уже пишу тебе, — даже раньше, чѣмъ мамѣ. О, ты можешь быть вполне увѣрена, я никогда не забуду мою милую Лету и славные дни, которые мы съ ней провели въ пансіонѣ! (слѣдуютъ нѣжные эпитеты, воспоминаніе о пансіонѣ, о паркѣ, часовнѣ и т. д.)

„Путешествіе наше было восхитительно. Я отлично выспалась въ роскошномъ спальномъ вагонѣ, а когда проснулась, моимъ

глазамъ представилась изумительная по красотѣ панорама. Знойное солнце юга обливало все вокругъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Представь себѣ (идеть описаніе мѣстности между Марселемъ и Ниццей; въ риторическихкихъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ учебниковъ словесности, описывается лазурное небо, Средиземное море, отвѣсныя скалы и т. д. Люсиль и Жюльета быстро пробѣгаютъ глазами эти мѣста въ письмѣ) „Жакъ такъ внимателенъ ко мнѣ („А, наконецъ-то!“) — разомъ восклицаютъ Люсиль и Жюльета — это такой предупредительный, и веселый спутникъ... (Слѣдуетъ перечень достоинствъ Жака).

„Мы остановились въ англійской гостиницѣ, гдѣ чувствуемъ себя отлично. (Подробно описывается комната, обѣдъ и ужинъ за табль-д'отомъ и т. д.)

„Словомъ, дорогая Жюльета, Ницца великолѣпна, Жакъ очень добръ, и я счастлива.

Выходи скорѣе замужъ и будь такъ же счастлива, какъ я! Цѣлую тысячу разъ

Твоя Маргарита!“

Молодыя дѣвушки нѣкоторое время молча смотрять другъ на друга.

Жюльета. Ну, что ты скажешь на это письмо? Противная Маргарита! Очень мнѣ нужно ея Средиземное море, Жакъ, англійская гостиница! Можно было бы подумать, что она парочно издѣвается: о самомъ главномъ, что меня такъ интересуетъ, — ни слова!

Люсиль. Она, быть можетъ, забыла...

Жюльета. Ну, нѣтъ! Она просто поступила такъ, какъ поступаютъ всѣ другія. Стоитъ имъ только выйти замужъ, — тотчасъ они начинаютъ изъ этого дѣлать секретъ. (Въ досадѣ комкаетъ письмо.) Ну, ничего! Такъ или иначе, а я узнаю въ чемъ дѣло... хотя бы даже для этого мнѣ пришлось обратиться за помощью къ кузену Генриху!

Замокъ Огенуарь.

I

Замокъ Огенуарь, названный такъ по имени исконныхъ его владѣльцевъ, суровыми, мрачными стѣнами своими возвышается на невысокихъ, утопающихъ въ зелени холмахъ. Четырехугольныя башни его потемнѣли отъ времени и поросли мохомъ; и теперь еще можно видѣть вдѣланныя въ нихъ огромныя, заржавѣвшія кольца, къ которымъ, какъ гласитъ преданіе, владѣльцы замка приковывали плѣнныхъ враговъ.

Заднимъ фасадомъ своимъ, еще болѣе мрачнымъ, замокъ Огенуарь примыкаетъ къ густому сосновому лѣсу, между деревьями котораго, среди густой зелени мха, бѣгутъ съ тихимъ журчаніемъ ручьи. Нѣсколько въ сторонѣ отъ замка находится историческая

Около замка находится гробница одного изъ владѣльцевъ его.

гробница одного изъ владѣльцевъ его; на тяжелой гранитной глыбѣ лежитъ, со скрещенными на груди руками и съ собакой у ногъ, высѣченная изъ камня фигура покойника.

Замокъ мало извѣстенъ туристамъ, которые лишь изрѣдка заглядываютъ сюда. Но тѣ, которымъ случается побывать здѣсь, испытываютъ такое чувство, какъ еслибы они, по мановенію какого-нибудь волшебника, вдругъ перенеслись въ далекую, сѣдую старину: до того замокъ сохранилъ рѣзкую печать средневѣковья. Кажется даже страннымъ, какъ могутъ въ этихъ поросшихъ мхомъ гранитныхъ стѣнахъ обитать живые люди, одѣвающиеся по современному.

А между тѣмъ, въ замкѣ живутъ. Около полудня собирается за столомъ въ старинной залѣ съ мрачными, высокими сводами, три челоуѣка: старая, страдающая подагрой дама, молодая женщина, еще очень красивая, съ темными волосами и нѣсколько усталымъ лицомъ, и похожій на испанца, высокій, безбородый молодой челоуѣкъ.

Все они ѣдятъ молча.

Стѣны замка, выдавшія на своемъ вѣку много кровавыхъ драмъ, быть можетъ, ни разу не были свидѣтелями такой страшной, безмолвной драмы, которая, вотъ уже вте-

ченіе пяти лѣтъ, пзо дня въ день разгрывается между единственнымъ обитателями этихъ высокихъ, мрачныхъ залъ.

Старую даму зовуть маркизой де Сейсакъ. Въ молодости она была очень хороша и блистала при Тюльерійскомъ дворцѣ какъ одна изъ звѣздъ первой величины. Черезъ годъ послѣ выхода замужъ за маркиза де Сейсака, принадлежавшаго къ высшему ландогскому дворянству, у нея родился сынъ Викторъ; мать поцѣловала ребенка, и его тотчасъ же отвезли въ деревню, гдѣ его выкормила здоровая крестьянка.

За шесть лѣтъ своего пребыванія въ деревнѣ, Викторъ видѣлъ родителей не больше трехъ разъ; мать вела веселую придворную жизнь и почти совершенно забыла, что у нея есть сынъ. Но скоро разразилась франко-прусская война; маркизъ былъ убитъ въ какомъ-то сраженіи, Имперія пала, развеселой придворной жизни пришелъ конецъ.

Маркиза, скрѣпя сердце, вынуждена была поселиться въ оставленномъ ей мужемъ замкѣ Огенуаръ. Теперь-то она вспомнила, что она мать; весь пылъ души своей, который она до того расточала въ любовныхъ интригахъ, она съ этого дня перенесла на своего сына. Послѣдній сдѣлался идоломъ какъ самой маркизы, такъ и всѣхъ окружающихъ; его не воспитывали, ничему не учили и только потворствовали его капризамъ.

Въ двадцать лѣтъ молодой Сейсакъ сталъ типичнымъ гасконскимъ кадетомъ, какіе и теперь еще встрѣчаются время отъ времени; это былъ повѣса, картежникъ и страстный любитель лошадей. Парижъ, куда по его желанію отправила его мать, скоро утомялъ его; потерявъ не мало силъ, онъ вернулся въ Огенуаръ и заявилъ матери, что рѣшилъ жениться.

Маркиза пошла на встрѣчу его желанію. Нѣсколько дней спустя она пригласила къ себѣ кой-кого изъ окрестнаго дворянства. Между гостями былъ пѣкій Бушъ, человекъ лѣтъ подь 50. Происходя изъ хорошей дворянской фамиліи, онъ, какъ и большинство дворянъ того времени, сильно разстроилъ свое состояніе; чтобы поправить немного дѣла, онъ поѣхалъ въ южную Америку и пятнадцать лѣтъ спустя вернулся

во Францію, наживъ три милліона. Въ Америкѣ онъ женился на испанкѣ и тамъ же похоронилъ ее. Онъ привезъ съ собою во Францію дочь 12 лѣтъ, которую тотчасъ же отдалъ на воспитаніе въ монастырь, въ окрестностяхъ Бордо. Самъ онъ устроился въ доставшемся ему отъ родителей домѣ, въ Рокфорѣ, при чемъ очень богато обставилъ его. Привезъ онъ съ собой изъ Америки и лакея, молодого Жозе, который ни за что не хотѣлъ разстаться съ господами.

Маркиза де-Сейсакъ давно уже лелѣяла мысль женить своего Виктора на дочери милліонера Буша. Викторъ, по возвращеніи изъ Парижа, тоже принялъ твердое рѣшеніе жениться только на богатой, и поэтому вполне одобрилъ выборъ матери. Маргарита Бушъ, только что окончившая свое воспитаніе въ монастырѣ, была къ тому же красивой дѣвушкой. Викторъ, котораго она знала еще подросткомъ, ей нравился, и скоро молодые люди поженились.

II

Первые два года ихъ совмѣстной жизни были въ общемъ довольно счастливы, хотя Маргарита за это время потеряла отца, умершаго черезъ полгода послѣ ея свадьбы отъ воспаленія легкихъ. Викторъ страстно любилъ Маргариту, которая безспорно была самой соблазнительной изъ всѣхъ женщинъ, съ какими ему когда-либо приходилось встрѣчаться. Но время скоро погасило въ немъ огонь страсти, и онъ сталъ искать любовныхъ интригъ на сторонѣ; у него завелись безчисленные романы съ горничными и крестьянками окрестныхъ деревень, и онъ сталъ значительно чаще прежняго ѣздить въ Бордо и Тулузу.

Маргарита, обманутая и оскорбленная, обратилась за защитой къ маркизѣ де-Сейсакъ; но послѣдняя только посмѣялась надъ ней, сказавъ, что всѣ мужчины таковы, что ее тоже не разъ обманывалъ покойный мужъ, но она изъ этого не дѣлала трагедій.

Съ этого дня отношенія между двумя женщинами, никогда, впрочемъ, не отличавшіяся особой нѣжностью, стали почти враждебными. Маргарита замкнулась въ

себѣ, по цѣлымъ днямъ и ночамъ страстно мечтая о томъ, какъ бы отомстить мужу и свекрови. Она чувствовала, что здѣсь, въ стѣнахъ этого мрачнаго, полнаго кровавыхъ воспоминаній замка, всѣ и все на сторонѣ ея мужа, что она здѣсь чужая и что ей никогда не простятъ текущей въ ея жилахъ испанской крови.

И она зажила въ замкѣ отрѣзаннымъ ломтемъ, въ атмосферѣ враждебныхъ усмѣшекъ и презрительныхъ взглядовъ. Одинъ только Жозе, который по смерти стараго Буша поселился, по желанію Маргариты, въ замкѣ, былъ ей слѣпо преданъ, и она чувствовала, что онъ пойдетъ за ней въ огонь и воду. Онъ напоминалъ ей родныхъ преріи,

У него завелись романы съ крестьянками окрестныхъ деревень.

среди которыхъ она выросла и по которымъ такъ тосковала теперь. Съ нимъ она могла говорить на родномъ языкѣ, который окружающіе такъ презирали въ этомъ гордомъ, холодномъ замкѣ.

... Въ одну февральскую ночь, — это было уже лѣтъ пять послѣ замужества Маргариты, — когда маркиза, по обыкновенію, не была дома, въ замкѣ поднялся страшный переполохъ. На тревожные вопросы Маргариты, въ чемъ дѣло, ей сказали, что

мужа ея только что привезли раненымъ, въ безсознательномъ состояніи.

Она бросилась къ нему и увидѣла его съ глубокой раной на вискѣ, почти умирающаго. Черезъ нѣсколько часовъ онъ испустилъ духъ. Какъ она ни допытывалась, отъ нея упорно скрывали правду и говорили, что маркизъ по дорогѣ изъ Бордо упалъ съ лошади. Но начавшееся судебное слѣдствіе пролило свѣтъ на это темное дѣло: выяснилось, что маркизъ былъ смертельно раненъ въ схваткѣ съ матросами, въ одномъ изъ публичныхъ домовъ Бордо.

Втеченіе нѣсколькихъ недѣль эта грязная исторія не сходила со столбцовъ мѣстныхъ и отчасти парижскихъ газетъ. Молодой вдовѣ пришлось испить чашу позора до дна. Подъ первымъ впечатлѣніемъ происшедшаго, она приняла было рѣшеніе вернуться, въ сопровожденіе Жозе, въ Америку, но потомъ передумала: ей хотѣлось отомстить за свою загубленную молодость, за свою поруганную честь. Мужу она мстить не могла: ему теперь никакая уже месть не была страшна; и она рѣшила отомстить старой маркизѣ, которая неутѣшно оплакивала своего сына.

Вечеромъ того дня, когда ей сообщили, что слѣдствіе по дѣлу убійства ея мужа прекращено за невозможностью найти убійцу, молодая маркиза позвала къ себѣ въ комнату Жозе.

— Ты вѣдь любишь меня, не правда-ли? — спросила она, едва онъ вошелъ.

— О, да, синьора! Я люблю васъ, какъ Бога!

— Нѣтъ, ты меня любишь не какъ Бога, а какъ мужчина любить женщину. Молчи, я знаю, что это такъ. Ты полюбилъ меня еще совсѣмъ дѣвочкой, когда училъ меня ѣздить верхомъ. Ради меня ты послѣдовалъ за нами во Францію; потомъ, уже будучи въ монастырѣ, я не разъ видѣла, какъ ты по воскресеньямъ бродишь вокругъ монастырскихъ стѣнъ въ надеждѣ хоть мелькомъ увидѣть меня; а когда я выходила замужъ, ты въ церкви, во время вѣнчанія, рыдалъ какъ женщина. . .

Жозе упалъ передъ ней на колѣни и воскликнулъ:

— Простите, простите меня! Я никогда никому не говорилъ объ этомъ, я все время старался не показать вамъ. . .

— Да, это вѣрно: ты ни на минуту не забывалъ разницы нашихъ положеній. Ну, такъ слушай же, Жозе, что я тебѣ скажу! Какъ ты меня находишь? Вѣдь, несмотря на все пережитое, я еще хороша, не правда-ли? Смотри!

Она отбросила легкую кружевную накидку, прикрывавшую ея глубоко вырѣзанный на груди корсажъ.

— Вы прекрасны. . . прекрасны, какъ Богоматерь! — бормоталъ, сверкая глазами, обезумѣвшій отъ страсти Жозе.

— Хорошо же! Я буду твоей любовницей, слышишь? Ты сегодня же займешь въ моей спальнѣ мѣсто покойнаго мужа; ты будешь моимъ любовникомъ до тѣхъ поръ, пока ктонибудь изъ насъ двоихъ не умретъ. Ты не вѣришь ушамъ своимъ? Между тѣмъ, я говорю серьезно: ты будешь моимъ любовникомъ. Я сейчасъ же отдамъ тебѣ, хочешь? . .

При этихъ словахъ она стала разстегивать свой корсажъ и, склонившись обнаженной грудью надъ все еще стоявшимъ на колѣняхъ молодымъ человѣкомъ, гипнотизируя его взглядомъ, повторяла:

— Да, да, твоей любовницей. . . хочешь?

Кровь ударила ему въ голову, и онъ, вскочивъ съ колѣнъ, хотѣлъ было схватить ее.

— Подожди, не сейчасъ еще! — повелительнымъ жестомъ остановила она его. — Ты долженъ сначала завоевать меня. Ты долженъ дать мнѣ клятву. . .

— Въ чемъ? — въ изступленіи страсти крикнулъ онъ. — Можетъ быть, надо убить кого-нибудь?

— Нѣтъ, никого не надо убивать. . . по крайней мѣрѣ, теперь. . . Но ты долженъ поклясться, что ты во всемъ будешь слѣпо повиноваться мнѣ и будешь дѣлать все, что я захочу. Согласенъ? Ну, такъ вотъ: завтра, когда прозвонитъ обѣденный колоколь, ты сойдешь вмѣстѣ со мной въ столовую и сядешь за столъ, между мной и старой маркизой. . .

— Слушаю!

— То же самое ты сдѣлаешь вечеромъ, за ужиномъ; послѣ ужина ты останешься сидѣть съ нами. Если тебѣ захочется поцѣловать меня или посадить къ себѣ на

колѣни, — не стѣсняйся и дѣлай это въ присутствіи маркизы.

— Слушаю!

— Если кто нибудь изъ слугъ не окажется тебѣ достаточнаго почтенія, я прогоню его, а если кто нибудь меня оскорбитъ, — ты убьешь его, не правда-ли?

— О, да!

— Ты клянешься?

— Клянусь Иисусомъ!

— Хорошо! Теперь я твоя, можешь взять меня...

Жозе схватилъ ее въ объятія и понесъ на постель, на подушкахъ и простыняхъ которой красовался вышитый гербъ маркизовъ Сейсакъ.

—

Не одинъ годъ прошелъ съ этой памятной ночи, а Маргарита все еще не насытилась своей страшной местию.

Старая маркиза вначалѣ протестовала

было и отказывалась сидѣть за столомъ рядомъ съ лакеемъ. Но Жозе, не обращая вниманія на протесты страдавшей подагрой старухи, насильно подкатывалъ кресло, въ которомъ она сидѣла, къ столу. Въ первое время она почти не дотрагивалась, опять таки въ видѣ протеста, къ ѣдѣ, но голодъ скоро заставилъ ее отказаться отъ этой тактики.

Теперь старая маркиза окончательнo побѣждена. Съ несказанной мукой въ сердцѣ она изо дня въ день, изъ часа въ часъ, видитъ, какъ лакей занимаетъ мѣсто ея сына въ ихъ историческомъ замкѣ, какъ онъ ласкаетъ и цѣлуетъ ея невестку.

Временами гордой аристократкѣ становится не въ могоу выносить эти пытки, и она молитъ Бога, чтобы онъ поскорѣ послалъ ей избавительницу — смерть; но смерть какъ бы являясь соучастницей задуманной Маргаритой страшной мести, медлитъ избавить отъ страданій несчастную маркизу де-Сейсакъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	стр.
Куколка	7
Мой братъ Гюи	39
Сошлись	43
Господинъ Пуавръ	47
Сжальтесь	53
Утренняя почта	56
Доброе сердце	58
Неудача	63
Призраки прошлаго	67
Двадцать восемь дней	71
Семинаристъ	75
Сестра Иоахима	80
Соперница	86
Дочь	90
Институтки	93
Замокъ Огенуаръ	96

ПОЛНАЯ БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

О. МИРБО

Аббатъ Жюль

Иллюстраціи Эрмана Поля.
Авторизованный переводъ Н. Я. Тасина.

Русское Книгоиздательство въ Парижѣ
9, rue de l'Eperon, Paris (VI).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

144 — ПОЛНУЮ БИБЛИОТЕКУ — 144 ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Единственное на русскомъ языкѣ, богато иллюстрированное, роскошное и въ то же время самое **дешевое** издание.

Изящные, художественно-исполненные парижскіе переплеты.

Войдя въ соглашеніе съ крупнѣйшими парижскими книгоиздательствами, мы приобрѣли въ исключительную собственность право воспроизведенія на русскомъ языкѣ ихъ изданій.

Всѣ переводы авторизованы

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ:

№ 1 — Жанъ Ришпэнъ, „Тина“ (иллюстр. Л. Деруссо). № 2 — Поль Вуржэ, „Преступленіе“ (иллюстр. Старасса), № 3 — Э. Родъ, „Мишель Тесье“ (иллюстр. Тронсе), № 4 — Жипъ, „Романъ Котика“ (иллюстр. Рене Венсена). № 5 — Просперъ Мери-ме. „Графиня Діана“ (Историч. романъ. Иллюстраціи Эдуарда Тудуза). № 6 — М. Прево „Около любви“. (Иллюстр. Форе, Кузена, М. и Ж. Абейэ и др.).

Сейчасъ печатаются: № 7 — О. Мирбо. „Аббатъ Жюль“. (Иллюстраціи Германнъ-Поля); № 8 — П. Лоти „Исландскій рыбакъ“ (иллюстр. Э. Рюдо); № 9 — Жофруа „Дѣти Улицы“ (иллюстр. Лобель-Риша).

Готовятся къ печати: № 10 — Э. Золя. Рассказы. № 11 — Г. де-Мопассанъ. По-смертные рассказы. № 12 Анатолю Франсъ, „Преступленіе Сильвестра Боннара“ № 13 — Анри Лавданъ, „Парижанки“, № 14 — А. Додэ, „Тартаренъ изъ Тараскона“, № 15 — Эдм. Гонкуръ, „Падшая“.

ЦѢНА первой серіи (**24** книги) съ пересылкой и доставкой на домъ по предварительной подпискѣ — **14 руб.** ЦѢНА всей библиотеки въ **144** книги — **84 руб.** Съ 12-ю роскошными переплетами — **20** и **120 руб.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ на серію — **3 руб.** и ежемѣсячно по **2 руб.** при подпискѣ на всю библиотечку: **десять руб.** и остальные по **3** рубля ежемѣсячно. Одна книга библиотеки для ознакомленія высылается за **80 коп.**, которыя **засчитываются** при подпискѣ въ счетъ подписной платы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ во всѣхъ крупнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ и у специальныхъ агенто́въ. При подпискѣ черезъ главную контору книгоиздательства: **Edition et Librairie Russe, 9, rue de l'Éperon (VI) PARIS, France**—Франція, — рекомендуется деньги высылать или денежнымъ пакетомъ или переводомъ, который необходимо сопроводить письмомъ съ обозначеніемъ выслаемой суммы и своего адреса. Желаніе получить книги за казною бандеролью доплачиваютъ стоимость ея, т. е. 10 коп. съ книги. При высылкѣ же книгъ простой бандеролью книгоиздательство не отвѣчаетъ за аккуратность почты.

CHÉRUIT, 21, Place Vendôme, 21. PARIS.

Платья — Пальто — Бѣлье — Дѣтскія приданныя

Высшія награды на всемирныхъ выставкахъ въ Парижѣ (1900 г.) и Брюсселѣ (1910 г.)

При заказѣ просить ссылаться на настоящее объявленіе.

КОМИССИОННОЕ БЮРО

при Русском Книгоиздательствѣ въ Парижѣ

Всякаго рода порученія по художественной, типографской и книжной части; выдаетъ всевозможныя справки и исполняетъ заказы по самымъ доступнымъ цѣнамъ.

На складѣ книгоиздательства всегда имѣется громадный выборъ всевозможнѣйшихъ копій, фотографическихъ снимковъ и гравюръ въ одну или нѣсколько красокъ. Тщательно подобранныя коллекціи шедевровъ знаменитѣйшихъ европейскихъ мастеровъ по школамъ, музеямъ, эпохамъ и т. д.

РѢДКІЯ ИЗДАНИЯ Новости книжнаго и художественнаго рынка. **АЛЬБОМЫ** демическихъ моделей и другихъ лучшихъ парижскихъ натурщицъ, извѣстнѣйшихъ французск. артистовъ оперы, драмы, бале- **НОВИНКИ ТЕАТРА** та, шантана и др.

Только что вышелъ изъ печати иллюстрированный каталогъ (свыше 500 репродукцій). Высылается за 3 десятикопѣчные марки.

Простую и денежную корреспонденцію адресовать: Edition et Librairie Russe, 9, rue de l'Er ron Paris (VI). — НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖОМЪ ни книги, ни отдѣльные заказы, ни справки не высылаются.

Dr. Bengué, 47, Rue Blanche, Paris.

Получать можно во всѣхъ аптекахъ. Оригинальныя коробки снабжены розовою бандеролью съ надписью: Dr. Bengué.

PATE AGNEL
BEAUTÉ DES MAINS

16, AVENUE DE L'OPÉRA

BLANCHEUR NACRÉE, SOUPLESSE, DOUCEUR DE LA PEAU
SOLIDITÉ, TRANSPARENCE, ÉCLAT DES ONGLES
GUÉRIT RADICALEMENT IRRITATIONS, ROUGEURS, GERÇURES, ENGELURES
MÊMES MAISONS: 31, B° MALESHERBES et 9, RUE AUBER

При заказѣ просвѣтъ ссылаться на настоящее объявленіе.

При заказѣ просить ссылаться на настоящее объявленіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 Г.

— на прогрессивную, общественно-политическую литературную газету —

ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ

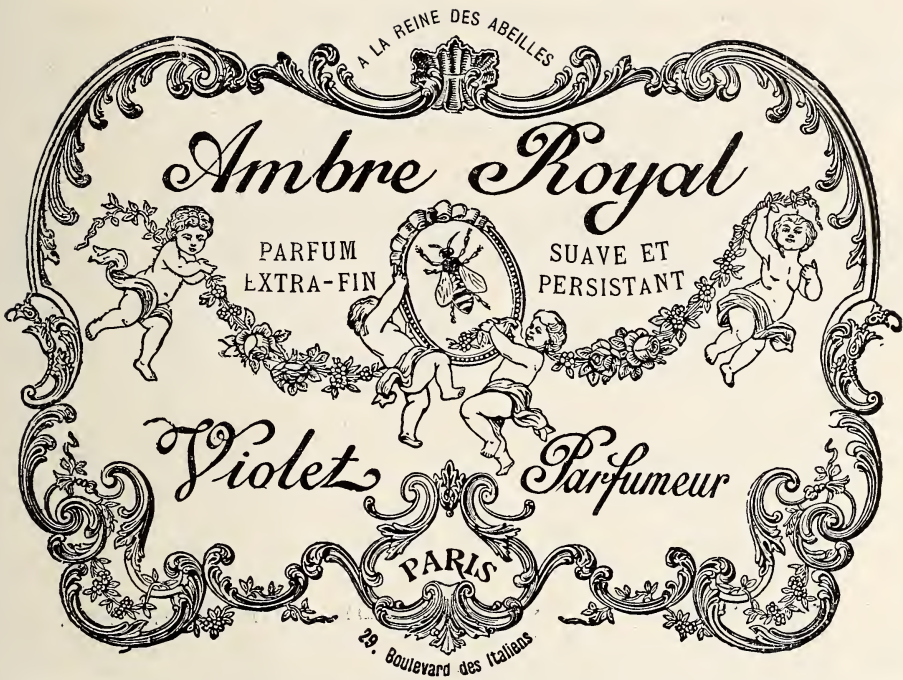
(ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV). — Гор. Оренбургъ, Неплюевская ул., д. Городисскаго. Газета ставитъ своей ближайшей задачей служеніе принципамъ конституціоннаго строя на широкихъ демократическихъ началахъ и разработку вопросовъ, какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ только съ этой точки зрѣнія.

ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ — 6 р., 6 мѣсяцевъ — 3 р. 50 коп.
3 мѣсяца — 2 рубля, 1 мѣсяць — 70 к.

Редакторъ *И. Н. Туркестановъ.*

Издатель *Е. М. Городисскій.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 Г.

на ежедневную обще-политическую, экономическую литературную газету

КУБАНСКІЙ КРАЙ

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на годъ 9 руб.

на 6 мѣс.	Съ 1 и 15 числа каж-	5 р. — к.
» 3 »	даго мѣсяца и не да-	2 » 75 »
» 1 »	лѣе конца года.	1 » — »

РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 3 руб., 1 апрѣля и
1 июля по 3 руб. и обязательно дол-
жно быть заявлено при подпискѣ.

Подписка принимается: въ Екатеринодарѣ — уг. Екатерининской и Борзиковской ул.,
соб. домъ., во Владикавказѣ — уг. Московской и Мѣщанской ул., соб. домъ и во всѣхъ
почтово-телеграфныхъ конторахъ Россіи и за границей.

Редакторъ-Издатель Сергѣй Казаровъ.

Hôtel & Restaurant

RITZ

15, Place Vendôme, 15, PARIS.

Rendez-vous de l'élite de la Société parisienne et étrangère.

При заказѣ просить съсылаться на настоящее объявленіе.

1 рубль
на 1/2
года || 2 рубля
на
годъ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
подписка на 1911 годъ.
(годъ изданія IV)

25 коп. || 30 коп.
отдѣльная || съ пере-
книжка || сьсылкой

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСѢХЪ

Годовые подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНОЕ** приложение: два тома избранныхъ произведеній современныхъ писателей (въ отдѣльной продажѣ 2 рубля).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на годъ — 2 руб., на 1/2 года — 1 руб., за границу — 3 руб. Цѣна отдѣльной книжки въ магазинахъ 25 коп. Пробный № высылается за пять 7коп. марокъ. Подписная плата марками не принимается. При подпискѣ черезъ книжные магазины приплачивается 15 коп. въ пользу магазиновъ.

Адресъ для переводовъ: Петербургъ, Фонтанка, 38, „Новый Журналъ для Всѣхъ“.

Редакторъ НИКОЛАЙ АРХИПОВЪ.

Большой журналъ
2 р. 50 к.
на 2-е полугодіе.

Издательство „Нов. журн. для всѣхъ“ (Годъ изд. IV-й)

Большой журналъ
60 к. отд. книж.
80 к. съ перес.

Продолжается подписка на 2-е полуг. 1911 г.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Большой журналъ литературы, искусства, науки и общественной жизни, выходящій ежемѣсячно, въ объемѣ до 300 стр. съ художеств. иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ веленев. бумаги.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на второе полугодіе (съ 1 июля) 2 р. 50 к.

Продолжается подписка на весь 1911 годъ (съ января) — 4 р. 50 коп.

Выписывающіе „Новую Жизнь“ одновременно съ „Новымъ Журналомъ для всѣхъ“ платятъ за оба журнала (разнаго типа) 3 рубля за второе полугодіе, или 5 р. 95 к. за весь 1911 годъ

Содержаніе книжекъ журнала за весь 1911 годъ

БЕЛЛЕТРИСТИКА: Леонидъ Андреевъ. — Цвѣтокъ подъ ногами. М. Арцыбашевъ. — Матерь Божья. Горькій. — Сказка. О. Дымовъ. — Лѣстница. Б. Зайцевъ. — Густя. Е. Чириковъ. — Модель. Г. Чулковъ. — Перепутье Д. Айзманъ. — Дисциплинарный батальонъ. Гр. Ал. Н. Толстой. — Монахъ. М. Преміровъ. — Забава. Вл. Бернштамъ. — Записки адвоката. А. Рославлевъ. — Гусь хрустальный. В. Ленскій. — Весенній голосъ. В. Ладыженскій. — Съ острогой. С. Ауслендеръ. — Веселія святки. В. Гофманъ. Ложь. Н. Архиповъ. Темная вода и др. **СТАТЬИ:** проф. Ф. Батюшкова, М. Невѣдомскаго, Тана, П. Берлина, Н. Рубакина, проф. В. Сперанскаго, Ф. Дана, А. Луначарскаго, К. Арабажина, Л. Камышниковъ, Л. Клейнборга, Н. Морозова, проф. А. Яценко, М. Энгельгардта, П. Юшкевича, Д. Заславскаго, Ст. Ивановича, пр. доц. В. Пичеты и др.

Н. ДОБРОЛЮБОВА собр. сочиненій получаютъ **бесплатно** всѣ годовые подписчики. Адресъ, гл. конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Знаменская, 7. Редакторъ **Ник. Архиповъ.**

при заказе просить ссылаться на настоящее объявление.

PARFUM
BRISE
DE
MAI
ED. PINAUD
PARIS

CHAUSSURES
CAOUTCHOUC
MARQUE
A L'AIGLE

Souscription Nationale aux Oeuvres Complètes de

BALZAC

Édition dite de la MAISON DE BALZAC
TEXTE COMPLET, SANS COUPURE ET MIEUX IMPRIMÉ
de 60 volumes à 3 fr. 50

La valeur de plus de 210 fr. de Romans, Théâtres et Contes, pour 30 fr.

PRIX ACTUEL DE LANCEMENT :

30 fr. en un seul versement | 35 fr. en 4 versements

Ces prix seront prochainement augmentés

Les volumes seront reliés dos cuir, fers spéciaux

LISTE

par ordre chronologique
DES ŒUVRES
COMPLÈTES

— DE —

BALZAC

qui seront intégrale-
ment publiées en 1911

Les Chouans.
La Physiologie du Mariage.
El Verdugo.
Étude de femmes.
La paix du Ménage.
La Maison du Chat qui pelote.
Le Bal de Sceaux.
La Vendetta.
Gobseck.
Une double famille.
Adieu.
L'Élixir de longue vie.
Sarrasine.
Une Passion dans le Désert.
Épisode sous la Terreur.
Le Réquisitionnaire.
Les Proscrits.
Le Chef-d'Œuvre inconnu.
L'Auberge Rouge.
La Peau de Chagrin.
Jésus-Christ en Flandre.
Maître Cornélius.
Madame Firmiani.
Le Message.
Le Colonel Chatert.
Le Curé de Tours.
La Bourse.
La Femme abandonnée.
Louis Lambert.
La Grenadière.
Les Marana.
Histoire des Treize.
Le Médecin de campagne.
Eugénie Grandet.
L'Illustre Gaudissart.
La Recherche de l'Absolu.
La Femme de 30 ans.
Le Père Goriot.
Un drame au bord de la mer.

Tout souscripteur recevra, à titre absolument gratuit
(tous droits ayant été payés par M. Jean Gillequin) une

CARTE DE MEMBRE de la

SOCIÉTÉ NATIONALE DES AMIS DE BALZAC

Subventionnée par le Ministère de l'Instruction Publique et des Beaux-Arts, par la Ville de Paris, la Société des Gens de Lettres, la Société des Auteurs dramatiques, le Cercle de la Librairie, La Renaissance du Livre, etc.

PRÉSIDENTS D'HONNEUR DE LA SOCIÉTÉ :

MM. JEAN RICHPIN de l'Académie Française; J.-H. ROSNY aîné, de l'Académie Goncourt; STEPHEN LIEGEART, Président de la Société d'Encouragement au Bien.

CONSEIL D'ADMINISTRATION :

Président : HENRY MARET; Vice-Présidents : CAMILLE LE SENNE et SURVILLE DE BALZAC; Secrétares : HENRI GUÉRIN, ALEXANDRE LAMBERT; Administrateur délégué : GUSTAVE ITASSE; Conservateur de la Maison et du Musée de Balzac : L.-B. DE ROYAUMONT.

COMITÉ DE PATRONAGE :

Mmes JULIETTE ADAM, THÉRÈSE CARRIER-BELLEVOY, de CHEVIGNÉ-CROISSET, J. ALPHONSE DAUDET, JANE DIEULAFOY, Marquise de GANAY, Comtesse MNIZECH née ANNA DE HANSKA, LOUIS MORS, Comtesse MATHIEU DE NOAILLES, GABRIELLE RÉVAL, Duchesse de ROHAN, ALEXANDRINE EMILE ZOLA, Duchesse d'UZÈS, ETC.

MM. Comte d'ANDIGNÉ, A. ANTOINE, PAUL BOURGET, RENÉ BOYLESVE, PIERRE CARRIER-BELLEVOY, P.-A. CHERAMY, JULES CLARETIE, ALBERT et GEORGES CLÉAIRNEAU, DAVID D'ANGERS, PAUL DÉROULÈDE, MARCEL DIEULAFOY, PAUL DOUMER, H. DURAND-GREVILLE, F. MILE FABRE, GUSTAVE GEFFROY, JEAN GILLEQUIN, EDMOND HARAUCCOURT, J.-J. IZOULET, HENRI LAVÉDAN, GEORGES LÉCOMTE, GEORGES LENOTRE, GEORGES LEYGUES, TANCRÈDE MARTEL, PAUL MARMOTAN, MAMSON-FORÉSTIER, CAMILLE MAULAIN, MAETERLINGK, BARON MERLIN, GEORGES OENET, EDOUARD PETIT, RAYMOND PONSICARE, GEORGES DE PORTO-RICHE, XAVIER PRIVAS, Docteur F. RASPAIL, HENRI DE RÉGNIER, AUGUSTE RODIN, ED. ROSTAND, Baron EDMOND DE ROTHSCHILD, Docteur EMILE ROUX, EMILE-ALBERT SOREL, PIERRE VALDAGNE, PIERRE WOLF, ETC.

Quelques avantages réservés aux Membres de la Société

Entrée permanente et gratuite du Musée, de la Salle d'Études et de la Bibliothèque de la Maison de Balzac. — Entrée gratuite aux voyages et galas organisés par la Société. — Réduction sur les prix des voyages en chemin de fer et des excursions de la Société, etc., etc.

Bulletin de Souscription Priviligée

Je soussigné _____
Profession _____ lect. de la B. des G. E. E.
Adresse _____

souscrit aux ŒUVRES COMPLÈTES DE BALZAC, qui me seront livrés franco, reliés dos cuir, fers spéciaux, dures à l'vrai, par les soins de La Renaissance du Livre.

1re SÉRIE (r). — Ci-joint 30 francs, montant de ma souscription.
2e SÉRIE (r). — Ci-joint 5 francs, premier versement sur un prix à forfait de 35 fr. — les 30 fr. restant à verser en trois versements mensuels de 10 fr., le premier, par traite, le 1er du troisième mois qui suivra la date de ma souscription.

(r) Le Souscripteur rayera la série écartée par lui.

Melmoth réconcilié.
Le Contrat de Mariage.
Séraphita.
La Messe de l'Athée.
L'Interdiction.
Facino Cane.
Le Lys dans la Vallée.
L'Enfant maudit.
La Vieille Fille.
Les Employés.
Gambara.
César Birotteau.
La Maison Nucingen.
Une Fille d'Eve.
Les secrets de la Princesse de Cadigan.
Ma-similla Dori.
Le Cabinet des Antiques.
Pierrette
Marca.
Un Prince de la Bohême.
Pierre Grassou.
Une Ténébreuse Affaire.
Le Curé de Village.
Ursule Mirouet.
La Fausse Maîtresse.
Mémoires de 2 jeunes Mariées.
Albert Savarus.
Un début dans la vie.
Un Ménage de Garçon.
Autre étude de Femme.
Honorine.
La Muse du Département.
Illusions perdues.
Modeste Mignon.
Gaudissart II.
Les Paysans.
Beatrix.
Un homme d'affaires.
Catherine de Médicis.
Les Comédiens sans le savoir.
Splendeurs et misères des Courtisanes.
La Cousine Bette.
Petites misères de la vie conjugale.
Le Cousin Pons.
La dernière incarnation de Vautrin.
L'envers de l'Histoire Contemporaine.
Vautrin.
Les Ressources de Quinola.
Paméla Giraud.
La Marâtre.
Contes drôlatiques.

**THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL**

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PQ2383
.P6
A57
.1911

ЦѢНА: 85 КОП.